

Дрыгин
Василий Михайлович

И небу было жарко...

Ростов-на-Дону
2010

**Дрыгин
Василий Михайлович**

И небу было жарко...

Ростов-на-Дону
2010

УДК 947
ББК 63.3 (2) 622.78
Д 769

Дрыгин В.М. И небу было жарко... – Ростов-на-Дону:
Ростиздат, 2010. – 137 с.

ISBN 978-5-7509-0469-5

Книга представляет собой воспоминания летчика-истребителя Героя Советского Союза Василия Михайловича Дрыгина о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В книгу включены также рассказы боевых друзей, однополчан, командира и замполита 104 (298) гвардейского ордена Александра Невского Краковского истребительного авиаполка, командующего Четвертой Воздушной армией, опубликованные в разные годы на страницах книг и газет, о победах В.М. Дрыгина над противником в воздушных боях в Великой Отечественной войне.

*"Ты помнишь, товарищ,
как вместе сражались?"
(Из песни)*

1943 год. Боевые друзья.
Слева направо: К.Г. Вишневецкий, А.А. Румм, А.С. Заколюк,
В.М. Дрыгин, А.А. Вильямсон

*«Так вспомним же юность свою боевую.
Так выпьем за наши дела!
За нашу страну, За Отчизну родную,
Чтоб Родина краше цвела!»*

В Великую Отечественную войну я вступил с первых же минут. В это время я был курсантом Качинской военной школы пилотов им. А.Ф. Мясникова, располагавшейся в Крыму на реке Кача под городом Севастополем.

Полный курс обучения в Качинской школе наш набор закончил 20 июня 1941 года и ждал назначения в строевые части. 21 июня у нас было много разных мероприятий, и потому отбой был на час позже обычного, но только мы уснули, как нас разбудил дневальный: «Тревога!!! Подъем!!!». Это было в 3 часа 14 минут 22 июня 1941 года, когда немцы нанесли бомбовый удар с самолетов по Севастопольской бухте.

На третий день войны, 25 июня, наш второй отряд и часть третьего, всего человек около 150, отправили в Одесский военный округ. Через два дня мы прибыли в город Вознесенск, где осталась часть курсантов – 60 пилотов из первой и третьей эскадрилий Качинской школы. Остальных отправили в Первомайск, Балту, Котовск.

В числе 60 молодых пилотов – качинцев я попал в 298 истребительный авиационный полк (ИАП), формировавшийся в Вознесенске. Полк под командованием майора А.П. Прудникова к 1 июля 1941 года был полностью сформирован и начал боевые действия.

Опытные командиры звеньев и эскадрилий уже вступили в воздушные бои с противником, прикрывая железнодорожный мост через реку Южный Буг, а нас, молодежь, продолжали обучать на земле и в воздухе тому, что было необходимо для победы в воздушном бою на войне.

Молодежь тоже рвалась в бой, и на первом комсомольском собрании я сказал, что пора и нам, молодым пилотам, участвовать в боевых действиях. Меня поддержали Саша Румм, Алексей Заколюк, Саша Вильямсон и другие.

Обстановка на Южном фронте осложнялась. Немцы старались разбить мост через реку Южный Буг, чтобы не допустить отступления наших войск, и на прикрытие этого моста летали опытные командиры звеньев и эскадрилий.

Первого августа пара в составе старшего лейтенанта А.А. Чайки и младшего лейтенанта В.Д. Зотова во время патрулирования над железнодорожным мостом через Южный Буг встретила четыре бомбардировщика Хе-111 и навязала им бой, в результате которого был сбит один «хейнкель». Остальные, беспорядочно сбросив бомбовый груз, обратились в бегство.

Пятого августа немцы усилили натиск на участке Южного Буга у Вознесенска. В этот день над нашим аэродромом появился разведывательный самолет Хеншель-126. Командир первой авиаэскадрильи старший лейтенант Чайка и младший лейтенант Карпов с положения «дежурство на земле» вылетели и сбили этот самолет. Вражеские летчик-наблюдатель и сержант-пилот были взяты в плен.

Время приближалось к вечеру, когда четверка наших самолетов, находившаяся в воздухе, заметила приближение немецких самолетов – пары Me-109, потом еще четверки Me-110 и нескольких Ю-87. Над аэродромом завязался неравный воздушный бой.

Карпов сбил одного истребителя противника, который врезался в землю на краю аэродрома, а Чайка сбил одного бомбардировщика. Шорохов вогнал в землю Me-109, однако когда он шел в атаку на «мессера», его стал преследовать фашистский истребитель. Шорохов дал очередь, немецкий самолет загорелся, но в ту же минуту загорелся и самолет Шорохова. Потеряв управление, он врезался в землю рядом с уничтоженным врагом.

Это был первый тяжелый, неравный бой, из которого наши летчики вышли победителями. Особенно мужественно в этом бою сражались Карпов и Чайка.

В районе Арбузовки в пятидесяти километрах севернее Вознесенска, наши обороняющиеся войска задержали продвижение противника. Враг, не считаясь с потерями, бросал в этот район все новые и новые танковые и механизированные войска. Восьмерка наших истребителей, ведомая Чайкой, вылетела на штурмовку немецких войск на 60-70 километров севернее Вознесенска. С первой атаки загорелось 4 автомашины, строй противника распался. Повторная атака была также успешной. При заходе на третью атаку летчики увидели горящий самолет, который, сделав крутой разворот, объятый пламенем, врезался в колонну фашистских танков, другой самолет упал на окраине Арбузовки. Так погибли младший лейтенант Карпов и старший лейтенант Большаков. Посмертно Карпов был награжден орденом Ленина, а Большаков – орденом Красного Знамени.

В первые дни войны наши лучшие боевые летчики, летая на боевые задания, вступали в бой с превосходящими силами противника, смело уничтожая как фашистские самолеты, так и наземную технику, а мы, молодые пилоты, учились у них и хотели быть достойными своих учителей.

В первых боях храбрость и умение вести воздушный бой проявил командир 4-ой эскадрильи Митрофан Андреевич Булгаков. Он первым сбил два самолета противника, первым в полку был награжден орденом Красного Знамени, хотя это и произошло, когда его уже не было в живых.

Мы, молодые пилоты, тщательно изучали методику по ведению боя с самолетами противника опытного командира Булгакова и применяли ее на практике.

15 августа полк был выведен из непосредственного подчинения Южного фронта и передан в состав 45 смешанной авиационной дивизии (САД). Когда полк вошел в состав дивизии, ему добавили самолеты и поставили дополнительную задачу по сопровождению бомбардировщиков одного из бомбардировочных полков.

Постановка дополнительной задачи, а также добавление материальной части и понесённые потери обязывали командование полка форсировать ввод в строй молодого лётного состава. Так, уже в сентябре сорок первого года нашему молодому полку пришлось выполнять фактически все боевые задачи, возлагаемые на истребительные части, т.е. выполнять задачи противовоздушной обороны (ПВО), прикрывать свои наземные войска с воздуха, производить штурмовку живой силы и техники противника, производить разведку и сопровождать бомбардировщиков.

В первые дни тренировки многие товарищи показали отличные результаты, а некоторые оказались прекрасными лётчиками, способными хоть сейчас выйти на противника.

15 августа 1941 г. северо-восточнее Запорожья в паре с А. Руммом я сбил Ю-88

Свое первое «боевое крещение» я получил 15 августа 1941 года, когда командир первой авиаэскадрильи А.А. Чайка проводил учебный полет по маршруту с молодыми пилотами В. Дрыгиным, А. Руммом, А. Заколюком.

В ходе полёта мы встретили три бомбардировщика Ю-88 и четыре Ме-109. Чайка дал очередь по бомбардировщикам противника, строй распался, и они стали уходить со снижением. Мы с Руммом догнали один бомбардировщик и сбили его.

Описал этот бой замполит 104 (298) ГИАП полковник запаса С.П. Губарев в очерке «Крылья героя» (газета «Советская авиация», декабрь 1958 г. № 304 (3168)).

КРЫЛЬЯ ГЕРОЯ

I. Первое «крещение»

В сводной эскадрилье молодых пилотов шла оживленная летная подготовка. Она не была похожа на ту, которая проводится в мирное время или когда стабилизируется фронт.

Немецко-фашистские войска продолжали продвигаться в глубь нашей страны. Советская Армия перемалывала вражескую живую силу и технику. В этих условиях нередко учебный полет становился боевым.

Однажды командир эскадрильи старший лейтенант Чайка проводил полет по маршруту. В состав его звена входили молодые летчики – Дрыгин, Румм и Заколюк. Во время полета северовосточнее Запорожья они встретили три вражеских бомбардировщика, которых сопровождали четыре «Me-109». Несмотря на количественное превосходство врага, Чайка дал сигнал сократить дистанцию и интервал и смело повел своих питомцев в атаку. С большого расстояния он произвел выстрел. Снаряд разорвался в гуще вражеского строя. Гитлеровцы шарахнулись в разные стороны. Но на этом, разумеется, наши летчики не остановились.

Чайка и Заколюк ввязались в воздушный бой с истребителями противника. Фашистские бомбардировщики стали по одиночке делать развороты и уходить на свою территорию. Дрыгин, оценив обстановку, покачиванием на левое крыло дал знак Румму: «Следуй за мной». Он стремительно пошел на сближение с одним из бомбардировщиков противника. Гитлеровец, заметив советских истребителей, начал маневрировать, чтобы создать своему стрелку более удобное положение для ведения огня. Но Дрыгин и Румм не испугались. Подойдя на близкую дистанцию, Дрыгин первым открыл огонь. Один мотор «Ю-88» охватило пламенем. Самолет пошел на снижение, сбрасывая бомбы. А Румм в это время дал прицельную очередь по кабине самолета. Бомбардировщик вздрогнул и, закружившись, словно попав в водоворот, начал падать. Быстро развернув свой самолет, Дрыгин еще раз полоснул врага, и тот, объятый пламенем, стремительно пошел к земле.

Во время этой атаки друзья потеряли высоту. Теперь, дав полный газ, Дрыгин и Румм «полезли» вверх. Там Чайка и Заколюк парой вели бой против четырех «Me-109». Сердце Дрыгина билось с такой силой, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Один из «Мессершмиттов» попытался пойти в атаку на Дрыгина. Однако Румм длинной очередью предупредил врага. Фашист резко отвернул в сторону. Наши летчики, поднявшись на высоту две тысячи метров, вошли в вираж, образовав вместе с Чайкой и Заколюком замкнутое кольцо. Несколько минут длился бой с истребителями противника.

...Атаки Дрыгина и Румма по бомбардировщику противника были настолько смелы и тактически грамотны, что им мог бы

позавидовать опытный летчик. Это было первое «крещение» комсомольцев.

Успех Дрыгина и Румма окрылил всех молодых летчиков. Да и командование части стало несколько иначе смотреть на своих питомцев.

Все чаще и чаще молодых летчиков полка начали включать в боевые расписания, но вскоре учебная эскадрилья прекратила свое существование. Полк перестал считаться молодым.

В боевой эскадрилье быстро проявились незаурядные способности сержанта Дрыгина, смелого и знающего дело воздушного бойца.

В конце сентября и в начале октября 1941 г. фашистские механизированные группы, захватив Днепропетровск, начали продвигаться в направлении Ростова-на-Дону и Мелитополя. Вторая группа из района Воскресенска действовала в направлении на Никополь, ставя своей целью захват Крыма.

В это время полк работал с полным напряжением сил.

3 октября командир полка майор Прудников повел группу в составе командира звена Зотова с летчиками Белецким и Касавиным на разведку войск противника. В районе Добровольской они встретили звено Хе-111. Сбив два самолета противника, они при возвращении обнаружили колонну немцев, движущуюся в район Рогачевка – Большая Белозерка и начали ее штурмовку.

При очередном заходе в атаку по движущейся колонне, самолет Касавина был зажжен огнем зенитной артиллерии и, упав, горящим клубком прокатился по колонне немцев метров двести. Это было в селе Блюменфельд (сейчас Коханое). Там Моисей Наумович остался лежать навечно. Немцы заплатили за его жизнь дорогую цену. Касавин погиб первым из курсантов-качинцев.

Миша, как мы называли Касавина, уже в авиашколе был сержантом, старшим отделения летной группы. Свои два треугольника ему так и не пришлось снять до последнего дня, поскольку в начале войны до присвоения звания у командования не доходили руки. Товарищи уважали Мишу за общительность. Он был родом со Смоленщины, из города Видачи, а когда наш полк, часто меняя точки базирования, отступал по украинской земле, Мише очень понравился мягкий украинский говор, и он активно взялся изучать украинский язык, но война не дала осуществиться планам Миши Касавина. Он отдал жизнь за счастье будущих поколений.

Спустя несколько десятилетий, будучи в Евпатории, где Миша призывался в армию, я хотел встретиться с его родителями, чтобы рассказать, как их сын в свои 18 лет красиво отдал свою жизнь во имя победы над врагом, но их там уже не оказалось.

Я продолжал искать родственников Миши Касавина, но безрезультатно. Из Евпатории 20 июня 1981 года мне ответили, что «в списках погибших Евпаторийского горвоенкомата Моисей Касавин не числится».

В 1985 году я встретился с журналистом и рассказал ему о подвиге Касавина. Мой рассказ напечатали в местной газете города Евпатории. Среди прочитавших этот рассказ оказались друзья семьи Миши Касавина, и они-то разыскали сестру Михаила.

Отрывки из письма ко мне сестры М.Н. Касавина я помещаю ниже.

«Дорогой Василий Михайлович!

Помогите мне подыскать слова благодарности Вам за Ваше большое человеческое сердце, за то, что через 44 года Вы разыскали родных Михаила Касавина, чтобы сообщить о его подвиге на фронте в свои 18 мальчишеских лет.

Безусловно, что Вы не только благородный, но и умный человек! Вы правильно сделали, что связались с Евпаторией. Это наша Родина. Мы там родились, там учились и только через этот канал можно было найти его близких. Моя школьная подруга, врач, работает в Евпатории, прочитала случайно эту статью и решила разыскать меня и прислала мне газету, где т. Щербинин В.А. очень талантливо написал статью, где я узнала подробности о гибели моего родного брата Мишеньки.

Мы с детства с ним очень дружили. Я была младше него, он был моей опорой и защитой в детстве и отличался справедливостью и добрым сердцем. Его обожали все товарищи. А опытные учителя говорили моим родителям, что Ваш Миша будет яркой личностью и он себя в жизни еще проявит.

Я очень хочу увидеть тех его друзей, которые остались в живых, тех, с кем он учился в Качинской школе, с ним вместе волевал, с ним вместе ел и спал. Я хочу их обнять и прижать как дорогих людей. Я хочу прийти к Вам пешком, чтобы выразить Вам самые глубокие чувства благодарности...

Обнимаю Вас, дорогой Василий Михайлович, и остаюсь Вам вечно благодарна, что Вы не забываете погибших товарищей.

С уважением, Мария Наумовна Касавина. 27.03.85 г.»

Зима 1941-1942 гг. выдалась очень суровая, но несмотря ни на что мы летали и громили фашистские войска на земле и в небе

Сидят (слева направо): В. Белецкий, В. Дрыгин, М. Иванов,
И. Костиков

Стоят (слева направо): А. Луканцев, М. Лиховид, И. Иванников,
К. Савельев, В. Зотов, Н. Кацапов, А. Нефедов

Мы отступаем на восток

3 октября 1941 года немцы подходили к Большому Токмаку. Наш 298 ИАП перебазировался в село Ново-Петриковка. Когда полк улетел из Большого Токмака, я еще по состоянию здоровья находился в санчасти БАО (технического батальона аэродромного обслуживания).

А получилось вот что. 30 сентября во время штурмовки мехколонны немцев, находившейся в кукурузном поле в районе Большая Белозерка – Рогачин, мой самолет был сильно побит огнем с земли, особенно эрликонов, которые огнем светящихся снарядов окутывали весь самолет. Когда я садился на свой аэродром в Большом Токмаке, принимавший прилет командир полка майор Прудников, увидев, что я приземлился отлично, стал смотреть на другой, заходящий на посадку самолет. В этот момент мой самолет резко развернулся вправо, и я перевернулся вместе с самолетом. Как потом выяснилось, снаряд пробил колесо, и колодки тормозов заклинило. Мне от ушиба потянуло голову, и меня увезли в санчасть.

Батальон сначала отправил всех из полка и только тогда взялся за перебазирование своих служб.

Санчасть для раненых размещалась рядом со сквером на центральной площади города. На другой стороне был магазин культтоваров. Мы уже слышали гул немецких танков, а машину для эвакуации санчасти все не подавали. Когда подошла наша машина, на другой стороне сквера у магазина культтоваров уже остановились немецкие танки, и мы стали наблюдать, какую культуру несла нам с Запада арийская раса. Они стали грабить магазин, тащили все подряд – вплоть до детских игрушек. Набрали музыкальных инструментов, и начали развлекаться. Поняв, что им было не до нас, мы погрузились на полуторку и поехали в Ново-Петриковку к новому месту базирования авиаполка.

Большой Токмак входил в состав Запорожской области, а когда мы стали готовиться к перелету в село Ново-Петриковка, то увидели на карте, что это уже Донецкая область. Конечно, мы были очень огорчены: «Так вот куда мы уже допустили врага?!»

На аэродромах Донецкой области

5 октября 1941 г. с аэродрома Петриковки звено И-16 вылетело на разведку войск противника в район Токмачки. Звено обнаружило колонну немцев, насчитывающую до 500 автомашин.

Командир первой эскадрильи старший лейтенант Чайка, возглавлявший звено разведчиков, чтобы не упустить момент, сел в поле возле огневой позиции артиллеристов и сообщил им данные о противнике.

Наша артиллерия открыла огонь по немецкой колонне и уничтожила до 150 автомашин и большое количество живой силы. Движение немцев было приостановлено. Это дало возможность нашим войскам организовать оборону, что было важно при отступлении на данном участке. За эти своевременные действия А.А. Чайка был поощрен командованием 45 смешанной авиадивизии.

Вот как описывает этот эпизод замполит 104 гвардейского истребительного авиаполка С.П. Губарев (газета «Советская авиация», декабрь 1958 г.).

«Полк получил задачу произвести разведку войск противника на широком фронте. Для выполнения задания выделили несколько групп. Одну из них возглавил теперь уже капитан Чайка, ведомым к нему назначили сержанта Дрыгина. Вскоре группа обнаружила движение фашистской механизированной колонны, насчитывающей до 500 автомашин разных марок. Еще на подходе к колонне фашисты открыли ураганный огонь из зенитных установок.

Наши летчики понимали, что штурмовать такую мощную колонну небольшим числом истребителей весьма рискованно, а главное, малоэффективно. Но что же предпринять?

Недалеко от колонны сержант Дрыгин заметил позиции нашей артиллерии. Судя по обстановке, артиллеристы не знали о передвижении гитлеровцев. Сержант немедленно передал свои наблюдения ведущему.

Капитан Чайка попытался навести артиллеристов на цель при помощи радио и эволюции самолета, но те его не поняли. Тогда он дал команду сержанту Дрыгину вести звено на свой аэродром и готовиться к вылету, а сам с бреющего полета осмотрел местность и произвел посадку в расположении артиллеристов. Через несколько минут по вражеской колонне был открыт ураганный огонь.

Выполнив боевое задание, капитан благополучно прибыл на аэродром, где по докладу сержанта Дрыгина были приняты меры и подготовлены самолеты для боевого вылета.

И снова смелые соколы в воздухе. А через 25 минут они во взаимодействии с артиллерией хорошо разделились с вражеской колонной. Выполняя задание, сержант Дрыгин проявил храбрость и мужество. Он безошибочно обнаруживал зенитные установки противника и обрушивал на них огонь. Сержант не допустил ни одного холостого захода по врагу. Иногда казалось, что увлекшись боем, он вот-вот врежется во вражеский танк или автомашину. Однако в последнюю минуту летчик вдруг устремлялся вверх и, развернувшись, снова бросался в атаку.

В этом бою он зажег четыре вражеские автомашины, уничтожил две зенитные установки, расстрелял из пулемета свыше двадцати гитлеровских солдат и офицеров. Прекрасному примеру Дрыгина следовали пилоты-комсомольцы Румм, Заколюк, Вильямсон и другие.

В результате мощного удара наших истребителей и артиллерии движение вражеской колонны приостановилось. Повсюду валялись обгоревшие, разбитые машины. Место боя превратилось в кладбище фашистской техники».

Это произошло в октябре 1941 г.

В одном из боевых вылетов звено И-16 под командованием младшего лейтенанта Зотова, в котором вылетел и я, обнаружило колонну немецких танков, двигавшихся к Ростову. Мы начали штурмовать эту колонну, несмотря на зенитный огонь, который прикрывал ее еще на отдаленных подступах.

Наши истребители сумели сделать три захода, но вот на третьем заходе прямо над целью на моем самолете остановился движок. Мне не оставалось ничего иного, как сесть «прямо перед собой». Я посадил свой самолет на поле гречихи и, молниеносно выскочив из своего самолета, побежал в ближайшую балку, туда, где рос кустарник. Выбрав кусты погуще, я лег в них лицом вверх, приготовил пистолет и стал ждать, так как увидел, что взвод немцев отделился от своей колонны и двинулся прочесывать место посадки самолета в поисках летчика.

Выстроившись цепью, немцы приближались к месту, где я находился. Я замер, стараясь не производить ни малейшего шума. Внезапно немец наткнулся на меня и оторопел, увидев, что пистолет летчика направлен на него прямо в упор. На какую-то долю секунды немец замешкался, но тут же обошел куст, где я лежал, и пошел дальше.

В сумерках я вышел к дороге. Фронт еще не определился. По дороге ехала наша колхозная машина. Поскольку я был в комбинезоне, они приняли меня за тракториста и довезли до ближайшего села, откуда я добрался до Агрофеновки, а к утру был уже в Гуково в своем полку.

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК

(Лидия ИВАНОВА. Газета «Ветеран Дона», 4 августа 2006 г. №№ 109-110)

Василий Михайлович, откинувшись на спинку скамейки, подставив солнечным лучам уже чуть тронутое загаром лицо, прикрыл

глаза и наслаждался покоем. Рядом шелестели струи фонтана, ветерок доносил до него водяную пыль. С только что политых клумб веяло ароматом роз. *Благодать!*

На соседней скамейке, склонившись над шахматной доской, сражались двое пенсионеров и, судя по восклицаниям нескольких болельщиков, окруживших их, сражались не на шутку.

Из расположенного неподалеку кафе-мороженого лились записи современных песен – Пугачева... Газманов... Буйнов. Он немного послушал, затем развернул купленную по дороге газету и углубился в чтение.

... Белый шиповник.

Страсти виновник...

– донеслось из кафе.

– Шиповник, – прошептал он, отрываясь от газеты.

...Ветки упали

на подоконник.

На пол упала шаль...

– Шиповник, – повторил Василий Михайлович и мгновенно перенесся в теперь уже такое далекое прошлое. Сколько же лет прошло? Больше шестидесяти? Точно – шестьдесят три года...

Стоял такой же теплый солнечный день. Небо сияло синевой, и только вид призрачной, спаленной деревни с закопченными пожаром остатками печных труб и обугленными садами не давал ни на секунду забыть, что идет страшная война. Их аэродром немцы сегодня уже дважды пытались бомбить, и в любую минуту мог начаться очередной налет злобно ревущих бомбардировщиков или обстрел из дальнобойных орудий.

Действительно, не прошло и получаса, как был дан приказ вылетать: с запада в сторону аэродрома двигалась колонна вражеских танков и автомашин. В районе села Генеральское они и обнаружили этих ползущих монстров, за каждым из них тянулся шлейф пыли. Василия до глубины души возмущала такая картина: прут гады по донской степи, как будто это их родная Бавария. Радиосвязи тогда между самолетами не было, и поэтому решение надо было принимать самостоятельно и постараться сделать так, чтобы это был толковый маневр, а не попадание «пальцем в небо».

Решив использовать момент внезапности – немцы их явно не ждали, шли, как на параде, скученно – Василий повел истребитель в крутое пике, стреляя из обеих находящихся на борту пушек. Это обычно действовало убойно и сеяло панику. Попадание снарядов просматривалось хорошо. Ринулись на колонну и другие самолеты – строй танков сломался, некоторые рванули к находившейся неподалеку рожице – решили укрыться.

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК

Василий Михайлович, откинувшись на спинку скамейки, подставив солнечным лучам уже чуть тронутое загараем лицо, прикрыл глаза и наслаждался тиоком. Рядом шестелели струи фонтана, ветерок доносил до него водяниую пыль. С только что политых клумб веяло ароматом роз. Благогодуя!

На соседней скамейке, склонившись над шахматной доской, сражались двое пенсионеров и, судя по восклицаниям нескольких болельщиков, окружающих их, сражались не на шуточку.

Из расположенного неподалеку кафе-мороженого лились записи современных песен — Пугачева... Газманов... Буйнов. Он немного послушал, затем развернул купленную по дороге газету и углубился в чтение.

... *Белый шиповник,*
Страсти вишневик...

— доведлось из кафе.

— Шиповник, — прошептал он, отрываясь от газеты.

... *Ветки упали*

на подоконник,

На пол упала шаль...

— Шиповник, — повторил Василий Михайлович и мгновенно перенесся в теперь уже такое далекое прошлое. Сколько же лет прошло? Больше шестидесяти? Точно — шестьдесят три года...

Стоял такой же теплый солнечный день. Небо сияло синевой, и только вид приростков, спящей деревни с закопченным пожаром остатками печных труб и обугленными садами не давал ни на секунду забыть, что идет страшная война. Их аэродром немцы сегодня уже дважды пытались бомбить, и в любую минуту мог начаться очередной налет злобно ревущих бомбардировщиков или обстрел из дальнбойных орудий.

Действительно, не прошло и получаса, как был дан приказ вылетать: с запада в сторону аэродрома двигалась колонна вражеских танков и автомашин. В районе села Генеральское они и обнаружили этих ползущих монстров, за каждым из них тянулся шлейф пыли. Василия до глубины души возмущала такая картина: прут гады по донской степи,

как будто это их родная Бавария. Радиосвязи тогда между самолетами не было, и поэтому решение надо было принимать самостоятельно и постараться сделать так, чтобы это был толковый маневр, а

Первый заход был удачным, но снаряды еще были, и он начал набирать высоту, чтоб снова штурмовать колонну. И вновь его самолет несся к земле, ввалились снаряды, вспыхивали автомашины,

Василий Михайлович ДРЫГИН. Фото 1945 года.

не попадание «пальцем в небо».

Решив использовать момент внезапности — немцы их явно не ждали, шли, как на парале, скученно — Василий повел истребитель в крутое пики, стреляя из обеих находящихся на борту пушек. Это обычно действовало убойно и севло панику. Попадание снарядов просматривалось хорошо. Ринулись на колонну и другие самолеты — строй танков сломался, некоторые рванули к находящейся неподалеку рощице — решили укрыться.

— Черта с два укроетесь! — крикнул Василий, выходя из пики.

дымились танки. Но немцы уже «очухались» и встретили истребителей плотным огнем.

Эх! Мотор вдруг чихнул, потом кашлянул и... заглох: двигатель остановился.

— Будем планировать? — Василий определил высоту — 80 метров. Внизу немцы. За танками движется колонна автомашин с автоматчиками — с парашютом не выброситься — плен неминуем.

Протянув, сколько было возможно, он посадил боевую машину на фюзеляж среди гречишного поля, быстро выбрался из кабины — хорошо, хоть дверцы не

заклиннло — и, согнувшись в три погибели, бросился прочь от самолета:

— Эх, жаль, до рощи не дотянул! — и понесся по полю, стараясь скрыться среди редких, низкорослых кустиков. Вот тут он споткнулся и налетел на этот куст шиповника, а тот недовольно полоснул его по лицу колючими ветвями.

Протиснувшись в центр куста — благо летный комбинезон не давал шипам достать его — Василий выхватил заряженный наган и быстро огляделся: на дороге, примерно в километре отсюда, горят танки и автомашины, доносятся приглушенные расстоянием крики. Наших самолетов не видно — отстрелялись, наверно, и улетели. А по полю, между тем, цепью двигались немцы, видно, надеялись взять в плен летчика.

Василий устроился поудобнее, приготовил наган, решив, что живым в плен не сдастся: все пули — в противника, последнюю — в себя. Если раньше не застрелят.

Вот трое немцев приблизились к кусту. Двое взяли левее и направились к самолету, а один, совсем молодой, пожалуй, моложе его самого, держа «шмайзер» наготове, решил повнимательнее осмотреть куст. Он подошел ближе, все так же внимательно глядясь, и... тут их взгляды встретились. Немец устоял и молча уставился на летчика, направив на него автомат, а Василий, держа в руках наган, так же молча смотрел на него. И тут что-то произошло — немец спокойно отвел взгляд, отступил, обошел куст и, по-прежнему держа автомат перед собой, двинулся дальше.

Василий чуть не задохнулся: неужели уйдет? Не оглянется и не пошлет очередь?

Немец удалился. Василий тоже не выстрелил в него. Почему? Он до сих пор не может этого понять. Ведь немец был как на ладони, и свалить его можно было одним выстрелом, но... он дал ему уйти.

Отсюда, из куста, было видно, как он догнал своих, и они, о чем-то горланя, двинулись к его самолету, где уже собралось несколько

ко солдат. Потом все ушли в сторону дороги.

Василий долго еще сидел в шиповнике, двигаться не было сил — сказало нервное перенапряжение. А перед ним все стояли светлые, «нордические» глаза немца.

Когда стемнело, он побрел в сторону расположенного своего аэродрома. Зная наизусть карту местности, он ошибиться не мог. Тяся и причась, обходя станицы — там могли быть немцы, вышел к тракту, на попутке добрался до Гукова, а уже к утру был на аэродроме своего полка. Мысль о потерянном самолете не давала ему покоя, да еще предстоял крупный разговор в особом отделе — все-таки он побывал на оккупированной территории. Этот разговор мог окончиться чем угодно.

Но, видно, кто-то на небесах решил спасти его до конца — особисты поверили ему, и уже через несколько дней он летал на новом истребителе.

Потом много чего было. Немцы дрались отчаянно, и каждую пядь родной земли приходилось освобождать с большими потерями.

За свой 62-й боевой вылет, когда Василий, спасая своего командира полка, смело бросился в атаку на мощный, вооруженный значительно лучше наших истребителей новенький «Хейнкель-113» и «завалил» его, он удостоился высшей награды Родины — Золотой Звезды Героя.

Потом, уже после Победы, главный маршал авиации К.А. Вершинин опишет этот воздушный бой с «Хейнкелем» в своей книге «Четвертая воздушная армия».

Затем — годы учебы в Академии генерального штаба, долгие годы службы на командных должностях. И вот теперь — основная, как он говорит, посадка в Ростове-на-Дону.

И сейчас, сидя на скамейке в сквере с фонтаном, Василий Михайлович Дрыгин вспоминал тот спасший ему жизнь одинокий куст шиповника, неизвестно как занесенный на гречишное поле. И до сих пор терзается в догадках, почему немец не стрелял в него...

Лидия ИВАНОВА

— Черта с два укроетесь! — крикнул Василий, выходя из пики. Первый заход был удачным, но снаряды еще были, и он начал набирать высоту, чтоб снова штурмовать колонну. И вновь его самолет несся к земле, ввалились снаряды, вспыхивали автомашины, дымились танки. Но немцы уже «очухались» и встретили истребителей плотным огнем.

Эх! Мотор вдруг чихнул, потом кашлянул и... заглох: двигатель остановился.

— Будем планировать? — Василий определил высоту — 80 метров. Внизу немцы. За танками движется колонна автомашин с автоматчиками — с парашютом не выброситься — плен неминуем.

Протянув, сколько было возможно, он посадил боевую машину на фюзеляж среди гречишного поля, быстро выбрался из кабины —

хорошо, хоть дверцы не заклинило – и, согнувшись в три погибели, бросился прочь от самолета:

– Эх, жаль, до роуци не дотянул! – и понесся по полю, стараясь скрыться среди редких, низкорослых кустиков. Вот тут он споткнулся и налетел на этот куст шиповника, а тот недобольно полоснул его по лицу колючими ветвями.

Протиснувшись в центр куста – благо летный комбинезон не давал шипам достать его – Василий выхватил заряженный наган и быстро огляделся: на дороге, примерно в километре отсюда, горят танки и автомашины, доносятся приглушенные расстоянием крики. Наших самолетов не видно – отстрелялись, наверно, и улетели. А по полю, между тем, цепью двигались немцы, видно, надеялись взять в плен летчика.

Василий устроился поудобнее, приготовил наган, решив, что живым в плен не сдастся: все пули – в противника, последнюю – в себя. Если раньше не застрелят.

Вот трое немцев приблизились к кусту. Двое взяли левее и направились к самолету, а один, совсем молодой, пожалуй, моложе его самого, держа «шмайзер» наготове, решил повнимательнее осмотреть куст. Он подошел ближе, все так же внимательно вглядываясь, и... тут их взгляды встретились. Немец опешил и молча уставился на летчика, направив на него автомат, а Василий, держа в руках наган, так же молча смотрел на него. И тут что-то произошло – немец спокойно отвел взгляд, отступил, обошел куст и, по-прежнему держа автомат перед собой, двинулся дальше.

Василий чуть не задохнулся: неужели уйдет? Не оглянется и не пошлет очередь?

Немец удалился. Василий тоже не выстрелил в него. Почему? Он до сих пор не может этого понять. Ведь немец был как на ладони, и свалить его можно было одним выстрелом, но... он дал ему уйти.

Отсюда, из куста, было видно, как он догнал своих, и они, о чем-то горланя, двинулись к его самолету, где уже собралось несколько солдат. Потом все ушли в сторону дороги.

Василий долго еще сидел в шиповнике, двигаться не было сил – сказалось нервное перенапряжение. А перед ним все стояли светлые, «нордические» глаза немца.

Когда стемнело, он побрел в сторону расположения своего аэродрома. Зная наизусть карту местности, он ошибиться не мог. Таясь и прячась, обходил станицы – там могли быть немцы, вышел к тракту, на попутке добрался до Гукова, а уже к утру был на аэродроме своего полка. Мысль о потерянном самолете не давала ему покоя, да еще предстоял крупный разговор в особом

отделе – все-таки он побывал на оккупированной территории. Этот разговор мог закончиться чем угодно.

Но, видно, кто-то на небесах решил спасти его до конца – ослепшие поверили ему, и уже через несколько дней он летал на новом истребителе.

Потом много чего было. Немцы дрались отчаянно, и каждую пядь родной земли приходилось освобождать с большими потерями.

За свой 62-й боевой вылет, когда Василий, спасая своего командира полка, смело бросился в атаку на мощный, вооруженный значительно лучше наших истребителей новенький «Хейнкель-113» и «завалил» его, он удостоился высшей награды Родины – Золотой Звезды Героя.

Потом, уже после Победы, главный маршал авиации К.А. Вершинин опишет этот воздушный бой с «хейнкелем» в своей книге «Четвертая воздушная армия». Затем – годы учебы в Академии генерального штаба, долгие годы службы на командных должностях. И вот теперь – основательная, как он говорит, посадка в Ростове-на-Дону.

И сейчас, сидя на скамейке в сквере с фонтаном, Василий Михайлович Дрыгин вспоминал тот спасший ему жизнь одинокий куст шиповника, неизвестно как занесенный на гречишное поле. И до сих пор теряется в догадках, почему немец не стрелял в него...

03.11.41 г. сбил Хе-113 лично северо-западнее Голубовки

Бой проходил в районе Веселого, вылетели: командир Ткаченко, Дрыгин, Румм, Крисенко.

Впоследствии Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин так описал этот бой в своей книге «Четвертая воздушная» (Москва: Воениздат МО, 1975. – С. 101).

«... 298-му истребительному авиационному полку было приказано выделить четыре самолета для сопровождения разведчика. Командир этой части капитан А.А. Ткаченко решил вылететь сам во главе звена И-16. На подходе к цели наши летчики были атакованы четверкой вражеских истребителей. В завязавшемся бою ведомый Дрыгин заметил, что ведущий группы в опасности. Фашист зашел ему в хвост и собирался открыть огонь с предельно малой дистанции. Не раздумывая, Дрыгин бросился наперерез и сумел предупредить удар гитлеровца. Его очередь хлестнула по кабине Хе-113, и тот, свалившись на крыло, понесся к земле. Потеряв ведущего, фашисты не решились про-

должать бой. Наш разведчик, надежно прикрываемый испытанными «ишачками», успешно выполнил задание».

Штурмовке войск противника наше командование всех рангов придавало особое значение. Не зря был приказ Наркома обороны – за сорок успешных штурмовых ударов присваивать звание Героя Советского Союза.

Наше звено называли «мастером штурмовых ударов», а меня мои друзья то ли в шутку, то ли всерьез звали «Рубакой».

Вот как оценивал штурмовые действия замполит 104 ГИАП Степан Петрович Губарев (газета «Советская авиация», декабрь 1958 г.).

«Специальных штурмовиков не хватало, и их задачи ставились перед истребителями. Летчик, идущий на выполнение задания по штурмовке, подвергался многим опасностям.

Во-первых, действуя на небольшой высоте, он всегда находится в худшем положении по отношению противника, прикрывающего свои войска и находящегося на большой высоте.

Во-вторых, если летчик на большой высоте должен смотреть и видеть только воздушного противника, то при штурмовке он должен уделять внимание и воздушному и наземному противнику.

В-третьих, на низких высотах в несколько раз увеличивается уязвимость самолета и летчика не только от зенитной артиллерии, но и от выстрелов ручного оружия, а такой совместный огонь наиболее опасный».

Это было 16 ноября 1941 года

Особо памятные бои 9 Общевойсковая армия вела на рубеже реки Миус у села Дьяково. Командующий армией Федор Михайлович Харитонов организовал здесь для немецких танков ловушку. По его приказу артиллерию расположили на возвышенностях по окраине села. Прорвав оборону на Миусе, немцы двинули подвижные войска в район Дьяково, а так как само село находилось в низине, то танки, которые двигались через село на восток, с холмов были видны как на ладони. Как только немецкие войска вошли в Дьяково, наша артиллерия принялась расстреливать их без промаха, для чего была привлечена и авиация.

Когда подошло звено наших «ишачков», то их встретил ураганный зенитный огонь. Немцы открыли зенитный огонь и по моему истребителю, и я пролетел по шапкам разрывов, как по мосту.

Саша Румм наблюдал за моим полетом и потом рассказал, как это было. Позже стало известно, что в результате было уничтожено до 275 единиц немецкой техники. Мой «ишачок» был вооружен двумя двадцатимиллиметровыми пушками, так что от его огня горело много автомашин и танков.

Продвижение немецких войск было приостановлено.

Разгром танковых и механизированных колонн немцев на пути к Ростову-на-Дону имел большое значение для дальнейших боевых действий наших наземных войск.

17 ноября 1941 года во фронтовой газете «Знамя Родины» было напечатано **«Воззвание Военного Совета Южного фронта к красноармейцам и командирам Красной Армии»**, в котором говорилось:

«Бейте врага! Его можно бить. Бейте, как бьют его летчики Зотов, Дрыгин, Калганов, Белецкий!».

В одном из боев, 20 ноября 1941 г., мой самолет получил три попадания снарядов зенитного огня: один – в маслбак, второй – в движок, при этом выбыли из строя два цилиндра, третий снаряд попал в центроплан. И вот такой нещадно побитый самолет мне надо было довести до аэродрома.

Когда я сел на аэродроме Краснодона, то уже не смог срулить с посадочной полосы – самолет стал рассыпаться, его подцепил буксир и оттащил в ПАРМ (полевую авиационную ремонтную мастерскую).

29.11.41 г. в Ростовской операции в районе Чистяково сбили с Белецким Хе-126

В период Ростовской операции 29.11.41 г. звено в составе Василия Зотова, Василия Дрыгина, Виктора Белецкого, Владимира Калганова взлетело на разведку наземных войск в полосе наступления 37 Общевойсковой армии, которая была сформирована из жителей Дона.

В этот момент фронт по реке Тузловке несколько стабилизировался. Главный удар фронта наносила 37 армия из Новошахтинска в направлении Больше-Крепинская – Генеральское.

Немецкий самолёт Хе-126 летал над передним краем и корректировал огонь своей артиллерии. Наша пехота залегла.

Мы возвращались с боевого задания и сами увидели, что артиллерийский огонь прижал пехоту к земле. Зотов указал на цель, и мы с Белецким сбили корректировщика.

Может быть, это также способствовало успеху наступления 37 Общевоисковой армии.

Об этом писала газета «Знамя Родины» 26 декабря 1941 г.

НАШИ ИСТРЕБИТЕЛИ

(газета «ЗНАМЯ РОДИНЫ» № 272, 26 декабря 1941 года)

1. Как был сбит корректировщик

Командир части, получил приказ – немедленно выслать истребителей и сбить вражеский самолет-корректировщик, который летает над нашими передовыми позициями и корректирует огонь фашистской артиллерии.

Командир оказался в трудном положении. Все машины как раз улетели на боевое задание. С нетерпением ожидал он возвращения своих летчиков, чтобы немедленно выполнить новый приказ.

И вот над аэродромом появились ястребки.

К командиру подошли летчики Зотов, Белецкий и Дрыгин, чтобы доложить о результатах боевого вылета.

– Докладывайте, – сказал командир, – сейчас пойдете на новое боевое задание.

– Задание по сопровождению выполнено. Кроме того, летчики Белецкий, и Дрыгин сбили по пути корректировщика, который летал над нашими передовыми позициями, – доложил Зотов.

– В таком случае нового задания не будет. Идите, отдыхайте, – сказал командир.

Казалось, командир части и летчики, прилетевшие после выполнения задания, были удивлены таким неожиданным исходом дела.

Через несколько минут от наземных частей была получена короткая телеграмма: «Сбили. Благодарим».

Командир звена лейтенант Зотов рассказал, как был сбит корректировщик «Хеншель-126».

«Мы звеном сопровождали разведчика. По дороге неожиданно встретили «каракатицу». Мои ребята сигналият мне, просят разрешения атаковать. Я разрешил.

Сам полетел дальше с разведчиком. Первую атаку совершил Белецкий снизу, а Дрыгин с хвоста. Корректировщик старался удрать, но было поздно. После двух атак наших истребителей вражеский самолет врезался в землю...».

Задание, что называется, было выполнено досрочно.

2. Летчики рвутся в бой

Не будет хорошим истребителем тот, кто не любит своего смелого, опасного, увлекательного дела. Но вряд ли найдутся такие среди наших истребителей – они увлечены своей профессией истребителя, они рвутся в бой – громить и уничтожать врага. Однажды, когда летчики обедали, к ним подошел командир части тов. Тараненко.

– Кончайте, обед, товарищи. Сейчас предстоит интересный боевой вылет.

Летчик Белецкий отодвинул тарелку, вышел из-за стола и со всех ног бросился бежать к самолету. Это заметил летчик Дрыгин. Он бросил ложку и побежал вслед за Белецким.

Пока он добежал до самолета, Белецкий уже сидел в кабине и, как ни в чем не бывало, застегивал парашют.

– Куда? – закричал Дрыгин. – Сейчас моя очередь лететь! Разве ты не знаешь?

А самолет-то мой! – ответил Белецкий.

Все дело в том, что самолет Дрыгина был в ремонте, и они летали на задания поочередно. Но тут никто не хотел уступить друг другу.

Друзей пришлось мирить командиру подразделения. Он приказал лететь Белецкому, зато два других вылета подряд будут принадлежать Дрыгину.

3. Борьба за жизнь

Кривобоков был дежурным летчиком. Сидя в кабине, он был готов взлететь по первому сигналу. Неожиданно вблизи аэродрома появился вражеский самолет, и Кривобоков вылетел ему вдогонку.

Вражеский самолет воровато нырнул в облака и удрал. Кривобоков вернулся назад, но туман уже плотно закрыл аэродром. Взлетела зеленая ракета – значит аэродром здесь. Но когда Кривобоков подлетел ближе и попробовал выпустить шасси для посадки, он почувствовал, что тросы заедают и одна нога шасси никак не хочет выходить. Наконец он вынырнул из тумана и зашел на посадку – шасси было выпущено нормально,

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

ЗНАМЯ РОДИНЫ

Ежедневная красноармейская газета

№ 272

Пятница

26

декабря
1941 года

Из части
не выносить

НАШИ ИСТРЕБИТЕЛИ

1. Как был сбит корректировщик

Командир части получил приказ — немедленно выслать истребителей и сбить вражеский самолет-корректировщик, который летает над нашими передовыми позициями и корректирует огонь фашистской артиллерии.

Командир оказался в трудном положении. Все машины как раз улетели на боевое задание. С нетерпением ожидали возвращения своих летчиков, чтобы немедленно выполнить новый приказ.

И вот над аэродромом появились истребители.

К командиру подошли летчики Зотов, Белецкий и Дрыгин, чтобы доложить о результатах боевого вылета.

— Докладывайте, — сказал командир, — сейчас получите новое боевое задание.

— Задание по сопровождению выполнено. Кроме того, летчики Белецкий и Дрыгин были по пути корректировщика, который летал над нашими передовыми позициями, — доложил Зотов.

— В таком случае нового задания не будет. Идите отдыхайте, — сказал командир.

Казалось, командир части и летчики, прилетевшие после выполнения задания, были удивлены таким неожиданным исходом дела.

Через несколько минут от наземных частей была получена короткая телеграмма: «Сбили. Благодарим».

Командир звена лейтенант Зотов рассказал, как был сбит корректировщик «Хеншель» — 126».

«Мы звеном сопровождали разведчика. По дороге неожиданно встретили «каракалпу». Мои ребята сигналили мне, просят разрешения атаковать. Я разрешил. Сам полетел дальше с разведчиком. Первую атаку совершил Белецкий снизу, а Дрыгин с хвоста. Корректировщик старался удрать, но было поздно. После двух атак наших истребителей вражеский самолет врезался в землю...»

Задание, что называется, было выполнено досрочно.

2. Летчики врутся в бой

Не будет хорошим истребителем тот, кто не любит своего смелого, опасного, увлекательного дела. Но вряд ли найдутся такие среди наших истребите-

лей — они увлечены своей профессией истребители — они рвутся в бой — громить и уничтожать врага.

Однажды, когда летчики обедали, к ним подошел командир части тов. Тараненко.

— Кончайте обед, товарищи. Сейчас предстоит интересный боевой вылет.

Летчик Белецкий отодвинул тарелку, вышел из-за стола и со всех ног бросился бежать к самолету. Это заметил летчик Дрыгин. Он бросил ложку и побежал вслед за Белецким.

Пока он добежал до самолета, Белецкий уже сидел в кабине и, как ни в чем не бывало, застегивал парашют.

— Куда? — закричал Дрыгин — сейчас моя очередь лететь! Разве ты не знаешь?

— А самолет то мой! — ответил Белецкий.

Все дело в том, что самолет Дрыгина был в ремонте, и они летали на задания по очереди. Но тут никто не хотел уступить друг другу.

Друзей пришлось мирить командиру подразделения. Он приказал лететь Белецкому, зато два других вылета подряд будут принадлежать Дрыгину.

3. Борьба за жизнь

Кривобоков был дежурным летчиком. Сидя в кабине, он был готов взлететь по первому

сигналу. Неожиданно вблизи аэродрома появился вражеский самолет, и Кривобоков вылетел ему в догонку.

Вражеский самолет воровато нырнул в облака и удра. Кривобоков вернулся назад, но туман уже плотно закрыл аэродром. Взлетела зеленая ракета — значит аэродром здесь. Но когда Кривобоков подлетел ближе и попробовал выпустить шасси для посадки, он почувствовал, что тросы заедают и одна нога шасси никак не хочет выходить.

Наконец он вынырнул из тумана и зашел на посадку — шасси было выпущено нормально, но уже в момент приземления колеса опять зашатались, как бы собираясь сложиться. Но Кривобоков сажал машину отлично, твердо упирая на колеса. Машина пробежала по площадке и остановилась. К летчику бросились товарищи, поздравляя его с победой в этой трудной борьбе.

За отличную посадку, командир вынес ему благодарность.

Так мужество, находчивость и настойчивость истребителя превозмогли все трудности — летчик спас свою жизнь и ценную боевую машину.

Политрук

С. КРЫЖАНОВСКИЙ.

но уже в момент приземления колеса опять зашатались, как бы собираясь сложиться. Но Кривобоков сажал машину отлично, твердо упирая на колеса.

Машина пробежала по площадке и остановилась. К летчику бросились товарищи, поздравляя его с победой в этой трудной борьбе.

За отличную посадку, командир вынес ему благодарность.

Так мужество, находчивость и настойчивость истребителя превозмогли все трудности – летчик спас свою жизнь и ценную боевую машину.

Политрук С. КРЫЖАНОВСКИЙ.

Первая танковая армия Клейста рвалась к Ростову. Захватить Ростов-на-Дону – ворота Северного Кавказа – было главной стратегической целью гитлеровских захватчиков.

17 октября 1941 г. наши войска оставили Таганрог, но ворваться в Ростов с ходу немцам не удалось. На просторах Приазовья шли ожесточенные бои.

17 ноября германские войска вновь предприняли наступление на Ростов. Измотанные боями с защитниками города 19 ноября немцы ввели в бой свежие 14-ую и 16-ую танковые дивизии и 60-ую моторизованную дивизию СС «Викинг» и, прорвав нашу оборону, 21 ноября заняли Ростов. Однако за Дон они пройти не смогли.

С северо-запада уже накатывался вал наступления Южного фронта, а с востока готовилась к наступлению 56 армия, сформированная из жителей Дона.

Благодаря умелым действиям нашего командования, тесному взаимодействию авиации с наземными войсками, созданию опорных артиллерийских пунктов противотанкового профиля, использованию местного народного ополчения, кавалерийских частей, немцы были выбиты из Ростова-на-Дону и едва спаслись от полного окружения и уничтожения.

Под Ростовом мы увидели, что значит массированное применение авиации на главном направлении ударов наземных войск.

Наши летчики вели разведку, наносили бомбовые удары по обнаруженным танкам, технике, живой силе противника, прикрывали с воздуха свои войска, а также железнодорожный узел Батайска, куда прибывали эшелоны с войсками, боеприпасами, горючим.

С тех пор стали забирать авиацию у общевойсковых армий и сосредоточивать в руках командующего ВВС фронта.

В отчете штаба 56 армии было сказано:

«Под Ростовом закалилась и окрепла воля бойцов к победе!»

Победу под Ростовом поэт Твардовский назвал «славой первого удара».

В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» о Ростовской операции написано:

«Ростовская наступательная операция – одна из первых крупных наступательных операций Советской Армии в войне.

В результате войска Южного фронта предотвратили прорыв противника на Кавказ, стабилизировали южный фланг советско-германского фронта.

Сковав силы группы армий «Юг», они не позволили противнику усиливать за ее счет группу «Центр», наступавшую на главном – Московском – стратегическом направлении, создали благоприятные условия для перехода в контрнаступление под Москвой».

С.П. Губарев так описал в своих воспоминаниях в газете «Советская авиация» (декабрь 1958 г.) это событие:

«Свой вклад в первое крупное наступление наших войск внес и наш полк.

В полку прошел митинг, закончившийся качанием на руках наиболее отличившихся летчиков, таких как капитан А. Чайка, старший лейтенант В. Зотов, лейтенант Г. Муравьев, сержанты В. Дрыгин, А. Румм, А. Заколюк».

Теперь мы называем операцию по освобождению Ростова-на-Дону осенью 1941 года исторической. Здесь наша Красная Армия впервые перешла от обороны к наступлению. И это получило свою оценку:

- сорок лет спустя вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ростова-на-Дону орденом Отечественной войны I степени;

- шестьдесят семь лет спустя к 9 мая 2008 г. городу Ростову-на-Дону было заслуженно присвоено почетное наименование «Город воинской славы».

РОСТОВ И ЕГО ВОИНСКАЯ СЛАВА

РОСТОВ КРОВЬЮ ЗАСЛУЖИЛ СВОЕ ПРАВО НА ГОРДУЮ ВОИНСКУЮ СЛАВУ

14 января

Как уже сообщал «Вечерний Ростов», в Москве состоялось заседание Российского организационного комитета «Победа», на котором рассматривался вопрос о присвоении Ростову почетного звания «Город воинской славы». Федеральный закон «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы» был принят 9 мая 2006 года. И практически сразу ветераны и общественность нашего города выступили с инициативой: ходатайствовать о присвоении этого почетного звания Ростову-на-Дону.

КРЕПОСТЬ НА ДОНУ

Наш город создавался как мощная военная крепость, прикрывавшая южные рубежи Российской империи к концу XVIII века, с присоединением России Причерноморья, крепость теряла свое стратегическое значение и образовавшееся из крепостных помещений-форштадтов поселение в 1809 году было преобразовано в город, который быстро развивался, и уже в первой половине XIX века Ростов превратился в крупный промышленный и торговый центр на юге России.

Ростов был оплотом белого движения в годы Гражданской войны, и в 1918 году началась со знаменитого «Ледяного похода» офицеров Добровольческой армии в феврале 1918 года.

В ЧЕМ ПОДВИГ ЗАЩИТНИКОВ РОСТОВА?

25 января

было присвоено 285 ростовчанам. Пять человек были удостоены этого звания дважды, а наш земляк маршал Советского Союза стал трижды Героем Советского Союза. А еще 57 ростовчан были кавалерами ордена Отечественной войны I степени.

Севастополь...

ДОСТОИН!

6 года был издан Указ «Об условиях и порядке присвоения почетного звания «Город воинской славы». В нем разъярассмотрении вопроса присвоения не только за Великую Отечественную войну, с момента основания города, и сегодняшнее положение в экономике, науке и устройстве, строительстве, дорожном строительстве, а также, как борьба с преступностью.

ду звание «Город воинской славы» получили Белгород, Владикавказ, Малгобек, Магнитогорск и Воронеж.

«Вечернего Ростова»

искуссия, в которой читатели, краеведы, ветераны войны обсуждали вопрос: достоин ли наш город такого высокого статуса? Большинство участников полемики высказались категорично: да, Ростов достоин этого звания!

В феврале и марте прошлого года были приняты обращение мэра Ростова М.А. Чернышева и решение Ростовской-на-Дону городской Думы о рассмотрении предложения присвоить Ростову-на-Дону почетное звание «Город воинской славы».

НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Заседание организационного комитета «Победа» проходило в администрации Президента Российской Федерации.

ВЧЕРА ВОИНСКУЮ СЛАВУ РОСТОВА ПРИЗНАЛИ ВСЕ!

26 марта

в бывшем здании только по предложению человека заслужившего это звание, ставившего рядовым членом партии. Бывало, генералов и маршалов увозила отсюда карета «скорой помощи»: спрашивали товарищи: а в кабинетах стою!

Перед отъездом домой ростовская делегация посетила Вечный огонь у Могилы Неизвестного Солдата у кремлевской стены. Герой Советского Союза Василий Михайлович Дрыгин низко поклонился, прижав руку к сердцу. По его щекам текли слезы.

В августе 1943 г. я участвовал в воздушных боях на Миус-фронте. Прорвав оборону немцев, считавших ее неприступной, наши войска полностью освободили Донскую землю.

В этих боях 29 августа 1943 года я был тяжело ранен, и я рад, что дожил до такого счастливого дня, когда воинский подвиг Ростова-на-Дону оценен так высоко.

В делегацию, возглавляемую мэром города Михаилом Анатольевичем Чернышевым, для представления в Москве своего города к награждению этим высоким званием входил и я, ветеран войны летчик-истребитель Герой Советского Союза Василий Михайлович Дрыгин.

В ноябрьские дни сорок первого в Донбассе выполнять боевую работу в полную силу затрудняла погода. Шли морозящие дожди, которые сменились морозами со снегом и сильными ветрами. Штаб полка издал приказ о допуске летчиков к полетам в сложных метеоусловиях (СМУ).

Из первой авиаэскадрильи допускались летчики А.А. Чайка, В.В. Калганов, А.С. Заколюк, Ф.С. Кривобоков, из второй – В.Т. Белецкий, В.М. Дрыгин, В.Д. Зотов, И.А. Иванников. В период суровой военной осени сорок первого на этот летный состав и ложилась основная тяжесть боевых вылетов в полку.

Описание воздушного боя С.П. Губаревым (газета «Советская авиация», декабрь 1958 г.)

«Василий Дрыгин дрался смело, мастерски. Редко возвращался на аэродром, не сбив самолета противника или не причинив ему ущерба на земле.

Дрыгин всегда сохранял бодрость духа, в бою был неутомим.

Пятерка наших истребителей под командованием капитана Чайки находилась в воздухе. Обнаружив самолеты противника, наши летчики немедленно вступили с ними в бой. Первая атака оказалась неудачной. Фашистские истребители, разгадав замысел капитана Чайки, ушли из-под удара.

Воздушный бой можно было наблюдать с аэродрома. Командир полка объявил тревогу. Поднявшиеся самолеты быстро оказались в районе схватки. Фашистские бомбардировщики подходили к этому району. Давно не было такого боя. Капитан Чайка и его ведомый младший лейтенант Дрыгин выскочили из общей карусели и, наметив себе цель, удачно с задней полусферы атаковали бомбардировщиков.

Атака оказалась весьма эффективной. Противник получил изрядную дозу пулеметно-пушечного огня. Вражеская машина, объятая пламенем, горящим факелом врезалась в землю. Не прошло и минуты, как в воздухе взорвался Me-109.

В этот момент в воздухе завязывалась новая схватка. Два наших «И-16» набросились на фашистского бомбардировщика. Окутанный дымом, он пытался уйти на свою территорию. На помощь ему пришли два Me-109. Они намеревались атаковать советских летчиков, но маневр врага вовремя был разгадан. Бросив дымящийся бомбардировщик, наши самолеты смело отбили атаку противника.

Бомбардировщик все же попытался уйти. Фашист пробовал сбить пламя – не получилось. Возможно, ему удалось бы ускользнуть, но его добились. Кто-то из наблюдавших воскликнул:

– По почерку видно: это Чайка и Дрыгин!

Да, это были они, смелые, неустомимые, напористые.

Уже двадцать минут длится бой. В воздухе непрерывный рев моторов, пушечные выстрелы, треск пулеметных очередей. Объятый пламенем, упал на землю еще один «хейнкель». Бомбардировщики противника стремились как можно скорее выйти из боя. Им помогали истребители. Они необдуманно атаковали наши самолеты, пытаясь перехватить инициативу. Тщетно! Не так просто обмануть бдительность советских летчиков. Вот задымил еще один Me-109. Раздался взрыв – и снова на земле столб пламени и дыма.

Наконец фашисты не выдержали. Они резко спикировали и, перейдя на бреющий полет, пустились в бегство.

Бой кончился.

На разборе этого вылета особо были отмечены смелые и решительные действия младшего лейтенанта Дрыгина. Младшего лейтенанта выдвинули на должность старшего летчика. Ни один из молодых летчиков, да и не все опытные имели столько боевых вылетов.

Вскоре весь личный состав полка поздравил Василия Михайловича Дрыгина с сотым боевым вылетом. Это было в тяжелый период борьбы советского народа и его армии с фашистскими полчищами. Молодые летчики дрались с врагом, не жалея жизни».

В конце декабря 1941 года в полку впервые прошел торжественный вечер. Он был посвящен младшим лейтенантам В.М. Дрыгину и В.В. Калганову, совершившим по сто боевых вылетов.

Командование и однополчане тепло поздравили своих друзей со знаменательным юбилеем. В свою очередь юбиляры рассказали, что было сделано за сто боевых вылетов по разгрому врага.

Корреспондент дивизионной газеты Степан Андреевич Крыжановский этот момент не упустил и на второй день в газете «За Родину» описал, как юбиляры 298 истребительного авиаполка В.М. Дрыгин и В.В. Калганов подвели итог ста боевым вылетам в предновогодние дни 1942 года.

27.12.41 г. сожгли звеном с Зотовым на земле в районе Чистяково Ю-52

27 декабря 1941 г. на аэродроме совхоза «Лоза» в штабе 298 ИАП раздался телефонный звонок. Из штаба ВВС Южного фронта сообщили, что между Чистяково и Саур-Могилой на площадке сел транспортный самолет немцев Ю-52.

В этих местах находился командный пункт (КП) командующего Первой танковой армии генерала Клейста. Надо было срочно вылетать, чтобы уничтожить КП и транспортный самолет Ю-52. В указанный район вылетели звеном И-16 Зотов, Белецкий, Калганов, Дрыгин. Мы обнаружили Ю-52 и сожгли его на земле.

После выполнения боевого задания командир звена покачал самолетом с крыла на крыло, что означало – «пристраивайтесь, идем на другую цель». Мы заметили, что колонны немцев двигались, начиная от Енакиево – Чистяково – Снежное на Дмитриевку, и принялись штурмовать немецкие войска, причем четко наблюдали результат своей работы – взрывались машины с боеприпасами, горела техника.

Вдруг от огня немецких эрликонов загорелся самолет Вити Белецкого, и, падая, он врезался в самую гущу немцев. Так геройски погиб за свой Донбасс наш Витя, в последний момент мужественно отдал свою единственную жизнь, уничтожив сотни жизней врага. Это было на участке Юристовка – Крестовка.

Его самолет упал на скопление немцев на западной окраине Крестовки.

(Журнал боевых действий)

29 декабря газета Южного фронта «Знамя Родины» поместила фотографию бесстрашного летчика Виктора Белецкого, который совершил сто боевых вылетов, сбил два самолета врага и погиб, защищая свою большую и малую Родину.

У**ЧЕТВЕРГ
25
ДЕКАБРЯ
1941 г.**

№ 111

*Из части
не выносить*

выковались новые советские бойцы и командиры, летчики, артиллеристы, минометчики, танкисты, пехотинцы, моряки, которые завтра превратятся в грозу для немецкой армии.

И. В. СТАЛИН.

ВПЕРЕД, СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ!

Командиры, работники!

лейтенанты БЕЛЕЦКИЙ и

комиссары и политработники! Мужества и отваги вдохновляющих бойцов на победные бои за это делает бесстрашный и мужественный командир СТАРЧЕНКО.

Ваш лозунг—вперед, и только

командиры, комиссары и политработники! Мужества и отваги вдохновляющих бойцов на победные бои за это делает бесстрашный и мужественный командир СТАРЧЕНКО. Ваш лозунг—вперед, и только вперед, без пощады уничтожайте фашистских громила! коварный враг ежедневно, ежедневно на себе мощь все возрастающих частей Армии! Мы не должны давать передышку ни днем, ни ночью. Мы поместим немецким варварам за шиворот матерей, жен и детей фашистскими извергами! Мы разгромим немецко-фашистских банди-

тов освободительной Отечественной войны! великое победоносное знамя СССР!

Мы разгромим немецких захватчиков!

Мы разгромим оккупантов!

Мы разгромим нашу славную Родину, ее свободу и независимость!

Мы разгромим ЛЕНИНА—СТАЛИНА, под руководством СТАЛИНА—вперед, к победе!

Искренний Совет армии.

ОТЛИЧНО РАБОТАЮТ В ЗИМНИХ УСЛОВИЯХ

Эксплуатация моторов в зимнее время требует от технического состава особого внимания и умения. С этой работой хорошо справляется технический состав нашего подразделения.

Техник тов. Дьяков и механик тов. Ильин отлично и быстро готовят самолет к полету в условиях низкой температуры. Хорошо освоив работу печного подогрева, они умело греют мотор, одновременно следят за приборами, контролируя температуру головок цилиндра. Запустив мотор, прогревают его и только тогда отправляют боевую машину в полет.

Самолет вернулся с по-

лета. Техник и механик, осведомившись у летчика о работе мотора в воздухе, устраняют малейшие недостатки, если таковые есть, а затем, произведя весь послеполетный комплекс работ, зачехляют мотор, накрывая его теплыми чехлами. Заботливый уход за самолетом обеспечивает этим передовикам безотказное действие боевой машины в зимних условиях.

Не менее хорошо и грамотно ухаживают за самолетом техник тов. Никитин и механик тов. Сахно. У этих товарищей надо учиться всему техническому составу умелой эксплуатации материальной части зимой.

П. Чопов.

ЮБИЛЯРЫ

В декабрьский вечер в столовой начальствующего состава собралась лучшая элита части т. Тараненко.

Вечер открыл командир-орденоносец т. Тараненко. Он заявил, что здесь собрались лучшие люди части, чтобы поздравить летчиков тов. В. Дрыгина и В. Дрыгина с сотней боевых вылетов.

Летчики совершили сто выле-

тов, который обратил внимание собравшихся на необходимость устранения некоторых недостатков в боевой работе, чтобы быстрее и лучше осуществить указания вождя народов товарища Сталина.

Тов. Тараненко в своем выступлении рассказал о своем большом боевом пути, о том, как он из простого деревенского парня стал летчиком, как выросли сыновья-летчики—Героя Советского Союза.

Каким-то чудом сохранился кусочек газеты за 25.12 1941 г., в которой описывалось торжество в полку, посвященное летчикам В.М. Дрыгину и В.В. Калганову, совершившим по сто боевых вылетов.

28.12.41 г. Ме-109 сбил лично в районе Михайловки

После гибели лейтенанта Белецкого следующий день, 28 декабря, для полка оказался очень напряженным.

В 11.00 восемь И-16, прикрывая свои войска в районе Фащевка – Красный Луч – Картушено, вступили в бой против десяти Ме-109 и Хе-113. Я сбил Ме-109, который упал недалеко от Михайловки.

(Журнал боевых действий).

28.12.41 г. Хе-113 сбил в паре с Зотовым в районе села Ольховчик

Во втором вылете звено Зотов, Дрыгин, Калганов, Румм вело бой с шестью Хе-113. Один самолет Хе-113, который упал у села Нижняя Крынка, сбил младший лейтенант Калганов, второй Хе-113 сбили парой Зотов и Дрыгин. Он упал у села Ольховчик. В районе Михайловки упал еще один Хе-113, который сбил старший сержант Вильямсон.

(Журнал боевых действий).

28.12.41 г. Хе-126 сбило звено Зотова в районе Сердитое

В звене Кривобокова, которое сопровождало девятку Су-2, лейтенант Заколюк сбил Ме-109.

За 28 декабря в общей сложности мы провели четыре воздушных боя и сбили два Ме-109, четыре Хе-113, один Хе-126. Штаб ВВС 18 армии, который находился здесь же на поле боя в районе Фащевка – Дебальцево, подтвердил все сбитые самолеты.

Фронтальная газета «Знамя Родины» 25 января 1942 г. опубликовала рассказ летчика-истребителя Алексея Заколюка о том, как летчики 298 ИАП провели воздушные бои и только за один день 28 декабря сбили два «мессера», четыре Хе-113, один Хе-126 и не допустили «юнкерсов» сбросить бомбы на наши войска.

(Журнал боевых действий).

1942 г. В январе напряженная боевая работа продолжалась

В новогодние праздники мы, истребители 298 ИАП, обеспечивали погрузку войск в железнодорожные эшелоны в районе Красный Луч – Ивановка – Фащевка.

Эти эшелоны передвигались в основном ночью, а днем мы наблюдали с воздуха, как расчищают железнодорожные пути в северном направлении. Погода усложняла наши полеты тем, что

стояла морозная дымка. Это способствовало образованию инверсионных следов за самолетом в полете, а в ходе воздушного боя образовывались облака, но, несмотря ни на что, боевые вылеты продолжались, и мы наносили удары по врагу.

16 января 1942 г. колонна немцев двигалась со стороны Артемовска на Попасную. Наши три И-16 своевременно ее обнаружили, тут же снизились и активно проштурмовали. Эта колонна была остановлена и рассеяна, при этом был нанесен противнику значительный ущерб.

19 января 1942 г. нашему звену была поставлена задача – разрушить телефонно-телеграфную линию Артемовск – Луганск, которую использовал противник. Мы нашли распределительные щиты и уничтожили их. Связь была прервана.

В моей памяти сохранился состав боевого звена второй эскадрильи, куда я был назначен командиром, каким он был 13 февраля 1942 г. Навсегда остался в моей памяти также заводской номер 2421785 моего И-16 с бортовым номером 34.

В феврале 1942 г. 298 авиаполк перелетел на аэродром в Алмазной, а штаб 45 САД остался в Белой.

15 февраля полк уже сидел в небольшом шахтерском городке Алмазная, который находился рядом с городом Серго, как это было обозначено на полетной карте. Однако местные власти, ведя переписку, называли его не «город Серго», а по старому «Кадиевка». Ходил слух, что, когда т. Сталину доложили о том, куда докатился немец, и упомянули город Серго, названный в память Серго Орджоникидзе, он спросил: «Как именовался этот город раньше?». Ему ответили: «Кадиевка». Сталин зачеркнул «Серго» и написал «Кадиевка». Так этот город продолжал долго именоваться, хотя никакими властями это не было узаконено. В наши дни этот город стал называться Стаханов.

На второй день, 16 февраля, началась активная работа полка с аэродрома в Алмазной. Перед летчиками стояла задача разведать противника в районе Логиново – Луганск – Дебальцево с обязательной штурмовкой его войск. За 16 февраля 1942 года было уничтожено 13 автомашин, 3 зенитных точки, 2 подводы с боеприпасами, 60 фашистов, 2 цистерны с горючим, один вагон.

24.02.42 г. Me-109 и He-126 сбиты группой

24 февраля наши шесть И-16 сопровождали до цели шесть Су-2 в район Триполье – Новоалександровка. При подлете к цели они встретили шесть Me-109. Завязался бой, который отвлек «мессеров» от сопровождаемых нами бомбардировщиков, выполнивших свою задачу. В результате один Me-109 был сбит и упал

около Клинового. Об этом сообщили нам бойцы 29 артдивизиона 374 артполка Резерва Главного Командования, подтвердив результат этого боя.

При возвращении домой наши истребители сбили еще один самолет Хе-126. При падении на землю из него упало только удостоверение личности немецкого летчика, артиллеристы подобрали его и прислали к нам в часть.

28.02.42 г. Ме-109 сбил лично в районе Лоскутовки

28 февраля полку была поставлена задача нанести ощутимые штурмовые удары по врагу в районе Триполье – Краснополовка и от Попасной до Артемовска. Наше звено во главе с Зотовым штурмовало артпозиции западнее Попасной. На пикировании Володя Калганов охладил мотор, и мотор остановился. Володя все же сумел спланировать к своим войскам и посадить самолет без шасси. Он очень переживал по поводу такой своей оплошности. Приехавшие к месту посадки техник звена И.Н. Бурда с техником самолета Е.Ф. Сапруновым с помощью бойцов подняли этот самолет и увезли его из-под огня немцев.

В следующем боевом вылете в 15.25 я атаковал и сбил Ме-109, который дымящимся врезался в землю недалеко от нашего аэродрома в Лоскутовке, находившегося в 4 км от линии фронта. Младший лейтенант Годзев в этом бою сбил Ме-109, атакуя его в лоб. Самолет противника упал около Перещекино.

28 февраля 1942 года погиб Ваня Костиков.

Очень хорошо помню Ваню с того момента, как мы ехали в Вознесенск Одесского военного округа.

25 июня 1941 года отдел кадров ВВС дал в адрес 298 полка телеграмму о том, что из Качи едут 60 молодых пилотов. Этот документ послужил основанием для нашего зачисления в штат полка.

Нас в курсантской форме (с петлицами курсантов на гимнастерке) посадили в машины и повезли на вокзал в Севастополь. Там мы сели в три или четыре пассажирских вагона и поехали, не имея на руках никаких документов, кроме летных книжек. Никто никаких воинских званий – ни сержантов, ни, тем более, младших лейтенантов – нам не присваивал. Вероятно, командованию в такой обстановке было не до курсантов.

Перед отправкой на построении нас строго предупредили, чтобы никто не отлучался из вагонов, так как это будет расцениваться как дезертирство, тем более что у нас не было документов. И вот остановка на большой станции в Симферополе. С самого начала войны железная дорога начала работать с перебоями, и наш

состав поставили в какой-то тупик. Многие ребята призывались из симферопольского Аэроклуба. Ну, как не повидаться с родителями?

Ваня Кудря и Гриша Деменков говорят: «Да вон наши хаты, в двухстах метрах. Навестим родителей!» и убежали, чтобы повидаться с матерью, может быть, в последний раз. Простоял наш состав в Симферополе где-то часа три. Видим, бегут наши хлопцы Ваня и Гриша, а поезд уже трогается. Затаскивали их в вагон, когда поезд стал набирать ход.

Стоим рядом с Ваней Костиковым у вагонного окна, он и говорит, что в Джанкое его тоже будет встречать родня. Он уже дал телеграмму. Однако когда мы подъехали к Джанкою, поезд не остановился. Родственники Вани, примерно человек десять, стояли на платформе, но только помахали ему вслед. Это была их последняя встреча. Родственники долго не знали о его судьбе и только в 1972 году

от однополчан Вани они узнали, где его могила.

Ваня Костиков погиб в воздушном бою с «мессерами» в районе Горловки. Вот как это было. Я полетел в паре с ним на разведку в Горловку, где у немцев стояло несколько груженных эшелонов. Затем мы стали наблюдать за колонной немцев, следовавшей из Артемовска на Попасную, и тут встретились с четырьмя Me-109, которые прикрывали эту колонну. Они сразу же атаковали нашу пару И-16. Мы стали в круг, защищая друг другу хвост от атак «мессеров» и оттягивая на свою территорию в сторону Лисичанска, так как знали, что здесь стоит наша зенитка, которая поможет в неравном бою. С парой «мессеров» мы справились хорошо, но вторая пара немецких истребителей отошла в сторону и атаковала сверху самолет Костикова. Его самолет загорелся и упал на землю в районе Волчяевки. Мой самолет был изрядно побит, но я дотянул до аэродрома Алмазная, достаточно благополучно сел, доложив командованию о результатах разведки и о том, что Костиков сбит в воздушном бою. Как я полагал, он был убит еще в воздухе, потому что видел шнуры длинных пулеметных очередей из «мессершмиттов» по его самолету.

Врач полка Семен Павлович Твердохлебов тут же снарядил машину и уехал к месту падения самолета Костикова. Это было уже к вечеру, а утром мы узнали, что врач полка привез тело младшего лейтенанта Ивана Николаевича Костикова. Мы его похоронили в сквере города Алмазная возле школы.

Ване только что минуло двадцать лет. Это был небольшого роста, щупленький и живой хлопец, казавшийся поэтому совсем юным мальчишкой. Я был, пожалуй, ближе всех к нему и знал его добродушный нрав, за что его в полку все и любили. На фотографии, где мы сфотографировались после окончания летной школы, я и Ваня Кости-

ков находимся впереди группы. Неугомонный Ваня взял игравшего неподалеку ребеночка и посадил его в центре. Так эта фотография живет со мной уже более 60 лет.

Здесь же в сквере, рядом с ним, были похоронены летчики Василий Семенович Годзев и Алексей Иванович Мельников. Когда в 1972 году ветераны 298 истребительного авиаполка собрались, чтобы посетить могилу однополчан, то были удивлены ее неприглядным видом. После нашего вмешательства при участии местных властей и школьников положение было исправлено – площадь вокруг памятника расширили, а на самом памятнике перечислили имена воинов, похороненных в братской могиле.

После войны, вспомнив о несостоявшейся встрече с родными на станции Джанкой, когда Ваня Костиков лишь смог им помахать, я написал в военкомат города Джанкоя. Были найдены родственники Вани, которые жили в различных местах Крыма. Семья у них была большая. У Вани было девять братьев и сестер. К сожалению, матери уже не было в живых. Родственники тут же написали мне ответ с благодарностью, что теперь они знают, где могила брата, а то в течение долгого времени их угнетала мысль, что Иван Костиков пропал без вести.

Родственников Вани набралось на полный автобус. Они из Джанкоя заехали ко мне в Ростов, а затем поехали на могилу Вани в Алмазную.

Я почти каждый боевой вылет выполнял с Ваней Костиковым, «Костиком», как мы его называли, и хорошо знал его как храброго летчика. Для полноты характеристики Костика можно сказать, что ему одному из первых летчиков (не имевших, как я уже писал, с начала войны званий) было присвоено звание «младший лейтенант», а орден Красного Знамени, которым он был награжден (приказ Южного фронта от 29 апреля 1942 года Ж 0236/н), Ваня так и не успел получить.

В этот день воздушные бои были жаркими, так как противник наращивал свои силы. У младшего лейтенанта Луканцева был пробит бензобак и разбита левая плоскость, но ему удалось дотянуть до своего аэродрома.

К концу боя очередь снарядов «месса» прошла мой самолет слева направо, в результате был снесен киль хвоста, горгрот фюзеляжа, пробита бронеспинка, и снаряд разворотил мой пистолет. Когда мы еще только взлетели, этот пистолет упирался мне сзади в спину и мешал, я все собирался его поправить, переместить на бок, но воздушная обстановка в ходе полета отвлекала внимание, а оказалось, что он защитил меня, иначе бы я мог получить тяжелое ранение в бедро.

(Журнал боевых действий)

1941 г. Курсанты Качинской школы пилотов после окончания школы.
В первом ряду: второй слева – И. Костиков
третий слева – В. Дрыгин

02.03.42 г. Ме-109 сбил лично, совхоз Артемовский

После тяжелых боев 28 февраля, в которых погибли И.Н. Костиков и И.А. Фролов, мое звено вылетело на задание во главе с капитаном Чайкой. В районе цели, около совхоза Артемовский, мы встретили семь Ме-109. В завязавшемся бою я сбил один Ме-109. Бой протекал вяло, и фашисты ушли на свою территорию.

(Журнал боевых действий).

24.03.42 г. Ме-109 сбил лично в районе Краматорска

24 марта с аэродрома Варваровка вылетели летчики А. Заколюк, Д. Бочаров, В. Дрыгин, А. Румм во главе с командиром звена Ф. Кривобоковым на сопровождение шести Су-2. Шестерка Су-2 на-

носила удар по аэродрому Краматорска, где скопилась немецкая авиация, так как другие полевые аэродромы стояли раскисшими из-за весенней распутицы.

Взлет был в 14.10. Это был второй вылет, а накануне я совершил четыре полета: три – на сопровождение и один – на разведку с листовками, которые были сброшены в районе Красноармейская – Петропавловка.

При подлете к цели мы наблюдали, как начали взлетать с этого аэродрома истребители противника, однако не могли вступить с ними в бой, так как должны были прикрывать свои бомбардировщики. Отбивая атаку «мессеров», я сбил один Me-109.

Когда они взлетели, то не пошли на нас, а отошли в сторону, набрали высоту, собрались, заняв выгодное исходное положение для атаки нашей группы. Тем временем Су-2 сумели прицельно сбросить бомбы по аэродрому немцев, а «мессершмитты», между тем, со стороны солнца, которое слепило нам глаза, атаковали нашу группу. Как было и до этого, Су-2 в этом случае, используя преимущество своего самолета в скорости, пикированием ушли на свою территорию, а наша пятерка И-16 завязала бой с «мессерами».

При первой атаке Me-109 сверху с крутого пикирования открыл очередь по моему самолету, два снаряда прошли через «голову» самолета и разорвались в кабине. Была разбита приборная доска и бензобак, который находился за приборной доской и, хотя протектор бензобака и затянул пробоину, горючее лилось в кабину, и за моим самолетом оставался след выбивающегося бензина. От разорвавшихся в кабине снарядов у меня были разбиты коленки и голени ног.

Я резко отдал ручку управления самолетом от себя, чтобы как-то оторваться от последующей атаки, но пара «мессеров» продолжала меня преследовать. Вижу – ведущий открывает по мне огонь. Я ускользнул от очереди, и он проскочил, тут второй «мессер» повторил атаку и зажег самолет. Заметив, что до земли оставалось метров 200-300, я потерял сознание.

Прежде чем продолжить свой рассказ дальше, я приведу воспоминания об этом эпизоде **Степана Петровича Губарева (декабрь 1958 г.), в годы войны замполита 104 гвардейского истребительного авиаполка.**

24 марта 1942 года для сопровождения бомбардировщиков в воздух поднялась наша пятёрка: старший лейтенант Ф. Кривобок, младшие лейтенанты В. Дрыгин, А. Румм, А. Заколюк, Д. Бочаров.

При полёте к цели наши истребители встретились с десятью истребителями Me-109. Увидев небольшую группу наших истребителей, «мессеры» напали на них. Однако связан-

ные прикрытием своих бомбардировщиков, они не смогли оставить их и должны были обороняться. Отбивая атаку, младший лейтенант В. Дрыгин сбил один фашистский истребитель, который упал в районе Славянска.

Атаки фашистских истребителей были отбиты. Бомбардировщики выполнили своё боевое задание и вернулись на свой аэродром, а самолёт, пилотируемый Дрыгиным, с задания не вернулся. Лётчики из его группы видели, что самолёт Дрыгина в районе Маяки резко пошёл вниз и взорвался, парашютиста при этом они не видели.

На тринадцатые сутки в полк прибыло сообщение из фронтового госпиталя, что туда 30-го марта поступил тяжело раненый младший лейтенант Дрыгин.

Что же произошло на самом деле?

Бомбардировщики нанесли прицельный удар по аэродрому г. Краматорска, где скопилась авиация немцев, и, сделав разворот, взяли курс на свою территорию.

А в это самое время фашистские истребители, поднявшиеся с этого аэродрома при подходе бомбардировщиков, набрали в стороне высоту, разбились на две группы – шестёрку, несколько ниже нашей группы и четыре самолёта, которые шли с превышением, несколько отстав.

Фашистские лётчики шли в лобовую атаку под углом 25-30 градусов на пересекающихся курсах.

Наши лётчики, разгадав манёвр врага, вышли несколько вперёд бомбардировщиков, создав своего рода «щит» и в момент, когда немцы попытались атаковать наших бомбардировщиков снизу, они были сами атакованы нашими истребителями. Один из фашистов был сбит Дрыгиным, а остальные, проскочив где-то ниже бомбардировщиков, оказались далеко позади.

Атака, происходившая на встречных курсах, была очень стремительной. Отставшая немецкая пятёрка, проскочившая внизу в заднюю сферу наших самолётов, теперь большой опасности не представляла: ей нужно было сделать разворот, и затем для повторной атаки догнать нашу группу. Это требовало много времени. Теперь угрозу представляла четвёрка немецких истребителей, которая шла выше.

Отбив первую атаку, наши лётчики перешли в набор высоты с тем, чтобы предотвратить опасность, грозившую нашим бомбардировщикам.

Четвёрка немецких лётчиков, имея преимущество в высоте и скорости, пошла в атаку, но наши истребители сумели создать превышение над бомбардировщиками, и атаку принять на себя.

Так фашистам не удалось нанести какой-либо вред нашим бомбардировщикам.

Во время атаки Дрыгин, ведя свою машину с набором высоты, отдав до отказа сектор газа, направил своего «ишачка» на фашистские самолёты. Мотор ревел, винт со свистом ввинчивался в воздух, поднимая все выше и выше лётчика. Дрыгин наметил себе жертву. Силуэт вражеского самолёта замелькал в прицельном кольце, но дистанция ещё велика. Подойти чуть ближе, сократить дистанцию и бить врага наверняка. Вот силуэт в кольце прицела, большой палец правой руки нажимает гашетку, и вдруг машина содрогнулась, мотор как будто заглох. Левая рука до боли давит на сектор газа, скорость с невероятной быстротой падает, машина закачалась в воздухе. Правая рука инстинктивно отдаёт ручку управления самолётом от себя.

Машина не слушается рулей. Самолёт пикирует под углом 65-70 градусов.

Самолёт врезался в землю и взорвался. Однако Дрыгин остался жив.

Обожженный, раненный в ноги, он четверо суток пробирался по лесу к своим войскам. Выбившись из сил, он потерял сознание, и на пятые сутки на него наткнулись наши наземные разведчики и доставили его в госпиталь».

Теперь продолжу свой рассказ дальше. Очнулся я к вечеру на земле и не пойму, что со мной случилось. Глаза слипаются, так как лицо обгорело, и глаза тоже обожжены. Осмотрелся вокруг: метрах в ста – воронка от взрыва моего самолета. Постепенно возвращалось сознание, и я вспомнил, что произошло.

Я ожидал у самолета вылета для сопровождения бомбардировщиков Су-2, которые должны были с минуты на минуту подойти к нашему аэродрому. Они появились над аэродромом раньше времени. Я поспешно вскочил в самолет, привязные ремни застегивать уже было некогда – решил, что успею сделать это в воздухе.

Когда же я поднялся в воздух, то в полете меня сразу отвлекли другие первоочередные задачи, поэтому ремни так и остались не застегнутыми. Это, а также то, что кабина моего самолета не закрывалась фонарем, способствовало благоприятному исходу моего падения: при падении самолёт ударился о верхушки деревьев, меня выбросило из кабины самолета, и я упал на землю.

Летчики с воздуха наблюдали, как самолет врезался в землю и взорвался, парашютиста они не видели, и потому решили, что летчик разбился вместе с самолетом. Это произошло в районе Славянска, районного городка на Северском Донце.

Вспомнив все, что произошло со мной, я начал думать, что делать. С трудом приподнялся и попытался встать, но все ноги были побиты, поэтому стоять я не мог. Я подполз к кустарнику, выломал ветки и сделал из них подобие костылей – из этого тоже ничего не получилось. Тогда я начал ползти, опираясь только на руки, а из ватного комбинезона сделал подушки на коленки и обмотал ноги. Это несколько облегчило продвижение, но куда? Кругом лес. Слышу, вокруг идет стрельба. К этому времени я уже полностью осознал, что случилось, и где я нахожусь.

Вспомнив, что по реке Северский Донец проходит линия боевого соприкосновения войск, я решил, что мне надо двигаться в северном направлении. «Но где же здесь север?» Я начал припоминать, как нас учили ориентироваться в лесу. По веткам и мху на деревьях с трудом определил стороны света и начал двигаться, но уже вскоре стало темнеть. Превозмогая боль, я подполз к кустарнику, кое-как наломал веток и сделал из них на ночь постель. Устроился вроде бы неплохо, и, несмотря на продолжавшую мучить меня боль, уснул. Проснулся, когда уже стало светать, собрался с силами и тем же способом продолжал двигаться дальше.

Кругом была грязь, в кустах еще оставался снег – конец марта, да зима была снежная, затяжная. Мучила жажда. Я подполз к кустарнику, чтобы утолить жажду снегом, но при этом обнаружил, что рот не раскрывается – все лицо воспалилось и опухло.

Пополз дальше. Чувствую, что силы покидают меня. Полез по карманам и обнаружил драже «коло». Это обрадовало и удивило меня, и я вспомнил, что перед вылетом, когда мы находились на аэродроме подскока в Варваровке я был в меховом комбинезоне, а мой демисезонный комбинезон остался в Алмазной. К середине дня солнце прижгло, и Саша Румм, который был в ватном комбинезоне, говорит мне: «Надень мой, а то в меховом запаришься». Мы переоделись. Так я оказался в Сашином комбинезоне, а Саша любил драже «коло», которыми были всегда полны его карманы. Врач полка Твердохлебов не раз упрекал его за то, что он слишком ими увлекается, но Саша любил эти «конфетки». И вот теперь, обнаружив в кармане драже, я подкрепился и пополз дальше. Неожиданно я наскочил на дорогу в лесу. «Ну, – думаю, – теперь не буду от нее отрываться, она меня куда-нибудь выведет». Уточнить направление движения по солнцу было невозможно, так как день был пасмурным.

Так застаёт меня вторая ночь. Я опять подползаю к кустарнику, снова кое-как ломаю ветки и сооружаю из них постель на ночь, чтобы не лежать на сырой земле.

Проснувшись утром, снова отправляюсь в свой нелегкий путь. К счастью, в этот день засветило солнце, и я смог уточнить страны

света. Оказалось, что я ползу правильно, в направлении своих войск. К этому времени я уже выработал методику своего продвижения, пожевал несколько драже, пососал мокрый снег и пополз по дороге вперед. Так прошел в борьбе за жизнь и этот день. Драже уже были на исходе, хотя я их и распределил по две штуки на прием.

Наконец, наступает третья ночь. Опять я провожу ее на ветках под кустом. К утру слышу скрип колес телеги и фыркание лошадей. Как только ездовой равняется со мной, я начинаю кричать, а звука-то не получается. Тогда я вынимаю из кобуры пистолет и стреляю, чтобы привлечь его внимание, а ездовой с испуга дал кнутом по лошадям – и хода.

Исчезает единственная, возникшая за три дня моего мучительного перемещения по лесу, надежда приблизиться к людскому миру.

Опять ползу я по дороге вперед, силы мои тают, и так застаёт меня четвертая ночь в глухом лесу. Может быть, ко мне и подходили лесные звери, но я плохо видел и не прислушивался. Было не до этого. Все внимание было направлено на то, как добраться до живого человека, да еще, чтобы не попасть к немцам. Это я постоянно помнил и рассчитывал, что в обойме моего пистолета должно оставаться не менее двух патронов.

На четвертые сутки в лесу возникает просвет, и впереди я вижу какие-то хатки. Из последних сил, опираясь на дерево, я приподнимаюсь, чтобы разглядеть, что там впереди. Пробую кричать, но не получается, тогда я стреляю, тут же теряю сознание и падаю.

Прихожу я в сознание только тогда, когда то ли наши разведчики, то ли местные жители, расталкивая меня, что-то спрашивают, но я не могу ничего ответить.

Меня кладут на одеяло и несут, потом перекалывают на подводу и доставляют в госпиталь в Красном Лимане.

На второй день пребывания в госпитале, когда меня на коляске привезли в перевязочную, я услышал знакомый голос. Это был мой однополчанин и ровесник Алексей Луканцев, который вел воздушный бой в этом районе с «мессерами» и будучи раненным в плечо, сел в Красном Лимане и поэтому был доставлен прямо в этот госпиталь. Я позвал его, он не узнал мой голос и спросил: «А ты кто?» Я назвал себя, но он мне ответил, что Вася Дрыгин погиб еще неделю назад, об этом известно всему полку. Он не узнал меня и тогда, когда подошел, чтобы посмотреть, кто с ним говорит. Только после того, как я назвал его «генералом» (так в шутку называли его однополчане), он, по-прежнему не находя сходства, с трудом признал, что я Вася Дрыгин, и сказал: «Вася! Да мы тебя уже давно похоронили!».

Это было 30 марта, а меня сбили 24 марта 1942 г. Конечно, за это время в полку оформили на меня все документы, как на погиб-

шего. Через несколько дней за Луканцевым и его самолетом приехала команда из полка. Вот они-то, вслед за Алексеем, и узнали, что я жив.

В госпитале за мной ухаживали две девочки-школьницы. Они кормили меня из ложечки, так как руки мои не действовали, и рот не открывался. Одну из этих девочек мы с Лешей вспомнили во время встречи однополчан уже после войны. Её звали Люся, а отец ее работал машинистом на паровозе Краснолиманского депо.

Во главе команды из полка приехал политрук нашей эскадрильи Иван Соловей. Все были ошеломлены, узнав, что я живой. Комиссар уговорил госпитальных работников и забрал меня в часть вместе с Луканцевым.

По дороге в Алмазную, а ехали мы двое суток с ночевкой в Кременной, Соловей вез меня буквально на руках. Хорошо еще, что командир 796 технического батальона капитан Хомутников выделил для поездки автобус.

В Кременной мы увидели большое скопление наших танков. Появилось радостное ощущение того, что теперь будет, чем отомстить врагам за наши с Лешей ранения. Но потом мы узнали, что эти танки без горючего, и их закапывали в землю, чтобы использовать как артиллерию в борьбе с наступающим противником.

В скором времени немцы пошли в наступление, которое закончилось у Сталинграда, и, к сожалению, эти танки уже не смогли повлиять на наступательные планы гитлеровцев.

Механики из техсостава той группы, что прибыла за Луканцевым, поехали к месту моего падения и были поражены, как я остался жив. Мой самолет врезался в землю, поломав несколько деревьев в три обхвата, и взорвался. От самолета ничего не осталось: все было разбросано от него в радиусе 300 метров. Нашли одну уцелевшую деталь от хвостовой части фюзеляжа, через которую техники рассматривали тросы управления рулями поворота и высоты. Они же проследили за моим движением по лесу. Оказывается, я за четверо суток прополз 12 километров, чтобы встретиться с добрыми людьми, которые в последнюю минуту моей жизни сумели спасти меня от верной гибели.

Когда мы приехали в Алмазную и нас с Лешей поместили в санитарную часть, весть эта мгновенно облетела весь гарнизон. Хотя командование и врачи никому не разрешали появляться в нашей палате, но народ прорывался к нам, чтобы взглянуть на нас хоть одним глазком, и сказать добрые слова с пожеланием скорейшего выздоровления. Я не мог сказать друзьям и нескольких слов, не хватило сил, и я тут же уснул.

Прошли годы. Когда я уже жил в Ростове-на-Дону и работал в службе движения Ростовского аэропорта, мне как-то пришлось выступить перед коллективом и упомянуть об этом моем ранении.

Вдруг во время моего выступления какая-то женщина из зала выкрикнула: «Вася! (естественно, так меня всегда звали в военные годы в полку, ведь мне в то время было всего двадцать лет). Так это ты, тот самый летчик из Алмазной?», и, извиняясь перед аудиторией, сказала: «Мы, девчонки из метеослужбы, специально приходили на него посмотреть, когда их с Луканцевым в апреле 1942 года привезли в санчасть батальона. Мы увидели его тогда обгоревшего, израненного, безжизненного. Это был не тот молодой, красивый, жизнерадостный Вася Дрыгин, которого привыкли видеть, и мы сказали, что вряд ли он выживет. А теперь, спустя столько лет, я вижу его живым и здоровым. Какая счастливая судьба!»

Оказывается, это была Вера Федоровна Панкратова, которая работала, как и в годы войны, в метеослужбе, но уже при авиации в Ростовском аэропорту.

Я вспомнил ее, маленькую, щупленькую девчушку лет шестнадцати, которая при отступлении нашего технического батальона аэродромного обслуживания где-то на Украине подключилась к метеослужбе, чтобы только не оставаться у немцев, боясь, что угонят в «Неметчину» на работы. После войны в Ростове у нее была хорошая семья, все тяготы военного времени вроде бы отошли в прошлое, но Вера сказала, что такие эпизоды войны никогда не забудутся.

Мы с Луканцевым пролечились с неделю в санчасти БАО, а затем по настоянию врача полка Твердохлебова я был отправлен в госпиталь в Луганск, где пробыл больше месяца.

Когда началось летнее наступление немцев под Харьковом, госпиталь готовился к эвакуации в тыл страны, а я вернулся в полк, хотя до конца еще не долечился. В полку меня, младшего лейтенанта, поздравили с присвоением воинского звания через одну ступень, то есть старшего лейтенанта. В это же время в полк прибыл член Военного Совета 12-й Армии, который и провел торжественное вручение наград Родины личному составу полка. Мне вручили мой первый орден Боевого Красного Знамени.

Я с костылем стоял в строю полка на левом фланге, чтобы не портить общий вид. Когда зачитали мою фамилию, генерал посмотрел, что никто не идет к столу строевым шагом, как было положено, и как бы возмутился, а когда, наконец, увидел, что я «шкандыбаю» с левого фланга, пошел мне навстречу и вручил награду, а командованию сказал, что можно было бы вручить мне орден и в санчасти. Но теперь, когда я это вспоминаю, я до сих пор слышу нескончаемый поток аплодисментов, который звучал при вручении мне ордена.

Мой друг Саша Румм успел приготовить шесть «кубарей» с петлицами, которые мы в кругу фронтовых друзей за ужином «обмыли» вместе с орденом.

Командование и врач полка все же хотели отправить меня в тыл, в Сочи, долечиться, но я посмотрелся, как в госпитале в Красном Лимане забирали всех выздоравливающих для формирования разных подразделений, чтобы обеспечить прорыв немецкой обороны. Никто не обращал внимания на то, какая до этого военная квалификация была у красноармейцев и командиров, а это значило, что с летным делом я мог покончить навсегда. Вспомнив все это, я категорически отказывался уезжать из полка, хотя состояние здоровья у меня все еще было неважное.

Помог мне случай. Врач полка заготовил вместе со штабом полка необходимые документы, и мы с ним пешком пошли на железнодорожную станцию. Однако во время сборов и переодевания в дорогу, мы забыли в санчасти мой пистолет. На полпути вспомнили, что пистолет-то – в санчасти. Врач говорит: «Я его сдам в БАО, а документ о сдаче вышлю тебе», но я с этим не согласился, и мы вернулись назад. Так и закончилась моя отправка на лечение в санаторий города Сочи.

Вспоминает этот эпизод бывший летчик 42-го ГИАП генерал-лейтенант Г.Р. Павлов в своей книге «Друзья мои – однополчане», изданной Ростовским книжным издательством в 1978 году.

«В одном из ожесточенных воздушных боев гитлеровцы сбили самолет коммуниста Василия Дрыгина. Летчик приземлился на территории, занятой противником. Обгоревший, со сломанной ногой, он несколько суток полз в расположение советской части. На передовой позиции его подобрала наша бойцы и доставили в госпиталь.

Дрыгин нашел какой-то способ сообщить о себе командиру своего полка. Раненого товарища навестили врач части Твердохлебов, летчики Румм, Калганов. По настоянию Василия друзья буквально выкрали его из госпиталя. Молодой организм быстро справился с ранами и ожогами, а вот расстройство нервной системы не позволяло поставить его в строй. Врачи рекомендовали отправить Дрыгина в тыл, как непригодного к строевой службе даже в военное время.

Коммунисты встали на защиту своего боевого товарища единомышленника и упростили оставить его в части. Дружный партийный коллектив вернул члена партии Василия Михайловича Дрыгина в строй. Вскоре коммунисты убедились, что не ошиблись, поверив в этого несколько мешковатого, но веселого офицера. Он показал себя умелым, бесстрашным воздушным бойцом, стал в числе первых Героем Советского Союза части».

Генерал-лейтенант Г.Р. Павлов

Самолётов в полку становилось всё меньше и меньше. Теперь на задание ходили только самые опытные лётчики полка, такие как

капитан А.А. Чайка, младшие лейтенанты А. Заколюк, В. Дрыгин, А. Вильямсон.

Командованием полка был поставлен вопрос о том, что полку нужна боевая техника. В 20-х числах мая полк получил приказ перебазироваться в тыл нашего фронта с целью освоения новой техники – самолётов конструкции Яковлева.

В конце мая 1942 года личный состав нашего полка перебазировался на один из тыловых аэродромов Южного фронта, а уже в первых числах июня полк получил несколько учебно-тренировочных самолётов Як-7 и приступил к переучиванию лётного состава на этих самолётах. В конце июня нам было выделено звено боевых самолётов для тренировок – это были новейшие самолёты того времени.

С.П. Губарев пишет в своих воспоминаниях (газета «Советская авиация», декабрь 1958 г.).

«12 июля аэродром подвергся ожесточённой бомбардировке и был выведен из строя. Полк получил приказ о перебазировании материальной части и личного состава в Котельниково. Лётный эшелон возглавил Тараненко.

Лётчики полка несли воздушную вахту в районе Котельниково, прикрывая наши наземные войска, занимавших оборону на восточном берегу Дона. От полка в сводную группу входило 8 лётчиков. Особенно в этот период отличились Чайка и Румм, парой они сбили два Ме-109..

На помощь взлетела ещё группа истребителей, среди которых были Дрыгин и Ерошкин. В паре они сбили одного Ю-88, а всего было сбито 4 бомбардировщика из шести».

Так полк, не закончив переучивания, частично на старой, частично на новой материальной части вновь вступил в боевые действия.

В июле 1942 г. полк вёл воздушные бои в предгорьях Кавказа. В конце августа полк был выведен из состава действующей армии, передав оставшиеся самолёты другому полку.

В.М. Дрыгин. 1942 г.
Первый орден Красного Знамени за участие
в Барвенковской операции

РОЖДЕНИЕ 4 ВОЗДУШНОЙ АРМИИ

Первый командующий Четвертой Воздушной Армией
К.А. Вершинин

Опыт боевых действий в начале 1942 года показал, что распыление авиации по общевойсковым армиям затрудняло управление, концентрацию сил на главном направлении и быстрый маневр авиации по фронту, что снижало ее боевые возможности.

В мае 1942 года авиация фронтов была объединена в воздушные армии.

ПРИКАЗ народного комиссара обороны 7 мая 1942 года

«В целях наращивания ударной авиации и успешного применения массированных авиаударов объединить авиационные силы Южного фронта в единую воздушную армию, присвоив ей наименование «4-й воздушной армии».

22 мая 1942 года формирование Четвертой Воздушной армии было завершено. В ее состав вошли:

- 216, 217, 229 истребительные дивизии (командиры – генерал-майор авиации В.И. Шевченко, полковники Д.П. Галунов и П.Г. Степанович);
- 230 штурмовая дивизия (командир – подполковник С.Г. Гетьман);

- 219 бомбардировочная дивизия (командир – полковник И.Т. Батыгин);
- 218 ночная бомбардировочная дивизия (командир – полковник Д.Д. Попов).

За годы Великой Отечественной войны в предгорьях Кавказа, при освобождении Ставрополя, Кубани, Тамани, Крыма, Белоруссии, Польши и в битве за Берлин авиационные соединения и части Четвертой Воздушной Армии произвели 340 тыс. боевых вылетов, сбросили на войска и другие объекты противника около 2 млн. бомб. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено и повреждено свыше 5 тыс. вражеских самолетов.

Верховный Главнокомандующий 42 раза объявлял благодарность соединениям и частям армии за успешные боевые действия.

283 авиаторам присвоено звание Героя Советского Союза, а 7 летчиков дважды награждены медалью «Золотая Звезда». Мы гордимся тем, что в Четвертой Воздушной Армии выросли такие замечательные летчики, как трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин, дважды Герои Советского Союза Дм. Глинка, Г.А. Речкалов, А.Н. Ефимов, П.Н. Камозин, Г.Ф. Сивков, И. Степаненко, А.К. Рязанов.

Всего же за годы Великой Отечественной войны:

17 частей и авиасоединений преобразованы в гвардейские;

46 – удостоены собственных наименований;

76 – награждены орденами.

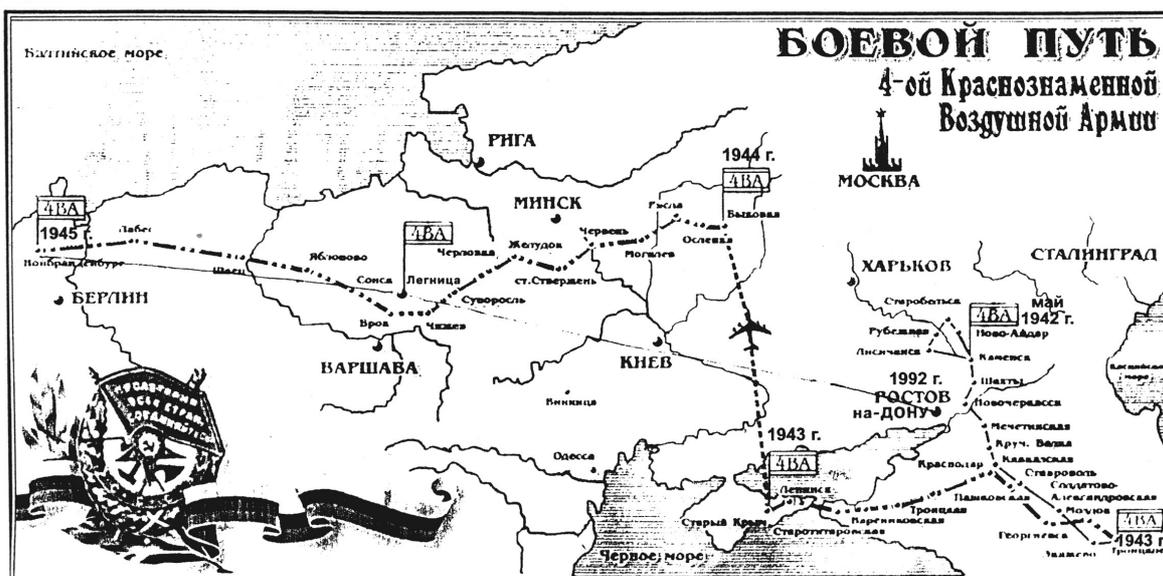
В 1942 г. закончилась эпоха полетов на самолете И-16

Вот что записано в моем личном деле:

«С первых дней участия в боях Дрыгин начал отличаться своей смелостью в воздушных боях и на штурмовках, и 13.12.41 г., как одному из лучших молодых пилотов, ему присвоено звание «младший лейтенант»».

На самолете И-16 произвел 225 боевых вылетов, из которых на штурмовку живой силы и техники врага – 62 боевых вылета.

Участвовал в восемнадцати воздушных боях, в результате которых сбил лично пять самолетов противника, 4 – в парах, 1 – сбил звеном и один Ю-52 сожгли звеном на земле (03.11.41 г., 28.12.41 г., 28.02.42 г., 02.03.42 г., 24.03.42 г., 15.08.41 г., 29.11.41 г., 28.12.41 г., 12.07.42 г.)».

От Терека до Одера

Командир 298 ИАП поздравляет капитана Дрыгина с правительственной наградой

Уточнение маршрута боевого задания

«С 31 июля 1941 г. по 20 мая 1942 г. летчики полка, сражавшиеся как правило с превосходящими силами противника под воздействием сильного зенитного огня, в воздушных боях сбили 51 вражеский самолет и 5 сожгли на земле, штурмовыми действиями уничтожили 372 автомашины с боеприпасами и живой силой противника, 386 подвод с боеприпасами, 113 мотоциклов, 4 дрезины с боеприпасами, 2 речные баржи, 44 зенитные точки, более трех тысяч гитлеровских солдат и офицеров».

(ЦАМО, Ф. 298 истребительного авиаполка, оп. 518851, д. 1)

Переучившись на новую технику, 298 полк в составе 4 Воздушной армии 2 февраля 1943 г. вылетел на Северо-Кавказский фронт. С первых дней прибытия на фронт полк включился в активную боевую работу. Лётчики-истребители нашего полка принимали все меры к тому, чтобы дать возможность прикрываемым нами бомбардировщикам, как можно лучше выполнить боевую задачу. В полку существовал лозунг: «Каждая бомба в цель!»

Из личного дела В.М. Дрыгина:

«Переучившись на самолет «Аэрокобра», Дрыгин с 16.02.43 г. участвовал в боях на Кубани. За короткое время своими смелыми воздушными боями прославился на страницах печати и стал примером для летчиков-истребителей других частей». На «Аэрокобре» совершил около ста боевых вылетов и провел 44 воздушных боя».

19.03.43 г. Me-109 сбил лично в районе Славянской

19 марта в 9.15 группу из шести «Аэрокобр» второй эскадрильи повел капитан Е.И. Зайцев на прикрытие наших наземных войск. Командир группы привязался к одному пункту – Троицкая – Славянская, что, в конечном счете, связало маневр всех наших истребителей. «Мессеры» в составе тоже шести самолетов, выбирая удобный момент, начали нас «клевать» со всех сторон для атаки. В стороне они набирали высоту, затем пикировали и снизу успешно атаковали наши истребители, связанные маневром.

Из Журнала боевых действий:

«Бой накалялся. Василий Дрыгин зашел немецкому истребителю снизу с хвоста, зажег Me-109, открыв счет сбитым самолетам на Кубани.

На аэродром вернулась пятерка «кобр». Самолет Зайцева был сильно побит, и он сел на вынужденную.

Разбирая ход боя, командир полка подполковник Тараненко вскрыл допущенные лётчиками ошибки, в результате которых произошла потеря двух самолетов:

- боевой порядок группы на близких интервалах стеснял маневр и связывал инициативу в бою;
- командир группы не руководил группой, не пользовался радио;
- группа атаковала вся сразу, а не по команде и не попарно, защищая хвост атакующих;
- а также была выявлена недостаточная осмотрительность и неумение держаться парой.

Сразу же было принято решение изменить тактику прикрытия своих войск – не ходить всей группой – строем, а расчлениваться парами на удалении зрительной связи и максимально использовать отличное радиооборудование для связи и управления боем».

Из журнала боевых действий:

«...Воздушные бои на Кубани принимали все более ожесточенный характер.

Теперь наряду с сопровождением бомбардировщиков летчики должны были прикрывать с воздуха наземные войска.

Получив «свободу действий», летчики-истребители ежедневно увеличивали счет сбитых самолетов противника. Особенно отличались майор Семенишин, капитан Вишневецкий и старший лейтенант Дрыгин, уже выполнявший обязанности заместителя командира эскадрильи».

Генерал-лейтенант Г.Р. Павлов в своей книге «Друзья мои – однополчане» пишет о значении управления самолетами с земли.

«На фронте большое значение придавалось организации четкого взаимодействия авиационных частей с наземными соединениями, улучшению управления самолетами с земли. На главной станции наведения длительное время руководил истребителями генерал-майор авиации А.В. Борман. В боевых порядках стрелковых и механизированных соединений имелись вспомогательные станции наведения, где находились опытные офицеры.

Командиров полков и нас, ведущих групп, периодически доставляли на станции наведения. Там мы наблюдали за воздушными боями, анализировали мастерские действия асов, промахи, ошибки отдельных летчиков. С каждым посещением станции наведения укреплялась наша уверенность в том, что с земли хорошо наблюдать за обстановкой в воздухе и своевременно принять меры для успешного проведения воздушного боя.

На летно-тактических конференциях изучался передовой опыт ведения воздушных боев. На них выступали асы – те, кто только в период воздушного сражения на Кубани сбил не один десяток вражеских самолетов. Это А.И. Покрышкин, Е.Я. Савицкий, братья Д.Б. и Б.Б. Глинка, В.М. Дрыгин, В.И. Фадеев, В.Г. Семенишин, Н.Е. Лавицкий, П.П. Крюков и многие другие. На одной из таких конференций командир дивизии генерал А.В. Борман, с учетом опыта руководства истребителями с главной станции наведения, сделал обстоятельный анализ действий групп летчиков в различной воздушной обстановке. В его письме командующему 4-й Воздушной армии генералу К.А. Вершинину говорилось:

«Я пришел к выводу, что надо в корне менять методы ведения оборонительного боя, применявшиеся в первые дни войны. Сегодня они стали уже большим злом. Надо дать летчикам почувствовать их силу в паре. Нужен перелом. Переход к новому должны начинать командиры полков. Сейчас они, опасаясь потерь, на любое задание посылают группу из 8-12 самолетов и не дают инициативы ведущим пар. Командиры группы, в свою очередь, боясь потерять из поля зрения самолеты, водят их в скученных боевых порядках, связывая этим свободу маневра. В бою паре легче маневрировать, атаковать и уходить из-под ударов. Находясь на радиостанции наведения и наблюдая за действиями летчиков, я твердо убедился в этом».

Переход к новым методам ведения воздушного боя диктовался качественным изменением авиационной техники. К началу боев на Кубани на вооружение авиационных частей в большом количестве поступили скоростные истребители, по своим летно-техническим данным не уступавшие модернизированным «мессершмиттам» и «фокке-вульфам», а по ряду показателей и превосходившие их. К сожалению, многие летчики, ранее воевавшие на И-16 и И-153, придерживались старых, укоренившихся навыков пассивного боя на горизонтальном маневре, что обуславливалось недостатком скорости прежних самолетов и отсутствием радиостанций на них. Отсюда и существовал «строй-рой» – сомкнутый боевой порядок, между летчиками поддерживалась зрительная связь.

Большой боевой опыт накопили и летчики 42-го гвардейского полка. На истребителях конструкции А.С. Яковлева, мы воевали с сентября 1941 года, давно применяли радиосвязь, расчлененные боевые порядки, вертикальный маневр, скоростные атаки. Подлинными мастерами воздушных боев являлись М.М. Осипов, А.Л. Приказчиков, Н.К. Наумчик, Ф.З. Калугин, И.М. Горбунов и другие летчики.

Дальнейшему изысканию и внедрению новых методов ведения воздушных боев содействовал приказ генерала К.А. Вершинина. В этом приказе, в частности, говорилось: «В боевой работе истребителей широко использовать свободные полеты; основой боевого порядка считать свободно маневрирующие пары...»

«Майор Семенишин, возглавляя восьмерку наших истребителей, вылетел для прикрытия с воздуха боевых порядков наземных войск. Придя в район прикрытия, он через некоторое время обнаружил большую группу немецких бомбардировщиков и сопровождающих их истребителей, идущих в направлении на г. Красно-

дар. В течение нескольких минут восьмёрка наших истребителей вела бой с 28-ью самолётами противника, пока не подошли новые группы наших истребителей.

Противник в свою очередь выслал самолёты. Этот бой с нарастающим количеством самолётов продолжался свыше 40 минут.

В этом бою было сбито 3 Ме-109 и два Ю-88.

Одного истребителя и бомбардировщика сбил Семенишин. По одному самолёту сбили Дрыгин, Заколюк, Бочаров».

(Из Журнала боевых действий)

В десятых числах апреля 1943 г. противник участил разведывательные полеты, откуда следовало, что немцы готовили данные для наступления. Перед нами стояла задача – сорвать планы немецких разведчиков Ю-88.

В эти дни, когда мы как-то сидели за ужином, мне и говорит заместитель начальника штаба капитан Панюшин, что завтра на рассвете командир полка собирается взлететь на перехват разведчиков, которые проходят через наш аэродром. На утро я пришел на аэродром, едва стало светать, чтобы взлететь вместе с командиром. Взлетев в паре с командиром, мы ходили, ходили над аэродромом, но на этот раз немецкого разведчика не встретили. А в другой раз с разведчиком Ю-88 получилось даже немного смешно.

Вот так описал в своих воспоминаниях мою встречу с Ю-88 замполит полка С.П. Губарев (декабрь 1958 г.).

«На фронте, как и в обыденной жизни не обходится без курьезных случаев. Был такой и у Василия Дрыгина.

«Вражеский разведчик Ю-88 прошел через Кореновскую в сторону станицы Восточной, Дрыгин стал его преследовать.

Стрелок бомбардировщика дал очередь по нашему «ястребку», и разведчик хотел уйти в облака, но видимо задал слишком большой угол и двигатели его не вытянули. Но как бы то ни было, «юнкерс» свалился в штопор и врезался в землю.

Дрыгин возвратился на аэродром, а командир полка к нему:

– В чем дело, почему не докладываешь о самолете?

– Но ведь я не успел сделать по нему ни одного выстрела.

– Ничего, ты его преследовал, нагнал на него такого страха, что он не смог совладать с собой и упал. Твоя заслуга! Твоя победа на твой счет!»

ПОДВИГ

СТРАНИЦА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Выпуск № 2

Советские асы в кубанском небе

Он как-то сразу располагает к себе — высокий, несколько сутулый, косая сажень в плечах, скромная приветливая улыбка. Смотришь сейчас на этого человека и даже как-то не верится, что он был настоящей молнией, грозой для немецких летчиков. Но, оказывается, внешне он всегда казался таким. Вот что пишет бывший командир полка, ныне Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации И. А. Тараненко:

«Василий Дрыгин — один из ветеранов части. Совсем еще юноша. На земле чем-то нескладный, несколько долговязый парень. Слегка сутулится. Рабочая рука с широкой ладонью в рукопожатии как будто вялая, но это от эстенничности. А немецким летчикам на Кубани было хорошо известно, что если эта рука управляет краснозвездным истребителем, им не сдобрать. В воздухе Василий преобразался и был дерзким, смелым бойцом, поразившим своих товарищей стремительностью в маневре, отточенной техникой пилотирования».

Да, этот «нескладный юноша» наводил страх на фашистов. За время боя на Кубани он лично сбил в воздушных боях 20 вражеских самолетов. Вот только несколько эпизодов.

— 2 мая 1943 года, — рассказывает ветеран войны генерал-майор запаса П. Василенко, — группа вражеских самолетов приближалась к станции Крымской, уже занятой нашими войсками. Это были пикирующие бомбардировщики Ю-87 под прикрытием «мессершмиттов». «Надо их атаковать, пока они над своими позициями, — пердал по радио ведущий нашей группы истребителей, боррежировавших над станцией. — Дрыгин — по ведущему». «Вас понял. Атакую. Саша, прикрой!».

Внезапность атаки сверху, снайперский огонь свалили ведущего первой девятки «юнкеров». Снова боевой разворот, атака — и уже второй бомбардировщик загорелся и пошел к земле. Строй фашистских стервятников

нарушился. Они поспешно освобождаются от бомбового груза, который падает на свои же войска, и обращаются в бегство. Дрыгин бросается еще за одним бомбардировщиком, но тут его атакуют сразу два «мессершмитта». А ведомый как на грех отстал, прикрыть не может. Пулеметные трассы прошивают самолет Дрыгина. Он загорается. Дрыгин с трудом разворачивает машину в сторону наших войск и некоторое время летит, чтобы дотянуть до своих. Затем прыгает с парашютом.

Все это происходило в обзоре командно-наблюдательного пункта фронта, где в числе высшего военного начальства находился и главный маршал авиации А. А. Новиков. После приземления на позициях наших войск Дрыгина доставили на КНП фронта. Ему тут же был вручен орден Александра Невского и присвоено очередное воинское звание — капитан...

Василий Михайлович подарил редакции фотоскелму (смотри снимок) и рассказал ее историю.

— Дело было так. 12 апреля 1943 года группы самолетов по 6—8 машин вылетали на боевое задание примерно через каждый час. Я же и мой ведомый Румм сидели в самолетах — дежурили на случай, если налетит враг на аэродром. Вдруг дали ракету. Мы миглом взлетели. Но тут же слышу по радио «Заходите на посадку. Сигнал был не вамя».

Сегодня кореновцы встречают славных летчиков 104-го гвардейского истребительного авиационного полка бывшей 9-ой гвардейской, ордена Ленина, Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого, Маринупольско-Берлинской истребительно-авиационной дивизии, которой командовал трижды Герой Советского Союза А. И. Покришкин. Этот полк базировался в станице Кореновской полгода — с февраля по август 1943 года. Тысячи боевых вылетов совершили на врага летчики полка с кореновской земли. Им сбиты не одна сотня вражеских самолетов.

Гостем редакции не однажды был бывший летчик 104-го полка Герой Советского Союза В. М. Дрыгин. У нас хранятся записи его воспоминаний о героизме однополчан в небе Кубани, о его личных победах над фашистскими стервятниками. Ниже мы публикуем материал о Василии Михайловиче Дрыгине, сделанный на основе различных документов и его воспоминаний.

Только мы хотели зайти на посадку, как в наушниках послышалось: «В воздухе «юнкерсы! Атакуйте его!». И нас навели на него.

Это был Ю-88. Он выскочил из облаков (а облачность была большая, примерно 10-баллов), вероятно, чтобы сфотографировать аэродром. Шел он со стороны Тимашевской, и для того, чтобы уйти, ему надо было развернуться. Машина большая, и сделать это не так просто. Благодаря этому мы с Руммом быстро настигли врага. Стремись уйти от погони, «юнкерс» нырнул в облака. Чувствовалось, у немецких летчиков была высокая летная подготовка. Да это и понятно — разведчиками на бомбардировщиках летали только асы. К сожалению, мы с Руммом в то время еще не умели хорошо летать в облаках, но тем не менее успешно преследовали врага. Хотя было нелегко: лишь темным пятном маячил «юнкерс» в молочной мгле. Фашист постоянно маневрировал. Я дал несколько очередей из 37-миллиметровой пушки. Смотрю — пятно исчезло. Мы вышли из облаков и увидели, как «юнкерс» падал в реку. Два летчика погибли в самолете, а двух, спустившихся с парашютами, потом привезли к нам на аэродром...

На фронте, как и в обыденной жизни, не обходится без курьезных случаев. Был такой и у

аэродром, а командир полка к нему:

— В чем дело, почему не принимаешь сбитый самолет на свой счет?

— Но ведь я не успел сделать по нему ни одного выстрела!

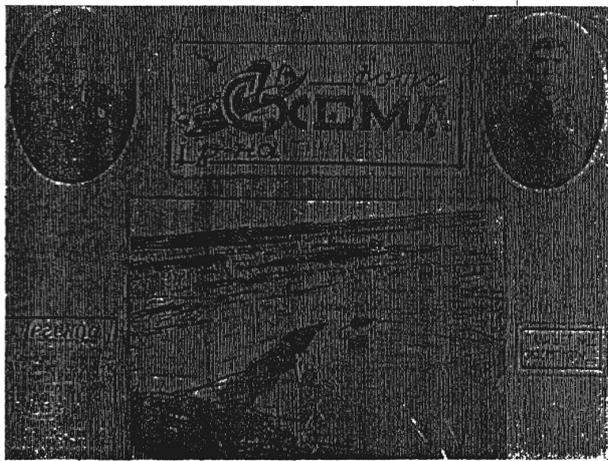
— Ничего, ты же на него такой страх навел, что он не смог совладать с собой и упал. Твоя заслуга. Твоя победа!..

А в первых числах июня того же сорок третьего четверка истребителей во главе с В. М. Дрыгиным в районе патрулирования встретила шестерку Ме-109. Приказав ларе старшего лейтенанта Г. А. Муравьева прикрыть его атаку, он вместе со своим напарником Лиховидом сначала атаковал пару «мессеров», шедшую ниже. Удар был точен. Один вражеский самолет загорелся и упал в расположение наших войск. Выйдя из атаки, Дрыгин и его ведомый направили свои машины на следующую пару немецких истребителей. Фашист пытался уйти переворотом. Два наших самолета, повторив маневр противника, замали его в клещи. И второй немецкий ас врезался в землю. Затем Дрыгин атаковал третью пару. После стремительного удара наших летчиков ведомый «мессершмитта» загорелся...

Так воевал в кубанском небе Василий Михайлович Дрыгин. Обо всех его победах над фашистскими летчиками рассказать не представляется возможным. Но в заключение хотелось бы рассказать об одном документе. В редакции хранится фотокопия первой страницы газеты «Крылья Советов» 4-ой воздушной армии от 26 мая 1943 года. Здесь опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу военно-воздушных сил Красной Армии от 24 мая 1943 года. В Указе названо 22 летчика. В их числе лейтенант Глинка Борис Борисович, капитан Дрыгин Василий Михайлович, гвардии капитан Покришкин Александр Иванович, гвардии капитан Фадеев Вадим Иванович и другие советские асы.

Сейчас полковник запаса, Герой Советского Союза, Дрыгин Василий Михайлович живет в городе Ростове-на-Дону, работает в аэропорту и ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию.

И. ЯРОСЛАВИЧ
НА СНИМКАХ: Василий Михайлович Дрыгин; фотоскелма сбитого фашистского самолета.

12.04.43 г. Ю-88 сбил с Руммом в районе Тимашевской

Мы с Руммом дежурили на аэродроме. Нас подняли ракетой и нацелили на немецкий разведчик Ю-88, который шел со стороны Медведовской. Облачность была 10 баллов на высоте 2500 метров. Мы сбили его в облаках. Он упал вблизи Тимашевской в реку Кирпили.

Сохранился планшет этого боя, сделанный в штабе полка, там же из архива снимок допроса выпрыгнувших из Ю-88 двух членов экипажа.

На снимке: в овале – старший лейтенант В. Дрыгин; внизу – сбитый фашистский самолет (1943 г.)

Этот бой описал полковник запаса С.П. Губарев («Советская авиация» от 28 декабря 1958 г. № 304 (3168)).

КРЫЛЬЯ ГЕРОЯ

3. На Кубани

В первый период борьбы на Кубани летчики нашего полка занимались в основном сопровождением бомбардировщиков и штурмовиков. Эта работа имела специфику. Она заключалась в том, что истребители были несколько ограничены в своих действиях. Разумеется, не всем это нравилось.

Нередко летчики выполняли задачу прикрытия своего аэродрома: дежурили на земле или барражировали над ним. Необходимость этого вызывалась тем, что фашистское командование вело постоянную воздушную разведку, особенно наших аэродромов.

В один из апрельских дней стояла пасмурная погода. Над землей плыли рваные облака. Летчики, сменяя друг друга, попарно дежурили в самолетах. Во второй половине дня облачность немного поредела, стало теплей. То там, то здесь замелькали голубые окна. На дежурство заступили старший лейтенант Дрыгин и лейтенант Румм. Не прошло и десяти минут, как над аэродромом из облака вынырнул фашистский разведчик «Ю-88». Дрыгин и Румм поднялись в воздух. Однако во время взлета они потеряли противника. Начальник связи, наблюдая за полетом истребителей и «Юнкерсом» с земли, передал по радио:

– Правее, выше вас.

Дрыгин ответил:

– Понял, вижу.

Фашистский летчик, обнаружив, что на сближение с ним идут советские самолеты, поспешил скрыться в облако. За ним устремились «ястребки». Наступила двух-трехминутная тишина. Затем в репродукторе раздался голос Дрыгина:

– Саша, я не вижу фашиста. Ты видишь?

Последовал отрицательный ответ Румма. Этот разговор происходил в тот момент, когда летчики, пробив облако, оказались в ясном небе.

– Саша, иди под облако, – вновь заговорил Дрыгин, – а я подожду здесь.

Румм вновь нырнул в облако. Прошло еще несколько минут, и в репродукторе раздался сердитый голос Дрыгина:

– Не уйдешь, гад!

Через несколько секунд он передал:

– Саша, будь внимателен, гитлеровец пошел к тебе.

Старший лейтенант Дрыгин, летая над облаком, внимательно следил за воздушным пространством. Время тянулось медленно. Фашистский самолет не появлялся. Мелькнула мысль: «Не удрал ли?». Сделав еще один круг над облаком, он решил: «Противник не мог уйти из этого облака». И почти в ту же минуту в его верхнем слое блеснули винты, а затем показался и весь самолет.

Набирая высоту, гитлеровец все дальше уходил от облака. Этого-то и ждал старший лейтенант. Выбрав удобный момент, он повел свой самолет в атаку. Гитлеровский стрелок, открыл по нему огонь. Дрыгин стремится как можно ближе подойти к врагу. Фашист перевел свой самолет в резкое пикирование, чтобы вновь скрыться в облаке. Дрыгин нажал на гашетку и увидел, что снаряды и пули, выпущенные им, попали в цель. Враже-

ский пулемет, захлебнувшись, замолк. В фюзеляже «Юнкерса» зияла большая пробоина.

В это время Дрыгин передал Румму, что противник направился к нему. Во избежание столкновения с фашистским самолетом он отвернул в сторону и также вошел в облако. Здесь он услышал по радио, что Румм атаковал противника.

Выйдя из облака, старший лейтенант не обнаружил ни фашистского разведчика, ни лейтенанта Румма.

Что же произошло?

А произошло вот что. Лейтенант Румм, приняв команду Дрыгина, стал осматривать воздушное пространство с утроенным вниманием. И вдруг прямо перед ним появился «Юнкерс». Румм чуть отошел в сторону, затем произвел атаку. Лейтенант чувствовал, что бьет наверняка. Но разведчик опять не загорелся, а, перейдя в горизонтальный полет, вновь скрылся в облаках. Румм ринулся за ним и вскоре... потерял его. Через минуту он обнаружил, что горючее на исходе. Аэродром был недалеко. Передал по радио: «Горючее на исходе, подо мной точка, иду на посадку».

Эти слова и услышал старший лейтенант Дрыгин. Где же самолет противника? Не мог же он ускользнуть от Румма? Снизившись, Дрыгин заметил бегущих в одном направлении людей. Куда они торопятся? Скользнул взглядом вдоль реки. Вон оно что! В плавнях лежал большой самолет, на плоскостях которого четко вырисовывалась фашистская свастика.

Все было ясно: «Ю-88» произвел вынужденную посадку на фюзеляж на нашей территории. Это был тот самый разведчик, который сбили Дрыгин и Румм. Дрыгина как бы подбросило в кабине самолета. Он был счастлив. Посмотрел на бензомер. Горючего хватает.

Прежде чем Дрыгин приземлился, на командный пункт полка поступила телеграмма, в которой сообщалось, что «вашими летчикам в воздухе подбит фашистский самолет, который упал в районе станицы Тимошевская. Два члена экипажа убиты в воздухе, а летчик и штурман пленены. Летчикам, сбившим фашистского разведчика, от имени командующего объявите благодарность».

Допрос пленных в штабе 216 САД, на фото борт-радист унтер-офицер Franz Szyka, борт-стрелок обер-фельдфебель Alois Neumuller.

Из экипажа Ю-88 Д-1 из подразделения 4(F)/122, зав. номер 430368, бортовой код F6+IM. самолет сбит 12 апреля 1943г. парой В.М. Дрыгин-А. Румм

			5, 3, 45	12,00-12,50
Приказ	№142	21-1000-1500м. В конце маневрирования в 2-е		
наблюдатели	Борис	После по-облачности парой Машинцева сверху		
в р-не Гросс	Валерий	справа под ракурсом 1/4 айтакованы 2 Me-109. Машинце		
Валерий	Владимир	ушел под крыло Гросс отсюда эта пара Me-109 ушла		
Владимир	Николай	в облака с одной стороны так же сверху пара Машин		
Николай	Александр	цева была айтакована второй парой Me-109		
		Парой Климова айтакована первая. В это время пар		
		Машинцева набрав высоты айтакована 2 парой Me-1		
		Ведомой м. м. Берлин айтакован сверху сзади		
		под ракурсом 1/4. Результатом айтаки не наблюдал		
		из своего задания не вернулся м. м. Климов		
		Николай Николаевич. Румм Угаров перед атакой		
		Климов сбил одну из Me-109 оба самолета расклина		
		лись в воздухе и упали на юго-западной окраине		
		Бунцлау.		
		Радиосвязь потеряна.		
		Погода. Обл. 10 бат. H. 2000м. Вид 10 км		

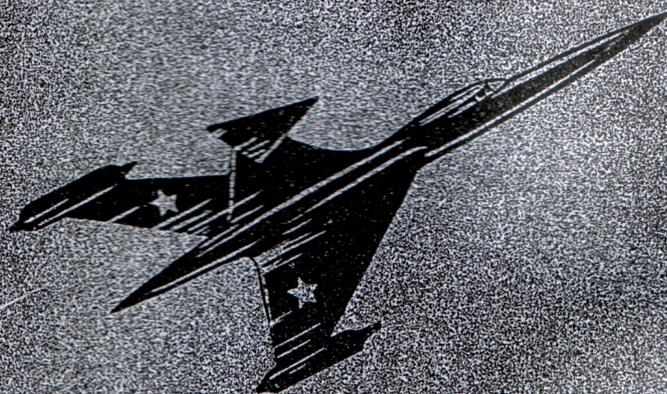
ПЛАШЕТ N —
ЭКЗЕМПЛЯРН —

Легенда
Самолет "Юнкерс-88" сбит ст. лейтенантом ДРИГИНЫМ и лейтенантом РУМЫ 298 ИАП в 13.20. 12.04.43 г.
"Юнкерс-88" упал 1,5-2 км. северозападнее Тимошевской в реку Кирпиди.

ВЕСТНИК ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

2

1 9 6 1

КРЫЛЬЯ КРЕПЛИ В БОЯХ

В первые дни войны фашистские войска на юге продвигались медленно. Они вынуждены были усилить группу «Юг» за счет резервов. Только после этого им удалось создать большое превосходство в живой силе и технике и в августе 1941 года, не считаясь с огромными потерями, усилить темп продвижения.

Вот в такой обстановке еще тогда молодой 298-й авиационный полк вступил в бой. Ему была поставлена задача вести борьбу с наземным и воздушным противником, уничтожать его в воздухе и на земле штурмовыми действиями. Эффективность штурмовых действий неоспорима. Однако они увеличивают и опасность для летчика, тем более на самолете, не имеющем брони. Но тогда меньше всего думали об опасности. Летчики заботились только о том, чтобы нанести наибольший урон противнику. Помогая наземным войскам, они делали по 5—6 боевых вылетов в день на штурмовку.

5 августа фашистский разведчик «Хеншель-126» пришел в район аэродрома, встал в круг и начал фотографировать стоянки. Летчики А. А. Чайка и А. П. Карпов взлетели ему навстречу.

Воздушный бой был скоротечным. Фашисты, увлекшись наблюдением за землей, не заметили, как к ним подошла пара краснозвездных истребителей. Первым атаковал Чайка.

В этот момент донесся треск пулеметной очереди. Это Карпов добавил фашисту. Вражеский самолет, охваченный пламенем, начал падать. От него отделились два комка, раскрылись парашюты. Фашистских летчиков пленили. Пилот, сержант, был тяжело ранен. Летчик-наблюдатель, офицер, вел себя развязно. В полку были люди, знавшие немецкий

язык, и до отправки офицера в штаб армии удалось выяснить, что он имел специальное задание разведать аэродром истребителей в районе Вознесенска.

Разведчик успел передать координаты нашего аэродрома. Но сообщил он об этом ради спасения своей жизни, прося быстрее отправить его в тыл, так как он считал, что в тот же день будет совершен большой налет и всем, находящимся на аэродроме, будет «капют».

Конечно, приняли необходимые меры для прикрытия аэродрома, установили патрулирование в воздухе и дежурство на земле. Время приближалось к вечеру. Уже многие начали думать, что фриц сказал неправду. Но вот появилась одна, за ней вторая группа Ме-109. Наши летчики немедленно вступили в бой. Пятнадцать минут пятерка И-16 дралась с девятью фашистскими истребителями. Вот стал падать охваченный пламенем Ме-109, но гитлеровцы продолжали наседать. Им удалось сбить самолет Л. П. Шорохова. Оставшаяся четверка наших храбрецов усилила атаки. Задымил и пошел к земле еще один вражеский истребитель. Гитлеровцы не выдержали натиска и начали

отходить. Сгустились сумерки. Наши летчики благополучно сели на свой аэродром.

Так закончился день 5 августа 1941 года. Было сбито 3 самолета врага. Их сбили летчики Чайка и Карпов. Но в этот же день погибли и два наших прекрасных товарища: майор

М. Л. Булгаков, первым открывший счет сбитым самолетам в полку, и лейтенант Л. П. Шорохов.

7 августа под вечер поступил приказ: выслать восемь самолетов в район 60—70 километров севернее Вознесенска и нанести штурмовой удар по обнаруженной там механизированной колонне. Восемь И-16 под командованием старшего лейтенанта А. А. Чайки поднялись в воздух. Летчики быстро обнаружили колонну, и после первой же атаки на земле загорелись автомашины; повторные атаки были не менее успешными.

Личный состав на аэродроме ждал возвращения товарищей. На горизонте показались шесть самолетов. Где еще два? Может быть, они сделали вынужденную посадку или летчики выбросились с парашютами? Самолеты приземлились и зарулили в капониры. Не вернулись с задания младший лейтенант А. П. Карпов и стар-

14 апреля 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта возобновили наступление в районе станицы Крымской, которую гитлеровцы превратили в мощный узел обороны. Преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, пехота на ряде участков вклинилась в расположение вражеской обороны. Враг бросил на участок прорыва до 600 бомбардировщиков под прикрытием истребителей, которые группами по 20-40 самолетов наносили удары по боевым порядкам наших войск. Ведя боевые действия с предельным напряжением сил, наши летчики вступали в ожесточенную борьбу с превосходящими силами фашистской авиации.

15 апреля 43 г. Me-109 сбил лично в районе Крымской

Из Журнала боевых действий.

«15.04.43 г. в 16.00 группа самолетов «Аэрокобра» во главе с командиром эскадрильи старшим лейтенантом Ерошкиным, выполняя задачу по прикрытию своих войск в районе Крымской, встретила на высоте 3000 метров заслон из 16 Me-109 и Me-109ф, с которыми вступила в бой, применяя тактику пар. Бой длился 30 минут, в результате было сбито два Me-109 и подбито два Me-109ф. Группа возвратилась без потерь».

Из статьи С.П. Губарева «Крылья крепки в бою» (журнал «Вестник Воздушного Флота» 1961 г. №2).

«Надолго врезалась в память схватка 8 наших истребителей с 18 фашистскими. Бой продолжался более 30 минут. Нашу восьмерку возглавлял капитан И.Г. Ерошкин. Фашисты, чувствуя превосходство, вели себя вызывающе.

Двадцать минут длился бой и все безрезультатно. Тогда В.М. Дрыгин пошел на хитрость: он имитировал падение. В тот же миг за ним устремилась пара фашистских истребителей. Когда немецкие летчики приготовились открыть по самолету Дрыгина огонь, он отлично выполнил переворот, в результате чего оказался в хвосте фашиста и атаковал его. Удар был точным, гитлеровский самолет вспыхнул. Спустя несколько минут капитан Ерошкин атаковал другого фашиста и сбил его».

16.04.43 г. Me-109 сбил лично в районе Крымской

Из статьи С.П. Губарева «Крылья крепки в бою» (журнал «Вестник Воздушного Флота» 1961 г. №2).

«Со второй половины апреля 1943 года на Кубани в этот период действий авиации характерны массовые воздушные бои.

16 апреля 1943 г. в течение всего дня полк прикрывал боевые порядки наших наземных войск. Немецко-фашистское командование, несмотря на огромные потери, бросало всё новые и новые авиационные части.

В районе Кубани появились фашистские лётчики не только из ПВО Берлина, но и воевавшие в Африке.

Во втором вылете две шестерки наших истребителей во главе с командиром полка И.А. Тараненко встретили три группы фашистских бомбардировщиков под прикрытием 18 истребителей. Наши летчики, смело вступили в бой, не допустили врага к цели и сбили 4 самолета. Подполковник Тараненко и старший лейтенант Дрыгин лично сбили по одному вражескому самолету. Наши летчики потерь не имели».

16.04.43 г. Me-109 сбил с Едником в районе Крымской

16 апреля 1943 года я со своим звеном из четырех «Аэрокобр» сопровождал наших бомбардировщиков. Были отбиты атаки восьми Me-109, и в этом же бою три Me-109 были сбиты. Одного Me-109 я сбил со своим ведомым. Наши бомбардировщики без потерь отлично выполнили боевое задание.

(Журнал боевых действий).

16.04.43 г. Ю-88 подбил в районе Крымской

Группа, состоявшая из 15 самолётов во главе с Семенишиным – восьмёрка во главе с Вишневецким и шестёрка во главе с Ерошкиным, вела бой в течение 40 минут против 32 фашистских истребителей. В этом бою было сбито 5 и подбито 2 немецких истребителя.

(С.П. Губарев. Крылья крепи в бою).

Из Журнала боевых действий:

«Таким образом, в течение 16 апреля 1943 г. нашими лётчиками было сбито 10 и подбито несколько истребителей противника, а также два бомбардировщика».

«После тщательной подготовки противник 17 апреля 1943 года перешел в наступление. Непрерывные атаки войск, поддерживаемые авиацией, следовали одна за другой. Небольшой клочок земли площадью в 22 квадратных километра простреливался со всех направлений. Но все попытки врага сбросить десантников в море были тщетными».

(А.П. Калинин. Истребители над «Голубой линией»)

Летчики 298 ИАП – участники воздушных боев на Кубани
(слева направо):

Герой Советского Союза капитан В.М. Дрыгин,
лейтенант Д.А. Бочаров,
командир полка Герой Советского Союза
подполковник И.А. Тараненко,
капитан Е.И. Зайцев,

Герой Советского Союза майор В.Г. Семенишин,
младший лейтенант М.С. Лиховид,
младший лейтенант А.А. Вильямсон,
старший лейтенант Г.А. Муравьев,
младший лейтенант П.П. Орлов,
старший лейтенант А.И. Луканцев,
лейтенант Г. Климов,
старший лейтенант Ф.С. Кривобоков,
лейтенант М.С. Комельков.

На этом снимке – группа летчиков 298 ИАП после очередного воздушного боя с «мессерами» в Кубанском воздушном сражении над «Голубой линией» в июне 1943 г., когда летчики Четвертой Воздушной армии завоевали полное господство в воздухе и удерживали его до конца Великой Отечественной войны.

В 1963 году полковник А.П. Калинин издал книгу «Истребители над «Голубой линией», в которой поместил этот снимок летчиков нашего полка.

ПОЛКОВНИК
А. П. КАЛИНИН

Истребители
над
„голубой линией“

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Москва—1963

17.04.43 г. Хе-111 сбил лично в районе Новороссийска

17 апреля 1943 г., в первый день начала немецкой операции под кодовым названием «Нептун», 298 истребительный авиационный полк в составе шестнадцати «Аэрокобр» вылетел на прикрытие своих войск в районе нашего десанта у Новороссийска, чтобы не допустить немецких бомбардировщиков к цели и не дать им возможности сбросить хотя бы одну бомбу на наши боевые порядки наземных войск десантников.

Эту группу наших истребителей возглавил командир полка подполковник И.А. Тараненко. Это был второй вылет.

В этом бою наши истребители сбили десять самолетов противника. Я сбил одного Хе-111.

(Журнал боевых действий)

17.04.43 г. Хе-111 подбил в районе Новороссийска

Второго Хе-111 я подбил, и он со снижением ушел на свою территорию. Этот результат зафиксирован в моей Лицевой карточке боевых действий.

17.04.43 г. два Хе-111 сбил в паре с Александровым в районе Новороссийска

Описание боевых действий на Кубани из книги А.П. Калинина «Истребители над «Голубой линией».

«Весной 1943 года на Кубани произошло одно из крупнейших воздушных сражений Великой Отечественной войны, которое завершило ряд блистательных побед, одержанных Советской Армией в зимней кампании 1942/43 года, и явилось важным этапом в борьбе советской авиации за господство в воздухе.

К весне 1943 года на Кубани сложилась следующая обстановка.

Войска Северо-Кавказского фронта, нанеся решительное поражение немецким захватчикам под Орджоникидзе, Моздоком и в районе Минеральных Вод и преследуя отступавшего врага, в первых числах февраля 1943 года завязали бои на подступах к Краснодару. Одновременно западнее Новороссийска на полуострове Мысхако был высажен морской десант под командованием майора Цезаря Куникова. К этому же времени войска Южного фронта вышли к побережью Азовского моря, овладели портом Ейск и отрезали с севера немецко-фашистскую группировку войск, действовавших на Кубани.

Продолжая наступление, войска Северо-Кавказского фронта отбросили врага на Таманский полуостров и к 16 марта вышли

на рубеж Анастасиевская, Троицкая, река Вторая, Новороссийск, удерживая плацдарм на полуострове Мысхако («Малая Земля»).

Немецко-фашистским войскам удалось закрепиться на заблаговременно подготовленных рубежах и остановить продвижение советских войск на Новороссийском направлении. Сузив фронт и перегруппировав свои силы, войска противника перешли к упорной обороне, продолжая поспешно укреплять занятые рубежи. Так в низовьях Кубани возник плацдарм, представлявший собой сложную систему инженерных сооружений. Главная полоса обороны противника – «голубая линия» – проходила от берега Азовского моря через многочисленные мелкие реки, каналы, озера. Эти водные рубежи были сильно укреплены и усилены дотами и дзотами и представляли серьезную преграду на пути наступающих советских войск.

Фашистское командование стремилось во что бы то ни стало удержать этот плацдарм, прикрывавший подступы к Крыму. Оно рассчитывало сковать здесь значительные силы советских войск и этим воспрепятствовать их переброске на другие участки советско-германского фронта. В планах фашистского командования особая роль отводилась авиации. В Крыму и на юге Украины на многочисленных аэродромах базировались лучшие эскадры гитлеровского воздушного флота: «Удэт», «Мельдерес», «Зеленое сердце» и другие. Весной 1943 года сюда были переброшены подразделения вражеской авиации с Западного фронта и из Африки. Становилось очевидным, что противник, сосредоточивая силы 4-го воздушного флота, будет ожесточенно драться в небе Кубани за удержание плацдарма.

Ставка Верховного Главнокомандования поставила войскам Северо-Кавказского фронта задачу уничтожить кубанскую группировку противника. Войска фронта в начале апреля были готовы нанести сокрушительный удар по врагу.

Военно-воздушные силы Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, действовавшие на Кубани, в то время еще значительно уступали вражеской авиации по количеству самолетов. В авиационных частях фронта, особенно в истребительной авиации, наряду с новейшими типами самолетов были устаревшие типы И-16 и И-153. Кроме того, после зимних боев большое число самолетов нуждалось в ремонте.

Учитывая создавшуюся воздушную обстановку и соотношение сил авиации, Ставка Верховного Главнокомандования приняла меры для усиления ВВС фронта; во второй половине апреля 1943 года в их состав было переброшено несколько авиационных соединений. Особенно усиливалась истребительная авиация;

в нее влились части, вооруженные самолетами типа «Яковлев»; «Лавочкин».

Воздушное сражение на Кубани по времени совпало с оборонительными боями десантной группы, действовавшей на Мысхако и наступлением войск Северо-Кавказского фронта с целью разгрома таманской группировки противника.

В борьбе за Таманский полуостров весной 1943 года обе стороны отводили большую роль авиации. На узком участке фронта действовали значительные воздушные силы, общая численность которых в отдельные периоды доходила до 2400–2500 самолетов. Почти половину из них составляли истребители. В многодневных воздушных боях впервые за время Великой Отечественной войны борьба приняла характер воздушного сражения с ярко выраженным стремлением завоевать господство в воздухе.

Советские летчики в боях с фашистской авиацией на Кубани проявили чудеса храбрости, отваги и беспримерного героизма. Верные воинскому долгу и присяге, беззаветно преданные Коммунистической партии и своей социалистической Родине, наши летчики стойко сражались с врагом. Советский народ вечно будет хранить память об участниках воздушного сражения на Кубани, которые в трудные годы Великой Отечественной войны вместе с пехотинцами, артиллеристами, танкистами и моряками мужественно сражались за освобождение нашей земли от немецко-фашистских захватчиков.

В начале апреля 1943 года на Кубани шли сильные дожди. Вода затопляла траншеи и огневые позиции артиллерии. Полевые аэродромы от этих ливней стали непригодными для взлета

и посадки даже самолетов По-2. Частые туманы, надвигавшиеся со сторон Черного и Азовского морей и отрогов Кавказских гор, иногда на целые дни окутывали землю, обрекая авиацию на бездействие.

После зимних и весенних боев на Северо-Кавказском фронте установилась оперативная пауза; обе стороны готовились к новым решительным боям. Советские войска готовились к наступлению, противник усиливал свою оборону.

Вынужденное затишье советские авиаторы использовали для подготовки к предстоящим боям. Землянки, помещения штабов, командные пункты, общежития летного и технического состава были превращены в учебные классы, где анализировались проведенные воздушные бои, изучался и обобщался боевой опыт. Особенно большое внимание уделялось молодому пополнению летчиков, которое нужно было подготовить к суровой схватке с опытным воздушным противником. В частях проводились

летно-тактические и технические конференции по вопросам тактики, боевого применения авиации, сбережения боевой техники и ухода за ней. Эта форма учебы в годы войны была широко распространена в авиационных частях.

Важное место отводилось партийно-политической работе по подготовке личного состава авиационных частей и штабов к предстоящим боям; она направлялась на воспитание наступательного порыва и ненависти к врагу, повышение лётного мастерства, мобилизацию личного состава на скорейшее освобождение Кубани. Большое внимание уделялось повышению бдительности. Хотя противник и понес в зимних боях большие потери, но он обладал еще значительными силами.

Войска Северо-Кавказского фронта в трудных условиях распутицы в начале апреля закончили перегруппировку и сосредоточение сил для нанесения удара по врагу. Тыловые части и базы, оставшие в ходе зимнего наступления, были подтянуты к войскам. Фронт получил подкрепление. Но и гитлеровцы не теряли времени даром. Они пополняли потрепанные в боях части, отводили некоторые из них в тыл и на их место перебрасывали свежие силы с других участков фронта.

Особое внимание противник уделял авиационной группировке, стремясь привлечением крупных воздушных сил компенсировать потери пехоты, удержать плацдарм и сорвать наступление советских войск. С 8 апреля 1943 года фашистская авиация начала наносить массированные удары по тылам и боевым порядкам войск фронта.

Утром 12 апреля фашисты предприняли попытку совершить массированный налет на Краснодар. Посты воздушного наблюдения донесли, что курсом на город следует несколько групп вражеских бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей. Навстречу воздушному врагу поднялись советские истребители. Одни из них наносили удар по бомбардировщикам, а другие вели воздушные бои с вражескими истребителями.

В течение шести дней над Мысхако шли жаркие воздушные бои. Судьба защитников «Малой Земли» во многом зависела от того, в чьих руках будет инициатива в воздушных боях. Это отлично сознавали наши летчики и поэтому самоотверженно сражались с врагом над героическим плацдармом, воодушевляя своим мужеством и отвагой героев «Малой Земли».

17 апреля в боях за Мысхако особенно отличились летчики 298-го истребительного авиационного полка, которым была поставлена задача прикрыть войска на «Малой Земле» с воздуха. Патрулируя над полем боя, одна из групп полка своевременно заметила 20 вражеских бомбардировщиков в сопровождении

15 истребителей и завязала с ними бой. Воздушная схватка разыгралась над морем. Ведущий группы коммунист старший лейтенант К. Вишневецкий стремительно повел своих ведомых в атаку. С первого захода он успешно атаковал и сбил вражеский бомбардировщик, два других подожгли старший лейтенант В. Дрыгин со своим ведомым. На помощь бомбардировщикам противника бросились истребители. Бой разгорелся с новой силой. Сержанта В. Александрова одновременно атаковали три вражеских истребителя. Отважный комсомолец умело вывел свою машину из-под удара. Гнавшийся за ним фашистский летчик не успел вовремя уклониться от препятствия и на большой скорости врезался в скалу.

Во второй половине дня группа летчиков этого же полка под командованием старшего лейтенанта И. Ерошкина в воздушном бою с десятью «мессершмиттами» уничтожила три вражеских самолета. Благодаря исключительному мужеству, храбрости и воинскому мастерству советские летчики-истребители отразили все атаки врага, не допустили вражеские бомбардировщики к цели.

Численному превосходству противника советские летчики противопоставили дерзновенную отвагу и готовность умереть, но не пропустить фашистских стервятников к позициям защитников «Малой Земли».

Несмотря на большие потери, авиация противника не прекращала попыток наносить удары по десантной группе. В то же время фашистские захватчики усилили налеты на войска и тылы Северо-Кавказского фронта. Ожесточенность воздушных боев не ослабевала. Напряжение в боевых действиях нашей авиации нарастало. Борьба за господство в воздухе разгорелась с новой силой.

Газета 4-й воздушной армии «Крылья Советов» 19 апреля 1943 года призывала воинов-авиаторов к самоотверженной борьбе с ненавистным врагом.

«С каждым днем, – говорилось в передовой статье газеты, – на нашем участке фронта разгораются все более ожесточенные воздушные бои. Враг, пытаясь сковать действия наших наземных войск, парализовать железные дороги, коммуникации, бросает в бой большое количество авиации. Не допустить, встретить и разгромить воздушного противника – такова задача наших истребителей. Они первыми видят, куда направлен удар вражеских бомбардировщиков. Они первыми оказывают им самое действенное и самое жестокое сопротивление. Вот почему истребитель должен умело разведывать и истреблять фашистские бомбардировщики, не допускать их к нашим наземным войскам, к городам и селам».

С 17 по 24 апреля шли ожесточенные бои в районах Мысхако, Новороссийска, Крымской. Мы попеременно летали то в один, то в другой район.

На следующее задание в район Крымской я вылетел в паре с Петей Едником на прикрытие своих войск. Как только пришли в район цели, вижу, Пете подвернулся «мессер», и он пошёл в атаку. Я тут же поменял свою роль ведущего, кричу ему по радио: «Петя! Гони его, я прикрою!»

Бой проходил в районе Неберджаевской. «Мессершмитт» старался уйти пикированием, но потом увидев, что уже земля, решил выйти из пикирования. Однако Петя очередями из пулемёта всё ближе прижимал его к земле. Увлёкшись боем, он не заметил, что и свой самолёт ему уже не вывести и только крикнул: «Погибаю за Родину!» Я чётко увидел взрыв двух самолётов, врезавшихся в землю в горах.

После войны я побывал в этих местах и точно определил место гибели Пети Едника – это высота 114,1 по-военному, а ныне это Сопка Героев, где благодарные потомки установили памятник летчикам.

18.04.43 г. Ме-109 сбил с Ерошкиным северо-восточнее Мефодиевской

«18 апреля погода над Малой Землёй стала ухудшаться, однако, выполняя боевые задания по прикрытие своих войск в воздушных боях в районе Новороссийска, подполковник Тараненко подбил Ме-109, ещё один Ме-109 сбил лейтенант Бочаров. Старший лейтенант Дрыгин вместе со старшим лейтенантом Ерошкиным вдвоём уничтожили ещё один Ме-109».

(Журнал боевых действий)

«Во второй половине дня группа летчиков этого же полка под командованием старшего лейтенанта И. Ерошкина в воздушном бою с десятью «мессершмиттами» уничтожила три вражеских самолета. Благодаря исключительному мужеству, храбрости и воинскому мастерству советские летчики истребители отразили все атаки врага, не допустили вражеские бомбардировщики к цели».

(А.П. Калинин. Истребители над «Голубой линией»)

В Представлении 298 полка на звание «Гвардейский» есть следующая запись:

«20, 21, 22 и 23 апреля 1943 года сопровождали группу бомбардировщиков в район действия, насыщенный большим нарядом истребителей противника с их многоярусным патрулированием. Истребители полка не допустили ни одной атаки фашистских

стервятников по нашим бомбардировщикам, чем обеспечили точный выход на цель и прицельное бомбометание по готовящемуся сильному наступлению немцев против нашей десантной группы в районе Новороссийска.

В результате отличной охраны групп бомбардировщиков, точным попаданием последних был разбит штаб 17-й пехотной дивизии немцев, уничтожен узел связи, и наступление немцев было сорвано».

Мощными ударами наша авиация оказала своевременную поддержку десантной группе. Противник понес большие потери. Почти полностью был уничтожен штаб командующего группой наступавших немецко-фашистских войск.

20, 21, 22, 23 апреля наш 298 истребительный авиаполк обеспечивал боевые действия бомбардировщиков на «бостонах» и Пе-2, которые наносили удары в районе Абрау-Дюрсо по войскам противника, пытавшимся сбросить десант в море южнее Новороссийска.

Умелое построение боевого порядка истребителей при сопровождении бомбардировщиков до цели и обратно обеспечивало точность бомбовых ударов.

В этих боях за четыре дня я сбил лично три самолета противника Me-109.

Из Журнала боевых действий.

«Только за 23 апреля Дрыгин сбил три самолёта противника – один лично и два с ведомым Василием Александровым».

С 20 апреля 1943 года лётчикам 298 авиаполка ставится задача по сопровождению бомбардировщиков.

В 16.55 группа под командованием старшего лейтенанта Ерошкина, сопровождая бомбардировщики над морем, была атакована истребителями противника.

Вот как описывает этот бой К.А. Вершинин в своей книге «Четвёртая воздушная».

«Атаку немецкие лётчики сделали на прикрывающую группу. Наперерез противнику бросилась ударная группа и отразила атаку. При повторной атаке противник потерял один самолёт. Его сбил Василий Дрыгин».

**20.04.43 г. Me-109 сбил лично юго-западнее Новороссийска
(Журнал боевых действий).**

21.04.43 г. Ме-109 сбил лично южнее Новороссийска
(Журнал боевых действий).

23.04.43 г. Ме-109 сбил лично в районе Цемесской бухты
(Журнал боевых действий).

23.04.43 г. два Ме-109 сбил с Александровым в районе Цемесской бухты.
(Журнал боевых действий).

В полковом боевом донесении за период 17-24 апреля о боях на Мысхако было отмечено, что в этих боях особо отличились летчики старший лейтенант В.М. Дрыгин и старший сержант И.Т. Згривец.

29.04.43 г. Ме-109 сбил лично северо-западнее Гостагаевской

В этот день началось наступления 56 армии под командованием А.А. Гречко на Крымскую.

29 апреля 1943 г. 298 истребительный авиаполк сопровождал бомбардировщиков на цели в районе Крымской и прикрывал свои войска в этом же районе. Проведено три воздушных боя, сбито пять Ме-109 и один ФВ-190.

В донесении штаба 298 ИАП за 29.04.43 г. было отмечено, как дерзко вели воздушные бои летчики полка. За этот день отличились летчики полка старший лейтенант В. Дрыгин, пилот М. Комельков, старший сержант М. Лиховид, майор Семенишин.

29 апреля 1943 г. в районе Гостагаевской я сбил один Ме-109 и подбил Ю-88.

(Газета «Крылья Советов» от 30 апреля 1943 г. № 104).

30.04.43 г. Ю-87 сбил лично северо-восточнее Верхнего Адагума

30 апреля 1943 г. задача полка оставалась прежней – сопровождение бомбардировщиков до цели в районе Крымской и прикрытие своих войск в этом же районе.

Было проведено три воздушных боя, в которых участвовало большое количество немецких истребителей.

Северо-восточней Верхнего Адагума я сбил Ю-87.

Из Журнала боевых действий.

«30 апреля взлетела восьмёрка истребителей под командованием Семенишина на прикрытие своих войск в районе Крымской. На высоте 4000 метров они встретили две группы Ю-87 по 25 самолётов.

У летчиков не было времени выбрать выгодную позицию и командир группы майор Семенишин отдаёт приказ лётчикам сковать боем истребителей прикрытия, а сам вместе с Василием Дрыгиным идёт в лоб, атакуя на встречных курсах. От меткого огня Семенишина один Ю-87 загорелся и, не выходя из пикирования, врезался в лес в районе Семёновской.

Сделав боевой разворот, лётчики заходят в атаку с хвоста, и второй Ю-87 сбивает Дрыгин».

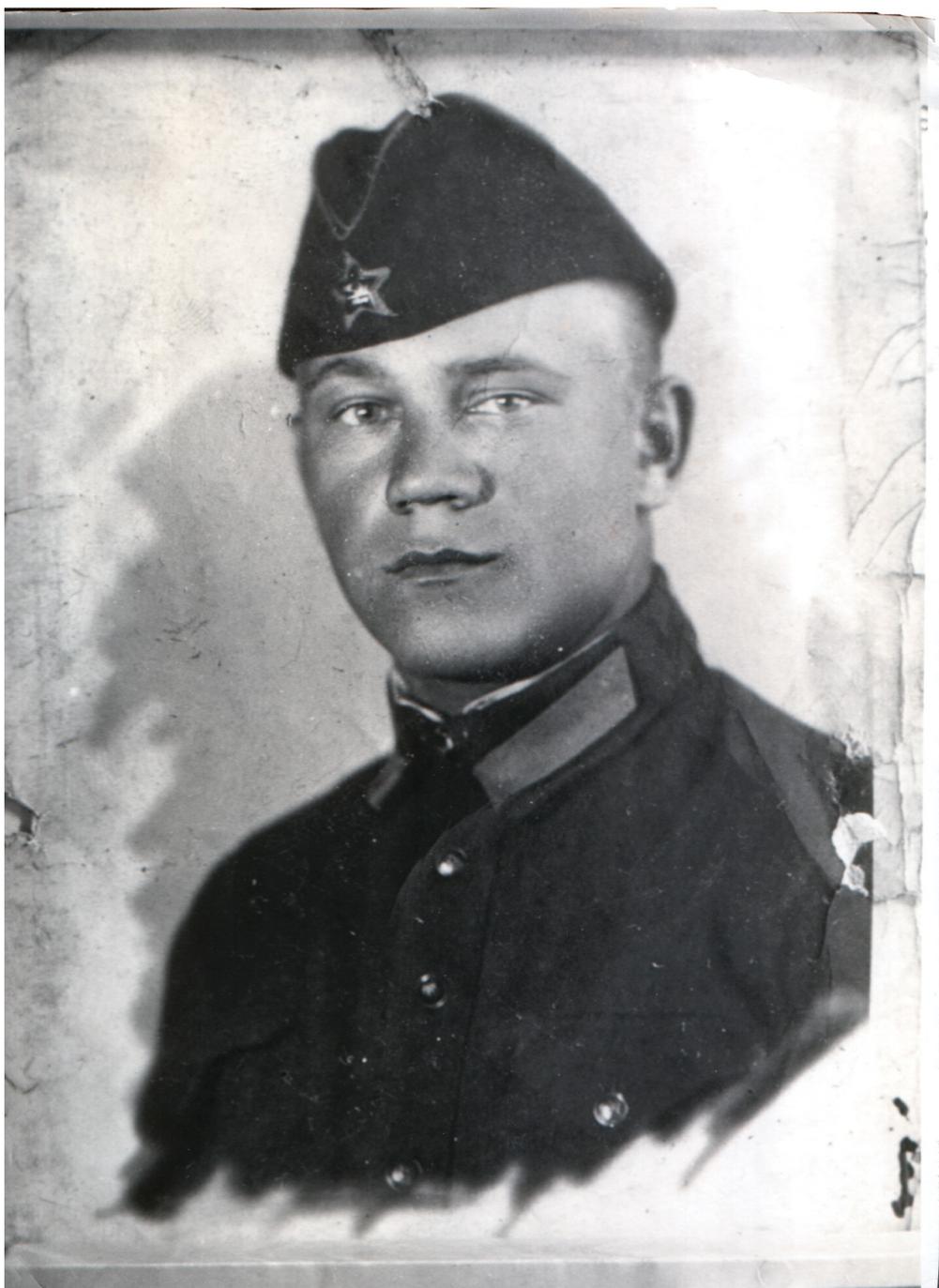
Закончилось время нашего барражирования над участком 56-й Армии, станция управления дала команду группе Семенишина уходить домой, поскольку на смену уже подходила другая группа. Неожиданно последовала дополнительная команда – паре Дрыгина следовать в район Анапы! Я был в паре с Александровым и стал выполнять команду, хотя и подумал, что это какая-то загадочная команда, так как знал, что все немецкие истребители находятся в районе Анапы – они там базировались.

Подходим к Анапе и видим – внизу на аэродроме то взлетают, то садятся немецкие истребители, нам же станция наведения никакой команды не дает, что делать дальше. Смотрю на бензомер и вижу, что стрелка поджимает, то есть горючего уже не хватит дотянуть до своего аэродрома. Запрашиваю «Миндаль-5», какие указания мне будут далее. Отвечают – находиться над Анапой до команды. Докладываю, что горючее на исходе. В ответ приказано команду выполнять.

Смотрим в сторону моря ниже нас, а мы были где-то на высоте пять тысяч, идет «Бостон», а два «месса» его «клюют» со всех сторон. Мы с Александровым спикировали на них и одного «месса» сбили. Он так и пошел со снижением в сторону Новороссийска, и нам было видно, как он за Мысхако нырнул в воду. Затем, вынырнув, так и остался на плаву, пока мы не улетели. Мы же спокойно сопроводили «Бостон» до Геленджика, где он произвел вынужденную посадку.

Оценив остаток горючего, я готовился сесть на какой-то аэродром у линии фронта. Хотел дотянуть до Краснодара, но, дойдя до Северской, мы увидели внизу аэродром и, не желая рисковать, пошли на посадку. К тому же день уже клонился к вечеру.

Вдруг, где-то в 24 часа, посыльный сообщает, что меня вызывают из штаба Армии. Подхожу к телефонной трубке, беру ее с осторожностью, докладываю. Говорил полковник Воронов, начальник разведывательного отдела штаба 4-й Воздушной армии. И сразу же задал вопрос: «Почему твоя пара села на вынужденную?» Отвечаю: «Миндаль-5» держала мою пару в воздухе над Анапой до полного израсходования горючего, да еще в тылу противника».

Василий Александрович Александров.
Погиб 9 мая 1943 г.

Полковник В.Ф. Воронов тогда сказал мне, что в воздухе по радио надо работать своими индексами, а не по фамилии, как мы это делали. Он объяснил, что немецкая радиостанция подслушивает, и знает всех наших летчиков наизусть. **«Эту команду, – сказал он, – отдавала немецкая станция. Она направила тебя в район Анапы, чтобы там тебя «мессеры» сбили. Хорошо еще, что так закончилось!».**

Позже стало известно, что после того, как мы, В.Д. Зотов, В.М. Дрыгин, В.В. Калганов, В.Т. Белецкий, сожгли на земле в районе Чистяково штабной самолёт Ю-52 генерала Клейста, **немецкая пропаганда объявила наше звено «личным врагом Гитлера».**

Война не обходится без жертв!

27 декабря 1941 г. погиб Виктор Белецкий.

5 марта 1942 г. погиб Володя Калганов.

30 августа 1942 г. был похоронен на кладбище Кишны в г. Баку Василий Дмитриевич Зотов.

Остался я один из звена, и на меня охотились немецкие истребители.

3 мая 1943 г. мой самолёт зажёг немецкий лётчик Гюнтер Ралль, который жив по сей день, как сообщил мне об этом из Екатеринбурга Игорь Владимирович Злобин, изучающий историю 298 истребительного авиаполка. По сведениям немецкого архива, Гюнтер Ралль, сбивший сотни самолетов, входит в десятку сильнейших немецких асов.

Вскоре мой ведомый, способный летчик Василий Александрович Александров погиб. Я и теперь не могу вспоминать об этом без душевной боли.

Вот что пишет о нас с Александровым наш замполит С.П. Губарев в своих воспоминаниях в декабре 1958 года.

«Каким-то особым видом героизма обладал старший лейтенант Дрыгин. Для него не существовало никаких преград. Он не обращал внимания на количество фашистских самолетов. Ему стоило только увидеть врага, и он направлял свой самолет в самую их гущу.

У него была своя тактика: увидел врага, бей его!

Приемы Дрыгина перенял и подражал ему его ведомый молодой пилот комсомолец старший сержант Василий Александров. Этот молодой летчик как губка впитывал в себя все приемы Дрыгина. За несколько боевых вылетов в паре с Дрыгиным он имел два лично сбитых самолета и три самолета, сбитых в паре с Дрыгиным.

Однако ему, молодому смелому летчику, недолго пришлось летать. В одном из жарких воздушных боев, когда Александров

производил вылет с другим летчиком, его самолет был подбит и летчик Александров погиб.

Тяжела была эта утрата для всего личного состава полка, для комсомольской организации. Особо тяжело переживал смерть своего товарища Вася Дрыгин. Он несколько дней был суров и неразговорчив, твердя: «Я им сволочам, покажу!»

И Дрыгин, действительно, показывал. Он не только показывал ненависть к врагу, он почти ежедневно загонял немецкие самолёты в землю».

О слётанности нашей пары было известно всей армии. **Вот что пишет командующий 4 ВА К.А. Вершинин в книге «Четвертая воздушная»:**

«Когда встал вопрос о сколачивании пар, о внедрении их в боевой порядок, от чего зависела тактика, в том числе и использование вертикального маневра, коммунисты показали пример в решении этих вопросов. Образцом грамотных действий стали пары Дрыгина и Вишневецкого, Покрышкина и Речкалова, а также братьев Глинка...»

Гибель Александрова

На девятое мая 1943 года командование полка поручило мне ввести в строй вновь прибывшего командира эскадрильи. Он был значительно старше меня по возрасту, и я возразил, что не по мне такое задание. Но приказали задание выполнять.

В полет пошли наши десять Р-39 на сопровождение бомбардировщиков восемнадцати Б-20 – «Бостонов». Я звеном ушел в непосредственное прикрытие группы Б-20, а мой ведомый Александров улетел с другим напарником в ударной группе, которая находилась выше общей группы на 500-1000 метров.

Наши бомбардировщики нанесли удар по позициям артиллерии противника западнее Крымской, в полосе наступления 56-й Армии, Б-20 сбросили бомбы точно по цели, а когда стали разворачиваться, то подоспели «мессеры» и перешли в атаку на группу прикрытия. Пара «мессершмиттов», не обращая внимание на наши истребители, стремительно прорвалась к «Бостонам», но не успела открыть огонь, как старший лейтенант Луканцев устремился за этой парой и своевременно открыл упреждающий огонь по «мессу», который тут же рассыпался в воздухе, а экипажи наших бомбардировщиков, уточнив, кто этот летчик, сказали по радио: «Молодец, Луканцев!»

Осматриваюсь и вижу, что «мессер» подстраивается в хвост Васи Александрова. Я иду в другой группе непосредственно с бом-

бардировщиками – кричу по радио: «Александров, «месс» в хвосте, отворачивай!» и наблюдаю, что же он предпримет, а он идет себе спокойно. Вижу, «месс» на дистанции открытия огня. Я опять кричу: «Александров, да отворачивай же», а «месс» уже открыл огонь, и за самолетом Александра потянулись шнуры дыма, и самолет загорелся, Вася Александров, вероятно, был убит сразу, так как и попытки выброситься с парашютом не было. Так погиб мой ведомый Василий Александрович Александров.

К вечеру пришло сообщение с передовой, со станции наведения, что самолет Александра упал в 5 километрах северней станции Варениковской. Летчик погиб в самолете,

Когда к вечеру боевая работа была закончена, и летный состав уехал с аэродрома на ужин в столовую, летчики были подавлены известием, что нашего боевого друга нет с нами.

Кто-то предложил поднять наши боевые сто грамм и выпить за Васю Александра, и тут я не удержался и заплакал, стоя у свободного стула, где обычно сидел Вася Александров.

Да и как было удержаться от слез, потеряв такого сильного летчика, незаменимого ведомого, преданного друга.

Прошли годы, и я хотел найти мать Васи Александра, чтобы передать письмо, которое он написал ей, но не успел отправить до своего рокового часа.

Я написал в Тулу, где проживали его родственники, но мне ответили, что по такому адресу родственники Александра не проживают и не значатся.

Наконец, уже в 1989 году я смог разыскать сестер Александра, проживающих в той же Туле, Анну и Марию. Они сообщили, что матери не стало в 1974 году. Так последнее письмо от своего единственного сына с фронта, где он писал, как бьет врага, и враг бежит в свое логово, мать и не прочитала. Заканчивал Вася письмо надеждой на счастливую жизнь после войны.

Письмо от сестер Василия Александра Анны и Марии

«Уважаемый Василий Михайлович!

Как долго мы ждали и надеялись, что наш брат Вася не погиб, что это ошибка, что он вернется к нам, потом смирились с его гибелью. А сколько слез пролила мама, после того, как получила извещения на мужа и сына. Нам кажется, что она ждала их до самого последнего своего часа, но так и не дождалась. Умерла она в июле 1974 года в возрасте 70 лет.

Семья наша простая, рабочая. Жили мы не богато, вернее сказать бедно, да в то время богатых-то было немного.

Вася наш был на редкость одаренным. В школе учился очень хорошо, всегда его в пример ставили. Учась в 5-6 классах, он был нештатным корреспондентом газеты «Пионерская правда». Не раз награждался ценными подарками. Помнится, подарили ему фотоаппарат «Зоркий», велосипед не детский – взрослый, что по тем временам равнялся чуть ли не с автомашиной.

Одновременно занимался в кружке рисования, рисовал очень хорошо. В пятнадцать лет начал заниматься в клубе оружейников «ТОЗ» акробатикой. Выступал в концертах акробатом-эксцентриком. Как он все успевал, неизвестно, Но мы очень гордились своим братом. О маме и говорить не приходится, какая она была счастливая! В 9-ом или десятом классе начал заниматься в аэроклубе, закончил и его, закончил и школу. Решил учиться дальше в авиационном училище, в училище его не принимали – не хватало года. Тогда он взамен «утерянных» документов, выхлопотал новые, где год рождения вместо 1924 стоял 1923. Вот так Вася добился своего, уехал на Украину в училище, в Чернигов, но точно не помним, ведь было нам не так уж много лет, одной 13, другой 11.

В училище учился тоже хорошо, но вскоре началась война. Надеялись, что война закончится быстро, и Вася нормально доучится, и на фронт попасть не успеет, ведь было-то ему всего 17 лет! Но судьба распорядилась по-своему. Учеба была ускоренной, и вот Вася на фронте. Какие он бодрые, успокаивающие письма писал! Чтoб мы берегли себя, так как скоро, очень скоро ненавистному Гитлеру придет конец!

И, в́друг, в мае 1943 года, похоронка!

Вот такая короткая жизнь досталась нашему брату! Сколько бы он мог принести пользы стране, нам! Но, увы, не довелось ему пожить. Может быть, и дожил бы до победы, если б летал в паре с Вами!

Мы Вам очень благодарны, теперь мы знаем место его гибели. Напишите, пожалуйста, за что он удостоен такой высокой награды, ведь он так мало воевал! Но уверены, что воевал он так же хорошо, как и прожил свою недолгую жизнь.

Желаем Вам долгих, счастливых лет жизни! Хорошего Вам здоровья! Успехов во всех Ваших делах!

Анна и Мария Александровы».

Я перед вылетом как предчувствовал беду, и не хотел лететь в паре с другим летчиком, хотя обязанность по вводу в строй вновь прибывших летчиков и в дальнейшем мной выполнялась, так сказать, не по штату.

Сложность нашего полета состояла в том, что в группе бомбардировщиков были разные типы самолетов: девятка Пе-2, которые сбрасывали бомбы с пикированием, и «Бостоны» Б-20.

И вот вижу, что одна «пешка» отстает от группы, и ее «мессеры» могут тут же «подобрать», а экипаж на пикировании переохладил мотор и тянет на одном движке. Я тут же парой прикрыл этот самолет, он смог дотянуть до Новотиторовской и сел на вынужденную. После посадки Пе-2 мы спокойно ушли в Кореновскую на свой аэродром.

По возвращению на свой аэродром нам зачитали телеграмму за подписью генерал-лейтенанта Гречко, командующего 56-ой Армией, и члена Военного Совета армии полковника Мольсера. В ней отмечалось, что авиация ударила по врагу на участке десятого стрелкового корпуса в районе Горно-Веселого, Ленинское, колхоза «Красный молот», чем обеспечила продвижение пехоты, за что Военный Совет 56 Армии объявляет благодарность всем экипажам за точную и хорошую работу. Такие телеграммы мы получали много раз.

Все это меня не утешало, ведь я потерял боевого друга. Гибель Александрова я очень переживал, так как в любой воздушной обстановке мы с ним могли выйти из самого сложного положения, благодаря тесному взаимопониманию при полете в паре, дополняя друг друга в бою.

Я гордился своим ведомым, а он, предчувствуя гибель, все повторял: «Мои родители в Туле, Штыковая 197, Зареченский военкомат».

03.05.43 г. два Ю-87 сбил лично в районе Адагума

1 и 2 мая 1943 г. боевые действия на земле и в воздухе не прекращались ни днем, ни ночью. Гитлеровцы пытались вытеснить наши войска, глубоко вклинившиеся в оборону немцев в районе станицы Крымской.

3 мая 1943 г. 56 армия под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречко готовилась к взятию станицы Крымской.

На командном пункте 56 армии находились представители Верховного Главнокомандования во главе с Маршалом Советского Союза Жуковым Георгием Константиновичем.

Воздушный бой 3 мая 1943 г. стал известен всему Северо-Кавказскому фронту, всем ВВС Красной Армии. Его наблюдали Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, Главком ВВС Маршал А.А. Новиков, командующий 4 Воздушной армией К.А. Вершинин и все бойцы на передовой.

Андрей Иванович Труд, Герой Советского Союза, в 1943 году летчик 16 гвардейского истребительного авиаполка описывает в своей книге «Звездные кобры» рвутся в бой» подготовку к взятию станицы Крымской 56-й армией под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречко.

«В этот день никто больше на задание не летал. На фронте наступило затишье.

56-я армия генерал-лейтенанта А.А. Гречко готовилась к прорыву Голубой линии на центральном направлении: взятию Крымской. Детально разрабатывался план взаимодействия наземных войск с авиацией. А.А. Гречко неоднократно с похвалой отзывался об авиаторах. Он писал: «Личный состав войск доволен работой авиации. Военный совет 56-й армии объявляет благодарность всем экипажам за хорошую работу».

К этому наступлению готовились и мы. Технический состав день и ночь восстанавливал вышедшую из строя авиатехнику. Летчики разбирались в своих неудачах, в совершенствовании тактических приемов с молодежью.

В течение 3 и 4 мая войска 56-й армии начали наступление на Крымскую. День и ночь не стихала артиллерийская канонада. Наши войска постепенно вгрызлись в Голубую линию противника. Авиация 4-й воздушной армии шла непрерывными потоками на Крымскую. Штурмовики «Ил-2» не давали немцам поднять голову из окопов. Бомбардировщики раз за разом наносили бомбовые удары по тыльной стороне фронта противника и по его резервам. Ночью над окопами немцев непрерывно висели наши легкие бомбардировщики «У-2» женского полка под командованием Евдокии Бершанской. Они урчали над головами немцев, забрасывая их бомбами всю ночь. Из показаний пленных знали, что фашисты называли их «ночными ведьмами». Каждый фашистский солдат, сидя в окопе, ожидал, что в следующую секунду бомбочка, сброшенная «ночной ведьмой», попадет ему в котелок. Враг подавлялся и физически, и морально. На беззащитном самолете, сделанном из фанеры и перкали, под сплошным огнем с земли из всех калибров оружия, наши славные дочери летали в ночь по 7-8 раз.

На истребительную авиацию была возложена сложная задача запретить истребителям противника действовать по нашим штурмовикам и бомбардировщикам и не допускать их авиацию к полю боя, любыми методами принуждать их к сбросу бомб, не доходя к линии фронта.

АНДРЕЙ ТРУД

**“ЗВЕЗДНЫЕ КОБРЫ”
РВУТСЯ В БОЙ**

Ростов-на-Дону
2005

В воздухе с новой силой разыгралось воздушное сражение. Шел заключительный этап окончательного заката былой славы бывших знаменитостей – эскадр «Удета», «Рихтгофена», «Зеленому сердцу» и прочим фашистским стервятникам. Наши летчики прочно держали завоеванную инициативу в воздухе, стали небесными хозяевами. Но противник еще был силен, и победы наши не обходились без жертв».

Описание воздушного боя 3 мая 1943 г. полковником А.П. Калининным в его книге «Истребители над «Голубой линией».

«В этот день вновь отличились летчики 298-го истребительного авиационного полка.

Во второй половине дня группа истребителей под командованием Героя Советского Союза майора В. Семенишина прикрывала свои войска в районе хутора Верхнего Адагума, станиц Крымской и Абинской. Через три минуты после прибытия группы в районе прикрытия появился вражеский самолет, который, заметив советские истребители, резко развернулся и ушел на территорию, занятую немецкими войсками. Определив, что это разведчик, майор В. Семенишин предупредил своих ведомых о необходимости усилить наблюдение. Через 5-7 минут появились шесть истребителей противника и вступили в бой с советскими истребителями, пытаясь увлечь их из зоны прикрытия. Зная, что скоро появятся и бомбардировщики противника, В. Семенишин приказал всей группе не уходить из района прикрытия. И действительно, еще не кончился бой с «мессершмиттами», как показалась группа вражеских бомбардировщиков. Первыми атаку начали В. Дрыгин и его напарник сержант В. Александров. Им удалось частично расстроить боевой порядок «юнкерсов». Некоторые летчики противника стали беспорядочно сбрасывать бомбы.

При повторной атаке парой сзади В. Дрыгин поджег один Ю-87, и тот приземлился в расположении наших войск. В ходе боя В. Дрыгин сбил еще один самолет противника, третий «юнкерс» был уничтожен летчиком В. Александровым.

Бомбардировщики врага повернули на свою территорию. В это время вражеские истребители получили подкрепление. В. Дрыгина атаквали два истребителя противника, в довершение всего у него кончились боеприпасы. Фашистам удалось поджечь советский самолет. Но Дрыгин на горящем самолете сумел перелететь линию фронта и только тогда выбросился с парашютом. Удар бомбардировщиков противника был сорван.

Активные и инициативные действия В. Дрыгина и его ведомого оказали решающее влияние на исход воздушного боя, в котором фашисты потеряли пять самолетов.

Этот беспримерный бой проходил на глазах бойцов фронта. Наблюдавший бой Маршал авиации А. Новиков отметил героизм отважных летчиков специальным приказом.

«3 мая, – говорилось в этом приказе, – пять наших истребителей... под командованием майора В. Семенишина в районе станции Крымская встретили 12 вражеских бомбардировщиков под прикрытием истребителей и вступили с ними в бой. Своими смелыми атаками истребители рассеяли бомбардировщики противника и вынудили их сбросить бомбы нецельно.

В этом бою отличился командир звена 298 ИАП старший лейтенант В.М. Дрыгин, который лично сбил два бомбардировщика врага и после упорного боя, будучи сам сбит, выбросился с парашютом и благополучно приземлился.

Приказываю:

- 1. Командиру звена 298 ИАП старшему лейтенанту Дрыгину В.М. за проявленные в воздушном бою мужество, смелость и отвагу присвоить воинское звание «капитан». Кроме того, Дрыгин В.М. мною награжден орденом Александра Невского.*
- 2. Командующему 4 ВА представить мне для награждения отличившихся в бою 3 мая летчиков из группы Семенишина.*
- 3. Приказ объявить всему летно-техническому составу ВВС Красной Армии»¹.*

Бой 3 мая 1943 г. описал генерал-лейтенант Г.Р. Павлов в своей книге «Друзья мои – однополчане».

«В одном из боевых вылетов Дрыгин прикрывал наступление частей 56-й армии в районе станции Крымской. Гитлеровская авиация пыталась бомбовыми ударами сорвать, затормозить это наступление. Капитан Дрыгин и другие истребители обнаружили и смело атаковали большую группу «юнкерсов», расстроили ее боевой порядок, затем Дрыгин сбил бомбардировщика, но и его машина оказалась прошитой вражеским пулеметно-пушечным огнем, она запылала и полетела к земле.

Возвратившиеся в часть боевые товарищи сообщили о гибели Василия и о месте падения его самолета. Командир принял решение вывезти останки храброго летчика и захоронить их поблизости от аэродрома. А к исходу следующего дня в полку произвел посадку самолет По-2. Из него вышел... улыбающийся Василий. На его груди рядом с другими наградами сверкал новый орден – Александра Невского.

¹ Архив МО: ф. 319, оп. 351554, д. 4, л. 40.

Дважды Герой Советского Союза Главный маршал авиации
А.А. Новиков

Оказалось, что Дрыгин, выбросившись из загоревшегося самолета, приземлился на парашюте вблизи командного пункта командующего войсками Северо-Кавказского фронта. Наблюдавший отсюда за ходом воздушного сражения главный маршал авиации А.А. Новиков вручил офицеру боевую награду, присвоил ему звание капитана и назначил заместителем командира эскадрильи.

Через час-два около командного пункта был выставлен щит с огромным фотоснимком, на котором полковой фотограф запечатлел улыбающегося Василия Михайловича Дрыгина среди боевых друзей. В тексте под снимком рассказывалось о подвиге этого бесстрашного истребителя. На красном полотнище крупными буквами было написано: «Следуйте примеру коммуниста Василия Дрыгина. Учитесь у него боевому мастерству, мужеству, отваге».

Командующий Четвертой воздушной армии К.А. Вершинин в своей книге пишет:

«3 мая пятерка истребителей 298-го полка, возглавляемая майором В.Г. Семенишиным, прикрывала войска в районе Крымской. Через пять минут после начала патрулирования группа вступила в бой с подошедшей шестеркой Me-109.

В ходе поединка истребители противника пытались оттянуть летчиков на занимаемую ими территорию, чтобы расчистить дорогу для своих бомбардировщиков. Семенишин быстро разгадал их замысел и приказал летчикам своей группы за границы района прикрытия не выходить. Вскоре с запада действительно показались 12 бомбардировщиков Ю-87. Семенишин и ещё два летчика, дравшиеся с «мессерами» наверху, к сожалению, не могли атаковать «юнкерсов». Тогда инициативу проявил старший лейтенант В.М. Дрыгин, оказавшийся ниже своих товарищей. Оценив обстановку, он вместе с ведомым старшим сержантом В.А. Александровым бросился навстречу «юнкерсам». Смелой лобовой атакой советские летчики нарушили боевой порядок бомбардировщиков противника. Беспорядочно сбросив бомбы, те повернули на свою территорию. Настигнув одного из них, Дрыгин подбил его. «Юнкерс» приземлился в расположении наших войск, экипаж его сдался в плен.

Продолжая преследование, Дрыгин атаковал второго бомбардировщика. Тот загорелся и, объятый пламенем, врезался в землю. Третьего «юнкерса» сбил напарник Дрыгина старший сержант В.А. Александров.

Разогнав бомбардировщиков, пара Дрыгина поспешила на помощь тройке Семенишина, все еще дравшейся с «мессершмиттами». В этот момент истребители противника получили

подкрепление. На Дрыгина и его ведомого навалилась четверка Me-109. Советские летчики дрались отважно, но вскоре самолет ведущего был подожжен. Старший лейтенант сумел, однако, перетянуть через линию фронта и выброситься с парашютом. Он благополучно приземлился неподалеку от наблюдательного пункта 4-й Воздушной армии.

Мне довелось быть очевидцем этого жаркого боя. За ним наблюдал и командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А.А. Новиков, принимавший непосредственное участие в руководстве действиями авиации фронта.

Дрыгина сразу же вызвали на наблюдательный пункт. Маршал авиации А.А. Новиков сердечно поздравил отважного летчика с победой и тут же наградил его орденом Александра Невского».

На третье мая 1943 г. 298 истребительному авиаполку была поставлена задача – прикрыть наши войска с воздуха, ценой жизни не допустить немецкую авиацию бомбить боевые порядки наших войск.

Нашу группу из пяти истребителей «Аэрокобра» повел штурман полка майор Семенишин, который со своим звеном находился в ударной группе против бомбардировщиков врага, а я с ведомым, сержантом Александровым, – в группе обеспечения, но воздушная обстановка на месте боевых действий внесла свои коррективы, что случалось довольно часто.

Сразу же по приходу в район боевых действий нас встретил вражеский самолет, который, заметив нас, резко развернулся и ушел на территорию, занятую немецкими войсками. Это был разведчик. Через 5-7 минут появились шесть истребителей противника и вступили в бой с нашими «Аэрокобрами», связав группу Семенишина.

Оценив обстановку, я со своим ведомым погнался за парой Me-109. Они переворотом стали уходить: один из них на пикировании еще раз вывернулся на запад, а второй, тот, что попал мне в прицел, продолжал уходить в северном направлении. Перед самой землей, проходя через Абинский аэродром, немецкий самолет вдруг резко вышел из пикирования, а я в этот момент дал очередь из пулемета, и в тот же миг услышал по радио команду со станции наведения, что со стороны Анапы подходит девятка «юнкерсов». Мы с напарником на полных оборотах двигателя вовремя успели набрать высоту и занять исходное положение для атаки этих бомбардировщиков. Группа Семенишина продолжала вести воздушный бой, навязанный им «мессершмиттами», пришедшими расчистить воздух для своих бомбардировщиков, и не могла атаковать «юнкерсов», чтобы не допустить их к переднему краю.

Константин Андреевич
ВЕРШИНИН

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ АВИАЦИИ
К. А. ВЕРШИНИН

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЗДУШНАЯ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1975

3 мая пятерка истребителей 298-го полка, возглавляемая майором В. Г. Семеновичем, прикрывала войска в районе Крымской. Через пять минут после начала патрулирования группа вступила в бой с подошедшей шестеркой Me-109.

В ходе педидика истребители противника пытались оттянуть летчиков на занимаемую ими территорию, чтобы расчистить дорогу для своих бомбардировщиков. Семенович быстро разгадал их замысел и приказал летчикам своей группы за границы района прикртия не выходить. Вскоре с запада действительно показались 12 бомбардировщиков Ю-87. Семенович и еще два летчика, дравшиеся с «мессерами» наверху, к сожалению, не могли атаковать «юнкерсов». Тогда инициативу проявил старший лейтенант В. М. Дрыгина, оказавшийся ниже своих товарищей. Оценив обстановку, он вместе с ведомым старшим сержантом В. А. Александровым бросился навстречу «юнкерсам».

Смелой лобовой атакой советские летчики нарушили боевой порядок бомбардировщиков противника. Беспорядочно сбросив бомбы, те повернули на свою территорию. Настигнув одного из них, Дрыгина подбил его. «Юнкерс» приземлился в расположении наших войск, экипаж его сдался в плен.

Продолжая преследование, Дрыгина атаковал второго бомбардировщика. Тот загорелся и, объятый пламенем, врезался в землю. Третьего «юнкерса» сбил папарник Дрыгина старший сержант В. А. Александров.

Увидев, что пара старшего лейтенанта Дрыгина перехватила бомбардировщиков и успешно атакует их, тройка майора Семеновича стала сражаться с еще большим упорством. Важно было не дать ни одному вражескому

16*

243

истребителю возможности выйти из боя и помешать паре Дрыгина.

В течение 30 минут В. Г. Семеновичи, Д. А. Бочаров и П. И. Лобанов вели неравный поединок с шестеркой Me-109. В результате Семеновичи сбил два вражеских самолета.

Разогнав бомбардировщиков, пара Дрыгина поспешила на помощь тройке Семеновича, все еще дравшейся с «мессершмиттами». В этот момент истребители противника получили подкрепление. На Дрыгина и его ведомого навалилась четверка Me-109. Советские летчики дрались отважно, но вскоре самолет ведомого был подожжен. Старший лейтенант сумел, однако, перетянуть через линию фронта и выбраться с парашютом. Он благополучно приземлился неподалеку от наблюдательного пункта 4-й воздушной армии.

Мне довелось быть очевидцем этого жаркого боя. За ним наблюдал и командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А. А. Новиков, принимавший непосредственное участие в руководстве действиями авиации фронта.

Дрыгина сразу же вызвали на наблюдательный пункт. Маршал авиации А. А. Новиков сердечно поздравил отважного летчика с победой и тут же наградил его орденом Александра Невского. В тот же день в авиачасти была разослана телеграмма командующего ВВС. Обращаясь к летчикам, он писал:

«...Сегодня с утра вы действовали хорошо. Уверен в ваших силах и победе. Помните: кто дерзок в бою, тот всегда побеждает».

Потом в полки поступил приказ. В нем говорилось о героическом подвиге летчиков группы майора В. Семеновича, одержавших большую победу в бою с численно превосходящим противником. Этим же приказом маршал авиации А. А. Новиков присвоил В. М. Дрыгину воинское звание «капитан», утвердил награждение его орденом Александра Невского, рекомендовал представить к наградам остальных летчиков группы.

3 мая 1943 года бой над Крымской продолжался с раннего утра до позднего вечера. Отличились многие полки, в том числе и 298-й истребительный. Всего летчики этой авиачасти уничтожили за день 10 вражеских самолетов и два подбили. Кроме того, один бомбардировщик был посажен на нашей территории. Окончательный итог напряженного дня подвел майор Семенович. Вступив в схватку с восьмеркой Me-109, его группа сбита еще один вражеский истребитель.

Тогда я, ведя огонь из пушки и пулеметов, врезаю в строй «юнкерсов». Они рассыпаются в разные стороны и сбрасывают бомбы, не долетев до цели. В этой стремительной атаке я зажигаю один Ю-87, который идет на снижение и падает в расположение наших войск.

Сделав разворот, я врезаюсь во вторую девятку «юнкерсов» и зажигаю второй бомбардировщик. Один «Юнкерс» зажег мой ведомый Александров. Враги не выдерживают, рассыпаются в разные стороны, сбрасывают бомбы и поодиночке уходят на свою территорию.

Я намечаю себе третью жертву. Вот вражеская машина в кольце прицела. Нажимаю на гашетку. Но что это? Враг летит, не сбавляя скорости. Вот цель совсем близко. Сильнее нажал на гашетку. Фашист безнаказанно уходит.

Я понял, что кончились боеприпасы, нужно возвращаться на свой аэродром.

Делая боевой разворот, я замечаю, что гнавшийся за мной «мессер» проскочил далеко вперед, а второй нацеливается прямо в лоб. Мелькает мысль: «Таран!» Самолеты сближались. Какое-то мгновение – и ... фашист не выдержал. Сделав резкий рывок, он проскочил в заднюю полусферу. Еще одна атака фашистского истребителя. Я уклонился от трассы. Фашисты, догадавшиеся, что

у летчика кончились боеприпасы, усилили атаки. Самолет стал плохо слушаться рулей. В кабине запахло гарью.

Левой рукой я инстинктивно открыл защелку фонаря. Струя свежего воздуха освежила, дышать стало легче.

Воздушный бой проходил между Нижнебакланской и Крымской над войсками немцев, поэтому я не стал сразу выбрасываться с парашютом, да еще, глядя на землю, видел, что дым от сброшенных бомб несет на запад.

Чтобы не попасть в руки немцев, тяну на свою территорию, хотя самолет летит со снижением, двигатель же, который расположен сзади кабины летчика, горит уже так, что терпеть не могу. Я сбросил дверки кабины самолета, и меня легко встречным потоком вытащило из кабины.

Когда я покинул горящий самолет, вокруг меня все еще ходили «мессершмитты». Я не спешил раскрывать парашют, чтобы немецкие летчики не расстреляли меня в воздухе, как они обычно это делали. Однако земля стремительно приближалась. Я дернул кольцо парашюта, и только мой парашют наполнился воздухом, как я тут же повис на деревьях.

Когда раскрылся парашют, у меня в голове пронеслась мысль, как я буду приземляться, ведь еще болела нога от предыдущего ранения в воздушном бою. То, что я повис на деревьях, оказалось для меня счастливым случаем. До земли оставалось несколько метров. Правда, вначале я повис на гимнастике и разорвал ее о сучки.

Я вздохнул, что все закончилось, но где же я нахожусь? Смотрю, рядом на дереве сидит на оборудованном сидении мальчишка, но в военной форме. «Ты кто такой?» – спрашиваю у него. «Я Костя Буров – артиллерист-наблюдатель». Я еще раз облегченно вздохнул, что приземлился у своих.

Подбежали солдаты нашей полковой артиллерии. Они помогли мне освободиться от парашюта, и сняли меня с дерева.

А в воздухе стоял сплошной треск пулеметных очередей.

Бойцы налили мне из фляги «боевые сто грамм», как говорят теперь, для снятия стресса, и не успел я прийти в себя после такого напряжения, как подошел подполковник и пригласил меня на КП Маршала Жукова, который лично наблюдал воздушный бой и приказал оказать помощь приземлившемуся летчику и доставить его на КП.

Историческая встреча с маршалом Г.К. Жуковым

Место моего приземления оказалось рядом с командным пунктом 56 армии генерал-лейтенанта А.А. Гречко, где расположились

представители Ставки Верховного Главнокомандования, всего в 1-2 километрах от передовой.

Мне было немножко не по себе. Вид у меня был не подобающий для представления: порванная о ветки гимнастерка, да еще и без воинских знаков различия.

А получилось так. В начале 1943 года Верховный Совет СССР решил перевести армию с командирских званий на офицерские, но так как всю армию нельзя было сразу переодеть, то было решение начать с Центрального фронта, до Северо-Кавказского очередь дошла в апреле-мае.

Перед полетом я готовил свою гимнастерку под погоны офицера: снял петлицы с тремя кубиками старшего лейтенанта, но тут поступила команда на вылет по тревоге, и я улетел без всяких знаков различия. А в полете произошло непредвиденное – я был сбит.

Вот в таком виде со свернутым парашютом на плече, я пошел за подполковником к Маршалу Жукову.

Когда мы подошли к землянке, где находился КП Маршала, у входа стояло несколько офицеров высокого ранга, и один из них сказал мне, что Маршал Жуков спросит тебя о противнике.

В голове пронеслась мысль, что тактико-технические данные «юнкерса» и «мессершмитта» я знаю, тактику воздушного боя противника знаю, так как каждый день изучаю немецкую тактику и противопоставляю свою в воздушных сражениях, расположение противника изучил в непрерывных повседневных вылетах на прикрытие своего переднего края.

А генерал продолжал: «Будь готов к ответу, а Маршала не бойся. Маршал наблюдал за твоим воздушным боем».

С этим напутствием, оставив свой парашют у входа, я и спустился по ступенькам в землянку. Доложил: «Старший лейтенант Дрыгин. Сбит в воздушном бою. В этом же бою я сбил два «юнкерса!»

Оторвавшись от наблюдения за полем боя наземных войск вокруг Крымской, Маршал окинул меня внимательным взглядом и строго спросил: «Почему без воинских знаков различия?» Я молчал. В голове роились мысли, что мои объяснения Маршалу слушать некогда.

Не слыша ответа, Маршал спросил: «Что молчишь? Боялся, что к немцам попал?» Я проговорил невнятно: «Если бы боялся, то не дрался бы не щадя жизни». А громко сказал: «Я хорошо ориентируюсь в воздухе и уверен, что всегда попаду к своим». И добавил: «Погоны укрепить на гимнастерке до боевого вылета по тревоге не успел».

Далее Маршал спросил меня, когда я вступил в войну, сколько совершил боевых вылетов, сколько сбитых самолетов? Я ответил,

что наш 298 ИАП войну начал на Южном Буге. Это мой 262 боевой вылет. В Барвенковской операции получил тяжелое ранение. «Так ты бывалый воин! Молодец! – сказал Маршал Жуков. – Все командиры и солдаты видели, как ты на глазах у наших войск сбиваешь немецкие самолеты. Это очень важно для солдата. Это образец высшей храбрости». Пожав мне руку, он отдал распоряжение генералу: «Летчика наградить орденом Александра Невского, повысить в звании, отвести к Главкому ВВС Маршалу А.А. Новикову!», и вернулся к наблюдению за полем боя, где произошли какие-то изменения за это короткое время.

На другой день мы узнали, что Крымская была взята нашими войсками.

В настоящее время жители Крымской свято берегут память о пребывании Маршала Жукова. На месте бывшей землянки стоит памятный знак.

Из землянки я вышел с Командующим 4 Воздушной армии генерал-лейтенантом К.А. Вершининым. Командующий повел меня к Маршалу А.А. Новикову, командный пункт которого находился рядом.

На КП у Главкома ВВС Маршала А.А. Новикова

Командующий предупредил меня, что А.А. Новикову к майским праздникам присвоили звание «Главный Маршал авиации», но он в полевых условиях не успел сменить погоны. «Так что ты не ошибись», – сказал он.

Я впервые встречался с командиром в звании Главного Маршала авиации и, конечно, эти знаки различия были мне не знакомы. Но я четко усвоил указание Командующего, и когда вошли в землянку Главкома ВВС, я представился по всей форме воинского устава.

Главком обошелся со мной по-отечески, что для меня было высокой честью. Только недавно мне минуло двадцать два года, и теплые, ободряющие слова командира такого ранга были для меня особенно дорогими.

Он расспросил, с какого времени я воюю, каковы преимущества наших самолетов перед «мессершмиттами» и каковы недостатки, перечислив при этом все типы наших и американских самолетов.

Особо при этом подчеркнул, что надо больше сбивать бомбардировщиков врага, а бомбардировщика типа Ю-87, имеющего в задней сфере «мертвые зоны», сбивать наверняка можно с малой дистанции. «Хотя этот самолет, – подчеркнул Маршал Новиков, – способен свободно уходить на пикировании от наших истребителей».

Главный Маршал авиации также спросил, сколько боевых вылетов я совершил. Я отвечал, что с сегодняшним – 262. Он был

удивлен, что на груди у меня только один боевой орден. «Ты, наверное, в чем-то провинился?» – заметил Маршал. Я отвечал, что честно служу Родине.

Наконец, Главком дал команду своим штабным работникам: «Заготовить приказ о награждении летчика В.М. Дрыгина орденом Александра Невского и о присвоении досрочно очередного воинского звания «капитан»!»

При этом сам Маршал А.А. Новиков от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил мне орден Александра Невского. В полк меня отправили связным самолетом Главкома ВВС.

И я подумал, сколько душевной теплоты в этом человеке. Неся груз ответственности за всю авиацию фронта, он не теряет из виду одного простого летчика. Это был большой души человек и непревзойденный знаток авиации.

Надо заметить, что все, кто писал о воздушном бое 3 мая 1943 г., особо подчеркивали, что Дрыгин был награжден орденом Александра Невского. Можно было просто написать «награжден орденом». Но дело в том, что орденом Александра Невского награждали не за количество боевых вылетов, не за число сбитых самолетов, а за личный подвиг.

По статуту ордена Александра Невского указываются условия награждения этим орденом для разных родов войск, но главным в любом случае является личный подвиг во имя победы здесь и сейчас.

Маршал Г.К. Жуков

«Герой Советского Союза Дрыгин Василий Михайлович, в годы войны лётчик 298 истребительного авиаполка, вспоминает, как здесь у КП 56-й Армии 3 мая 1943 года Маршал Г.К. Жуков наблюдал за его воздушным боем с группой немецких асов и как от его меткого огня два стервятника тут же рухнули на землю.

В конце боя истребитель Дрыгина «Аэрокобра» загорелся, и он выбросился с парашютом.

В итоге воздушного боя девятки «юнкерсов» сбросили бомбы, не долетев до цели, на свои войска и тем самым расчистили путь для наступления наших войск.

За этот воздушный бой летчик В.М. Дрыгин был награжден Маршалом Жуковым орденом Александра Невского и повышен досрочно в воинском звании, получив звание «капитан».

В этом боевом вылете нам приказали любой ценой не допустить бомбардировщиков противника к нашему переднему краю.

Я со своим ведомым Василием Александровым не только не допустил бомбардировщиков, но своими боевыми действиями принудил их сбросить бомбовый груз по своим войскам.

Вечером в полк поступила телеграмма от Главкома ВВС Маршала авиации А.А. Новикова, в которой говорилось:

«Герои-летчики! Сегодня наши наземные войска и танки успешно прорвали оборону противника и развивают успех. Ваша задача – меткими ударами по противнику и надежным прикрытием наших наступающих войск с воздуха обеспечить победу над врагом. Сегодня с утра вы действовали хорошо. Уверен в ваших силах и победе. Помните, кто дерзок в бою, тот всегда побеждает»

(Архив МО, ф. 236, оп. 42823, д. 4, л. 388).

Иначе говоря, фашистские бомбардировщики, сбросившие бомбы на свои войска, расчистили проход для продвижения нашей пехоты. Там же в Штабе армии мне вручили орден Красного Знамени, которым наградили меня за Новороссийскую операцию

Улетал я на задание с одним орденом, а возвращался с тремя.

В полк меня доставили на связном самолете У-2. Когда я с парашютом на плече подошел к командиру полка для доклада, то увидел на КП полка необычный лозунг: «Слава кавалеру ордена Александра Невского капитану Дрыгину Василию Михайловичу!»

Командир полка обнял меня и сказал: «Нам все известно».

А вечером за ужином мои друзья расспрашивали меня, что мне больше всего запомнилось, и я ответил: «Реглан».

Действительно, в землянке висел кожаный реглан – мечта всех летчиков.

До войны самолеты делали из дельта-дерева и они хорошо горели. Чтобы защитить летчика в воздухе от огня, каждому летчику полагался реглан, о чем мечтали мы сейчас.

Это была, конечно, шутка. На самом деле я на всю жизнь запомнил каждое слово Маршала Жукова, обращенное ко мне, каждый взгляд и его скупую улыбку, чуть подернувшую уголки губ, когда он наблюдал, как я пытаюсь выйти из затруднительного положения.

Я не сказал этого своим друзьям, дабы не выглядеть слишком сентиментальным.

Здесь самое время закончить рассказ о Ме-109, которого я сразил в Абинской.

**МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

**ГЕОРГИЙ
ЖУКОВ**

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ТОМ 1

Российский Комитет ветеранов войны и военной службы
Российская Академия Наук
Институт российской истории, Институт всеобщей истории
Союз писателей России

*Посвящается творцам Победы
в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов*

**МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Г. К. ЖУКОВ**

Исследование жизни и деятельности

Том I

ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Москва 2004

1943

Важнейшим этапом борьбы за господство в воздухе являлись воздушные сражения на Кубани в апреле-июне 1943 г. Немцы пытались взять здесь реванш за поражение под Сталинградом. В воздухе сталкивались две огромные силы, каждая из которых стремилась завоевать победу... Воздушные сражения на Кубани показали возросшее мастерство нашего летного состава и искусство в управлении авиационных командиров. Блестящие выигранные сражения стали переломным моментом в борьбе за стратегическое господство в воздухе на всем советско-германском фронте.

Маршал авиации А. А. Новиков

апрель, май

Две незабываемые встречи

Весной 1943 года немецкое командование на Таванском плацдарме хотело преподнести к дню рождения фюрера (20 апреля) подарок.

Оно планировало провести, так называемую Новороссийскую операцию, с целью сбросить наши десанты в море у полуострова Мысхако («Малая Земля»). Данная операция проходила с 17 по 24 апреля 1943 г. Для ее проведения немцы бросили большие силы авиации.

В первый день активных боев как на земле, так и в воздухе наши 298 ИАП (исстребительно-авиационный полк) сбил 10 немецких самолетов.

Такой же напряженный день для полка был и 18 апреля. Вечером этого же дня командир 229 смешанной авиационной эскадры сказал: «Завтра будет вам передышка, но и не менее важное задание — встретить СМ-47 «Дуглас» и сопроводить на Краснодарский аэродром. Подробности задания будут сообщены завтра утром».

Утром 19 апреля 1943 года наш полк на американских самолетах «Аэрокобра» в составе двух эскадрилий (16 единиц) вылетел с аэродрома Кубань «Корневская» на аэродром «Сальск» для встречи и сопровождения «Дугласа».

Почему он Сальска до Краснодара шел на бреющем полете, поэтому была сильная воздушная «болтанка». Мы наскоро поспели обследовать, как можно это выдержать пассажиры на пристраивании самолета.

По «сводному ведомству» мы узнали, что на Кубань прибыли представители Ставки Верховного Главнокомандования во главе с маршалом Жуковым Г. К. На 3 мая 56-я армия под командованием генерал-лейтенанта Гречко спланировала наступление в

районе станции Крымской с целью захвата важного опорного пункта немцев. Представители Ставки во главе с маршалом Жуковым находились на ИАП 56-й армии. Опасно было видно все поле боя.

298 ИАП в этот день было приказано, согласно графика 4-й воздушной армии, прикрыть наши войска от ударов бомбардировщиков противника.

В 9 часов утра наша истребитель «Аэрокобра» пришла в район Крымской на высоте 3000 м, где уже развернулись упорные наземные бои, о чем можно было судить по вспышкам артиллерийского огня и зенитных орудий противника.

И вот нашей истребитель поступает команда по радио со станции наведения «Тур-1»: «Со стороны Анапы подлетит девятка «Юнкерсов», не допустите ее к линии фронта».

Я со своим напарником Василием Александровым подбираю высоту для занятия исходного положения для атаки и врезаюсь в строй девятки «Юнкерсов». Они рассыпаются в разные стороны и сбрасывают в наших бомбы, не долетая до цели.

В стремительной атаке нашей пары зажегся один «Ю-87», который при этом идет на снижение и падает в расхождении наших войск.

Когда мы вышли из атаки, подлетит вторая девятка «Юнкерсов». Мы с напарником врезаемся в эту девятку, и я зажегся второго «Юнкерса».

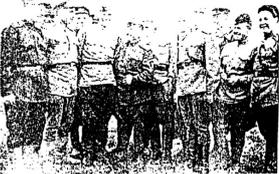
Тут же подлетит третья девятка немецких бомбардировщиков. Мы с Александровым врезаемся и в эту девятку. Но когда я в этот момент увидел прицел, чтобы сбить «мессерингиды», и если бы я раскрыл парашют, испытание летчика меня бы тут же расстреляли. Я не спешил раскрывать парашют, однако земля стремительно приближалась. Я дернул кабель парашюта и только мой парашют напался воздухом, как я тут же повис на деревьях.

Не успевшая парашют, я подумал, не у немцев ли и находится, и тут же подбежал к солдатам нашей полковой артиллерии, и в редкостный момент, что находился в расхождении своих войск. Артиллеристы помогли мне освободиться от парашюта, станция

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на командном пункте 56-й армии

Майор В. М. Дрыгин (в центре) среди пехотинцев полка 1944 г.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

1943

его с деревьев и затем, как водится, уостили меня спиртным для поднятия духа.

Вдруг побеждает какой-то подполковник и говорит: «Мне приказано доставить летчика на командный пункт. К этому моменту я уже опрашивал от приземления, только гимнастера на спине была разорвана сучками деревьев».

Подполковник показал мне, где КП, и по дороге сказал, что на КП находится маршал Жуков.

Когда мы пришли на КП 56-й армии, представители Ставки во главе с маршалом Жуковым, наблюдавшие воздушный бой, в котором я участвовал, с любопытством оспрашивали меня с ног до головы. Здесь я узнал, что немецкая авиация хотела ударить по нашим танкам, изотопившимся для наступления, но не долетев до цели, сбросила бомбы на свои войска и этим самым ретировалась путем наших танков.

Я четко доложил Маршалу Советского Союза Жукову: «Старший лейтенант Дрыгин вступил в бой с немецкими бомбардировщиками. Сбил двоих и сам был сбит «Мессерами».

Маршалу Жукову бросилось в глаза, что я без погон, и он спросил меня: «Почему без погон? Боюсь, что к немцам попал?».

А дело было в том, что в январе 1943 года появился приказ, по которому в Красной Армии изменились знаки различия: летчики были заменены на погон. Однако переобмундированные войска шли не сразу, а по фронтам, сначала Западный, затем Центральный и т.д. До Северо-Кавказского очередь дошла в апреле.

Мы, летчики, в эти дни оформляли новую форму одежды, переходя на погон. Я снял три «кубаря» с петлиц и оборудовал погон. Но одевать погон как-то не получалось, чтобы не помять их парашютными лямками, и поэтому я перед вылетом на задание не одел погон. А тут такое случилось!

Далее Маршал Жуков спросил: «Как воюешь? Сколько боевых вылетов?» Я ответил, что в боях наш 298 ИАП в первых дней войны. Я совершил 254 боевых вылета и сбил 12 и 6 в паре немецких самолетов. Маршал спросил: «Почему же у тебя только один боевой орден?» Я ответил, что служу Родине исправно, замечаний командования не имею.

«Молодец, — сказал маршал Жуков. — Все командиры и солдаты видны, как ты на глазах у наших войск

сбивает немецкие самолеты. Это очень важно для солдат».

Он отдал приказ: «Наградить летчика орденом Александра Невского», и распорядился отвести меня на КП маршала авиации Новикова.

Командующий ВВС страны, с какой-то стороны, как-то преимущество наших самолетов перед «Мессерингидами» и каких-то недостатков, перечислил все типы наших и американских самолетов. Особо при этом подчеркнул, что надо больше сбивать бомбардировщиков врага, а бомбардировщики типа «Ю-87», имеющие в задней сфере «мертвые зоны», сбивать наверняка можно с малой дистанции, хотя этот самолет, подчеркнул маршал авиации Новиков, способен свободно уходить на пикирование от наших истребителей.

А. А. Новиков поинтересовался, сколько боевых вылетов я совершил. Я ответил что с сегодняшним — 254. Он, также как и маршал Жуков, был удивлен, что на груди у меня только один боевой орден. «Ты, наверно, в чем-то провинился?» — заметил командующий. И снова я отвечал, что честно служу Родине.

Перед ним на столе лежала армейская газета 4-й ВА «Крылья Советов» от 1 мая. Главный редактор Василий Иванович Папков постарался предначинать оформить этот номер. В особой рамке на первой странице этой газеты были отмечены 13 летчиков-асов 4-й ВА.

Внимательно смотря на командующего и вижу, что он поднимал газету ближе и, молча пробежав глазами по списку асов, остановился на моей фамилии. Когда он снова заговорил со мной, в его словах я почувствовал нотки глубокого уважения.

Он тут же отдал распоряжение своим штабистам — оформить приказ на командира звена 298 ИАП Дрыгина В. М. о награждении его орденом Александра Невского и присвоении ему внеочередного звания «капитан».

Обратившись ко мне, он сказал: «Мой связной самолет «У-2» улетел, но скоро вернется и ответит тебе в полк». Наконец, пришел У-2 и я стал собираться на посадку в самолет. Парашют свой я вроде бы решил оставить, так как он порвался, когда солдаты снимали его с деревьев. Однако командующий заметил: «Ты, как летчик, не должен расставаться со своим парашютом». Это, мол, нужно для самообороны, имея ввиду факт моего приземления.

Поскольку накануне я был награжден вторым орденом Красного Знамени, мне была дана команда, чтобы я

В. М. Дрыгин

завел в штаб 4-й ВА в станцию Пашковскую. Но так как дело было к вечеру, я заночевал в Пашковской. Тут же вечером тыловики подогнали мне новый военный костюм, поскольку старый был порван, и утром я его одел уже с новыми капитанскими погонами.

Этим же утром в штабе армии мне вручили второй орден Красного Знамени. Я был рад — на моей груди зависло три ордена. В этой новой экипировке с тремя орденами на гимнастике меня доставили в полк в станцию Корневскую.

Когда я докладывал командованию полка о прибытии, над землянкой КП полка я заметил вымпел: «Сава капитану Дрыгину, кавалеру ордена Александра Невского». Я понял, что в полку все известно о моей встрече на передовой с маршалом Георгием Константиновичем Жуковым и маршалом авиации А. А. Новиковым.

Герой Советского Союза В. М. Дрыгин*

* Этот материал Владимир Михайлович Дрыгин в 1999 г. прислал в редакцию после выхода в свет книги «Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Хроника жизни».

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Несколько дней спустя в воздушном бою был сильно побит самолет Миши Лиховида, и он произвел вынужденную посадку на аэродроме Абинской, где ему летчики рассказали, как две наши «кобры» гнали «месса» и он подбитый сел на их аэродроме. Летчики назвали бортовые номера наших самолетов.

После возвращения в часть Миша написал донесение, в котором это все подробно описал.

Когда я дал очередь по «мессу», то проследить за ним у меня не было времени, так как по радио была команда, что из Анапы подходят немецкие бомбардировщики, и мы молнией взмыли в небо навстречу «юнкерсам».

Поэтому сразу я не доложил, что сбил за третье мая три самолета противника, а потом уже приказ менять не стали, но в архиве полка хранится донесение о сбитом мною в этот день «мессершмитте».

Эпизод моей встречи с маршалом Г.К. Жуковым на передовой в 1943 году напечатан в книге «Маршал Советского Союза Георгий Жуков» (М.: ОАО «Московские учебники и картолитогрaфии, 2004).

В своей книге «Маршалы Победы» (Ростов-на-Дону, 2005) писатель Анатолий Корольченко также рассказал о моей встрече с Маршалом Жуковым.

НА КУБАНИ

Отступившая летом из Ростова 56-я армия весной 1943-го завязала бои на Тамани, в кубанских плавнях. Когда обстановка усложнилась, туда срочно вылетел маршал Жуков. Для секретности ему присвоили фамилию Константинов.

Прямо с аэродрома Жуков поспешил к станции Абинской, на командный пункт армии. Армию называли «Ростовской». В этом городе она формировалась, а в 1941-м отставала его. Встретил Жукова командарм Гречко, провел по неширокой траншее в блиндаж.

Придирчиво оглядев укрытие, словно оценивая надежность, маршал подошел к амбразуре, из которой открывался обзор на туманную даль, поросшую камышом.

– Карту!

МАРШАЛЫ ПОБЕДЫ

Ростов-на-Дону
2005

Жукову подали планшет, и он молча уставился в него, изучая обстановку. На лбу обозначились глубокие складки.

– Вы готовы завтра наступать? – спросил он командарма. Срок определил находившийся здесь же командующий фронтом генерал Масленников.

– Нет, – ответил Гречко. – Мне нужно еще трое суток. – И стал докладывать, что нужно сделать, чтобы обеспечить успех наступления.

Маршал слушал, не прерывая, а когда тот закончил, повернулся к командующему фронтом.

– Гречко прав. Срок наступления перенести. Об этом доложу в Ставку. И еще нельзя допустить, чтобы ваш штаб, Масленников, находился в Краснодаре. Слишком далеко. Извольте завтра же обустроиться здесь. И мне подготовьте место.

И вот наступил день прорыва немецкой обороны. Жуков – на наблюдательном пункте командарма. Бой в самом разгаре. Вдруг скороговоркой ударили зенитные орудия, рассыпалась басовитая дробь крупнокалиберных пулеметов.

– Во-озду-ух! Во-озду-ух! – донеслись крики.

Послышался гул самолетов, и тотчас загрохотали тяжкие разрывы бомб. Судорожно забила, словно живая, земля. Совсем рядом с блиндажом взорвалась большая бомба. Вдрогнули бревна перекрытий, с потолка посыпалось.

Маршал взглянул на авиационного начальника:

– А что же ваши соколы? Или чистят перышки? Где они?

– Уже дана команда на взлет.

– Летчики должны не ждать команды, а работать на перехват. Воздушный налет отбили, но появилась новая девятка бомбардировщиков. Она держала курс на станицу Крымскую. До нее оставалось совсем немного, когда из облаков вынырнула пара краснозвездных истребителей.

Словно стремительные ястребы, они врезались в строй бомбардировщиков, атаковали головной. И тот задымил. Оставляя за собой черный шлейф, круто пошел к земле, достигнув ее, взорвался. Остальные стали сбрасывать бомбы на свои войска и, потеряв строй, повернули назад.

И опять волна бомбардировщиков, их сопровождали «мессершмитты». Пара ястребов снова бросилась на «юнкерсы»,

и снова один из них был подбит: задымился, пошел на снижение. Но тут с высоты спикировали две пары «мессершмиттов».

Ревели моторы, дробно стучали пулеметы, ухали пушки. Выписывая замысловатые виражи, ястребки с трудом отбивались от четверки «мессеров», даже подбили одного. Но и наш загорелся.

Из него выбросился летчик. Точка стремительно приближалась к земле и, когда до нее оставалось совсем немного, вспыхнуло облачко парашюта.

Наблюдавший схватку маршал Жуков, крутнул с досады головой, бросил штабному начальнику:

– Летчику оказать помощь, доставить сюда...

А бои на земле продолжались. Введенные в дело полки «свежей» Особой дивизии поначалу успешно продвигались, потом движение застопорилось, цепи залегли.

– Не смей задерживаться! – не выдержал маршал. Он знал, что стоит залечь – и наступление сорвется, будут большие потери. – Передайте командиру дивизии: полки поднять!

Один из генералов поспешил к телефону, чтобы передать комдиву приказание Жукова.

– Пияшев, Константинов требует наступать! Ты слышишь, полковник? Наступать!

– Послушай, генерал, пошли-ка ты этого Константинова куда подальше! – сгоряча отвечал командир дивизии. – Тут все норовят командовать, каждый дает указание...

– Ну, что там Пияшев? – к аппарату подошел Жуков. – Что говорит?

Не отрывая от уха трубки, генерал громче обычного ответил:

– Товарищ маршал, полковник Пияшев принимает меры, чтобы наступление продолжить.

– Генерал, генерал, – слышался в трубке голос полковника. – Ты сказал ему правильно. Спасибо. Меры приму...

Летчика сняли с дерева, на котором завис купол парашюта, доставили на командный пункт.

Маршал смотрел на летчика взглядом, который, казалось, пронизывал насквозь, приводил в трепет. От него не ускользнули ссадины на лице и руках летчика, и рваный рукав гимнастерки, и следы споротых на ней петлиц и отсутствие погон.

– Почему без знаков различия? – наконец произнес Жуков. — Боялся попасть к немцам?

– Боялся бы, не дрался так, – ответил летчик.

– Гм... Пожалуй. Так почему нет погон? И петлицы спороты.

– Погоны у техника. Хотел их приспособить, да не успел. Поступила команда на взлет.

Утром летчик действительно получил полевые погоны и звездочки, принялся их крепить. Только успел спороть с гимнастерки петлицы, как прозвучала команда. Натянул гимнастерку, надел парашют и – в кабину самолета.

– Выходит, остался без погон и петлиц? – лицо у Жукова посветлело, уголки губ дрогнули. Шагнул, протянул руку.

– Спасибо, Дрыгин. От имени правительства за боевое мастерство награждаю орденом Александра Невского. Давно ходишь старшим лейтенантом?

– Скоро год.

– Пора быть капитаном.

Герой Советского Союза, полковник в отставке, Василий Михайлович Дрыгин живет ныне в Ростове. С волнением он часто вспоминает о той встрече с легендарным маршалом, оставившей в его жизни яркий след.

После этого боя 24 мая 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено звание Героя СССР.

Вот что пишет об этом С.П. Губарев в газете «Советская авиация» в декабре 1958 г.

«Кончалась весна 1943 года. Для Василия Дрыгина эта весна была особенно памятной.

В последних числах мая телеграф принес весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР майору Семенишину и капитану Дрыгину присвоено звание Героя Советского Союза. Эта весть мгновенно облетела весь личный состав части.

Капитан Дрыгин находился в воздухе. Для приветствия героев командир объявил общее построение. Митинг был в разгаре, когда на горизонте показалась восьмерка, возглавляемая капитаном Дрыгиным.

Восьмерка возвращалась без потерь. Впереди шел самолет Дрыгина.

Вот машины приземлились. Зарулив на стоянку, летчики направились к своему командиру. Дрыгин начал разбор боевого вылета, в результате которого было сбито два самолета противника. Он не знал о присвоении ему звания Героя Советского Союза. На строй он просто не обратил внимания: мало ли по какому вопросу мог собрать людей командир части.

Однако почему командир машет рукой? Дрыгин прервал разбор и повел группу к строю. Командир и майор Семенишин, улыбаясь, вышли навстречу Дрыгину и его товарищам. Не по-

нимая, в чем дело, капитан ускорил шаг и уже хотел было доложить о выполнении задания, как его заключили в объятия.

– Вам присвоено звание Героя Советского Союза, – сказал подполковник Тараненко.

И снова рукопожатия, радостные улыбки и ... мощное «ура». Поздравить Героев Советского Союза прибыли и представители местных партийных и советских органов»

Торжество прервала боевая тревога.

С.П. Губарев в газете «Советская авиация» в декабре 1958 г. вспоминает:

«Утром следующего дня полк получил задачу – группами по 6-8 самолетов прикрывать боевые порядки наземных войск. Первую восьмерку возглавил подполковник Тараненко. В районе прикрытия на высоте около 6 тысяч метров капитан Дрыгин увидел большую группу фашистских истребителей. Он доложил об этом подполковнику. Оценив воздушную обстановку, Тараненко дал команду капитану Вишневецкому, находившемуся на аэродроме, прибыть в район воздушного боя во главе восьмерки. Тараненко же со своей группой занял положение для внезапной атаки.

Удар наших летчиков произвел на фашистов ошеломляющее действие. С первой атаки загорелись два «мессера». Их сбили подполковник Тараненко и капитан Дрыгин, Это был первый боевой вылет и первый сбитый фашистский самолет после присвоения Дрыгину звания Героя Советского Союза»

Во фронтовой и центральной печати появились корреспонденции, рассказывающие о боевых действиях летчиков полка.

17 мая в утренней сводке Совинформбюро сообщалось, что летчик майор Семенишин в одном воздушном бою сбил два немецких истребителя Me-109, а старший лейтенант Дрыгин – два «юнкерса».

Итак, с 20 марта по 20 августа 1943 г. летчики полка провели более ста воздушных боев, в результате которых сбили 167 и подбили 29 самолетов противника.

(ЦАМО. Ф. 298 истребительного авиаполка. Оп. 518651, д. 1)

Командир 298 истребительного авиаполка И.А.Тараненко и его заместитель В.Г. Семенишин поздравляют капитана Василия Михайловича Дрыгина с присвоением ему ордена Александра Невского 6 мая 1943 г.

В разгар Кубанского воздушного сражения Американское командование обратилось к нашему командованию представить к награждению летчиков, овладевших американскими самолетами, орденом Союзников.

К награде были представлены: я, капитан В.М. Дрыгин, и капитан А.И. Покрышкин, однако орден Союзников я не получил.

«Почти до конца мая шли напряженные воздушные бои. Об их размахе говорят следующие данные: за три дня – 26, 27, 28 мая летчики полка совершили 128 боевых вылетов, провели 12 воздушных боев, в которых в общем принимало участие с нашей стороны 92, а со стороны противника 202 самолета.

За три дня летчики сбили 30 вражеских самолетов, потеряв один самолет, летчик которого выбросился с парашютом».

(ЦАМО. Ф. 298 истребительного авиаполка. Оп. 143539, д. 26)

КОПИЯ

= НАГР А Д Н О Й Л И С Т =

ДРЫГИН Василий Михайлович

ка п и т а н

командир звена, 298 истребительный Авиационный полк
ордену НАШИХ СОЮЗНИКОВ

1921 г.

украинец

май 1940 г.

чл. ВКП/б/с 1942 г.

в Отечественной войне с 19.7.41 г. по 23.5.42г. и с
16.2.43г.

24.4.42 г. ранен в воздушном бою в обе ноги

орден "Красное знамя" 29.4.42 г. приказ ЮФ № 0236/н, орден
"КРАСНОЕ ЗНАМЯ" 2.5.43 г. № 36/н 4 ВА, орден "Александра Невского"
приказ НКО № 02834 от 3.5.43 г.

кадр с 1940 г.

Днепродзержинск ул. Водянная дом № 20.

За время участия его в Отечественной войне тов. ДРЫГИН на самолетах И-16 произвел 225 боевых вылетов, из которых на штурмовку живой силы и техники врага 59 высоко эффективных боевых вылетов. За отличное выполнение боевых заданий в борьбе с немецкими захватчиками, тов. ДРЫГИН 29.4.42 г. награжден орденом "КРАСНОЕ ЗНАМЯ". После первой награды в одном из воздушных боев был тяжело ранен и состояние здоровья его ухудшалось, но сильной волей преодолевая облезнь, он с рвением изучает новую часть самолета "АЭРОКОБРА". К выходу полка на фронт, он полностью окреп и отлично овладев новым типом самолета 16.2.43 г. снова вступил в боевые действия. Имея большой боевой опыт в прошлом, он за 3 месяца произвел 37 боевых вылетов, участвовал в 22 воздушных боях, в которых лично сбил 8 самолетов противника /5 МЕ-109 и 3 Ю-87/ и в парах 4 МЕ-109.

16.4.43 г. сопровождая бомбардировщиков, своим звеном и в составе 4 Аэрокобр, тов. ДРЫГИН отбил атаки 8 МЕ-109 и в этом бою 3 МЕ-109 были сбиты. Бомбардировщики без единой потери отлично выполнили боевые задания.

3.5.43 г. пятерка Аэрокобр вела бой против 15 МЕ-109 прикрывавших 9 Ю-87. Прорвавшись в строй бомбардировщиков тов. ДРЫГИН лично сбил два Ю-87, его ведомый сбил еще 1 Ю-87, остальные в панике сбросили бомбы на свои войска поспешно вышли из боя, счет этого боя 3 сбитых Ю-87 и 2 МЕ-109 без единой потери своих экипажей. Как смелый, отважный и храбрый в боях, он пользуется любовью, уважением всего личного состава части. В плену, окружении не был. Находится в строю 298 ИАП.

За отличное выполнение боевых заданий, мужество и храбрость в воздушных боях представляю капитана ДРЫГИНА к награждению орденом НАШИХ СОЮЗНИКОВ.

пп КОМАНДИР 298 ИАП
ПОДПОЛКОВНИК - ТАРАНЕНКО

1943 г.

Верно: ВРИО НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПОДПОЛКОВНИК

=М. ГОВОРУХИН =

"5" мая 1996 г.

Командир полка И.А. Тараненко с группой офицеров штаба
поздравляет В.М. Дрыгина 26 мая 1943 года с присвоением ему
звания Героя Советского Союза

Слава сталинским соколам, удостоенным высокого звания Героя Советского Союза!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ

КРЫЛЬЯ СОВЕТОВ

Среда, 26 мая 1943 года. № 125

Красноармейская газета

ПРОЧИТАЙ
И ПЕРЕДАЙ
ТОВАРИЩУ

Задачи штабной парторганизации

Войсковой штаб — это центр организации боя и контроля за его ходом, мозг части, исполнительный орган командира. В современной войне от командиров штаба требуются глубокие тактические знания, точность и пунктуальность в работе, умение быстро решать сложнейшие боевые задачи, систематически сообщать о ходе боевых действий.

В своем первомайском приказе Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин потребовал: «Повысить культуру работы войсковых штабов, добиться того, чтобы штабы частей и соединений Красной Армии стали образцовыми органами управления войсками».

В связи с этим большая ответственность возлагается на штабные парторганизации. Они обязаны неустанно следить за ростом штабных командиров, настойчиво прививать им культуру в работе, воспитывать — в духе — умение работать быстро, точно и оперативно, добиваться ясного понимания хода боевых действий, культивировать чувство ответственности за порученное дело перед родной, перед партией.

Взрос парторганизация штаба должна ставить на своих заседаниях или выносить на обсуждение общего партийного собрания самые насущные и актуальные вопросы жизни штаба. Если в частях имеются, допустим, случаи потери ориентировки летчиками, то почему бы не обсудить вопрос о работе штурмана, о том, что мешает ему находить навигационные подго-товку летного состава, и принять такие решения, которые помогли бы исправить существующие недостатки.

Ясно, что только там, где комму-

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу военно-воздушных сил Красной Армии

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда»:

1. Старшему лейтенанту Берестинеу Павлу Максимовичу.
2. Лейтенанту Глинка Борису Борисовичу.
3. Гвардии младшему лейтенанту Гуськову Гавриилу Гавриловичу.
4. Капитану Дейнеко Степану Петровичу.
5. Капитану Дрыгину Василию Михайловичу.
6. Младшему лейтенанту Ефременко Ивану Сергеевичу.
7. Гвардии старшему лейтенанту Забегалю Ивану Игнатьевичу.
8. Капитану Кибалко Василию Васильевичу.
9. Лейтенанту Коваль Дмитрию Ивановичу.
10. Гвардии майору Крюкову Павлу Павловичу.
11. Младшему лейтенанту Кудря Николаю Даниловичу.

12. Капитану Лобанову Степану Ивановичу.

13. Капитану Михееву Григорию Яковлевичу.

14. Гвардии младшему лейтенанту Носаль Ездокви Ивановичу.

15. Гвардии капитану Покрышкину Александру Ивановичу.

16. Гвардии старшему лейтенанту Речкалову Григорию Андреевичу.

17. Старшему лейтенанту Рыжину Николаю Владиславовичу.

18. Майору Семеновичу Владимиру Григорьевичу.

19. Гвардии капитану Фидееву Вадиму Ивановичу.

20. Капитану Федоренко Василию Ивановичу.

21. Старшему сержанту Хальзову Виктору Степановичу.

22. Младшему лейтенанту Чеснокову Федору Сергеевичу.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 24 мая 1943 г.

Личный пример ведущего

Возглавляя шестерку парторганизации, старший лейтенант Флейшман принял с земляками предостережение о приближении к переднему краю наших войск 30 бомбардировщиков противника в сопровождении истребителей.

4.000 метров. Мессершмитты пытались сковать наших истребителей и не дали им бить бомбардировщиков. Искусно маневрируя и используя облачность, летчики Купава и Мартынов смелыми атака-

мирицам успешно боролся с бомбардировщиками. В этом бою особенно отличился ведущий т. Флейшман. Он сбил Мессершмитт-109 и Дайкель-111*. Теперь на его боевом счету числится 9 лично сбитых самолетов противника.

От Советского Информбюро

Из вечернего сообщения
125 мая

В течение 25 мая на фронте существенных изменений не произошло. Наш корабль в Черном море потопил самолетоуловительную баржу противника. В Баренцевом море нашими самолетами торпедоносцами потоплен немецкий транспорт водоизмещением в 10 тысяч тонн.

Северо-восточнее Новороссийска наша разведывательная группа проникла в расположение противника и выяснила расположение его артиллерийских батарей. Во время выполнения этой боевой задачи разведчики уничтожили группу гитлеровцев и, захватив их оружие, вернулись в свою часть.

Нашими летчиками в воздушных боях, а также огнем артиллерии сбито 5 немецких самолетов.

НАЛЕТЫ НАШЕЙ АВИАЦИИ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ УЗЛЫ И СТАНЦИИ РОСЛАВЛЬ, ЕЛЬНЯ, СПАС-ДЕМЕНСК

В ночь на 24 мая наша авиация дальнего действия провела налеты на железнодорожные узлы и станции — Рославль, Ельня, Спас-Деменск. Наши самолеты бомбардировали железнодорожные эшелоны, склады боеприпасов, скопления войск и техники противника.

Особенно эффективной бомбардировке был подвергнут железнодорожный узел Рославль. На путях среди эшелонов и в районе складов противника, расположенных на этом железнодорожном узле, наблюдались отмены крупных пожары и взрывы большой силы.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О присвоении звания Героя Советского Союза
Начальствующему составу военно-воздушных сил
Красной Армии

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройства присвоить звание Героя Советского Союза с вручением; ордена Ленина и медали "Золотая звезда":

1. Старшему лейтенанту Берестневу Павлу Максимовичу.
2. Лейтенанту Глинка Борису Борисовичу.
3. Гвардии младшему лейтенанту Гуськову Гавриилу Гавриловичу,
4. Капитану Дейнеко Степану Петровичу.
5. Капитану Дрыгину Василию Михайловичу.
6. Младшему лейтенанту Ефременко Ивану Сергеевичу.
7. Гвардии старшему лейтенанту Забегайло Ивану Игнатьевичу.
8. Капитану Кибалко Василию Васильевичу.
9. Лейтенанту Коваль Дмитрию Ивановичу.
10. Гвардии майору Крюкову Павлу Павловичу.
11. Младшему лейтенанту Кудря Николаю Даниловичу.
12. Капитану Лобанову Степану Ивановичу.
13. Капитану Михееву Григорию Яковлевичу.
14. Гвардии младшему лейтенанту Носаль Евдокии Ивановне.
15. Гвардии капитану Покрышкину Александру Ивановичу.
16. Гвардии старшему лейтенанту Речкалову Григорию Андреевичу.
17. Старшему лейтенанту Рыхлину Николаю Владиславовичу.
18. Майору Семенишину Владимиру Григорьевичу.
19. Гвардии капитану Фадееву Вадиму Ивановичу.
20. Капитану Федоренко Василию Ивановичу.
21. Старшему сержанту Хальзову Виктору Степановичу.
22. Младшему лейтенанту Чеснокову Федору Сергеевичу.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва. Кремль, 24 мая 1943

26.05.43 г. Me-109 сбил лично в районе Гладковской

Прикрывали свои бомбардировщики, которые бомбили немецкие танки в районе Гладковской. Отбивали атаки шести Me-109.
(Журнал боевых действий).

28.05.43 г. Ю-88 сбил лично в районе Новый

Прикрывая свои войска в районе Киевская, шесть «Аэрокобр» встретили Ю-88 под прикрытием десяти Me-109. Два Ю-88 были сбиты.

С.П. Губарев, замполит 104 (298) ГИАП, описывает один боевой день в мае 1943 г. («Советская авиация», 1958 год).

Группа самолетов противника насчитывала до 30 истребителей Me-109 и Me-109ф. Определив, что наших истребителей немного, они стали атаковать более активно. Завязалась неравная схватка. Через некоторое время на помощь Тараненко пришел с восьмеркой капитан Вишневецкий. Наметив цель, капитан подошел к ней на близкую дистанцию и, дав длинную очередь из пулеметов, зажег еще один вражеский самолет.

Фашистские летчики знали время прохода своих бомбардировщиков через район, прикрываемый ими, и, несмотря на понесенные потери, не отступали. Они делали все, чтобы отвлечь внимание наших летчиков. Надо сказать, это им частично удалось.

В.М. Дрыгин летал на Аэрокобре Р-39 под номером 28
(рисунок И.В. Злобина)

(Bottom) V.M.Drygin, 298 IAP returning from a successful mission (two victories claimed) with his P-39L-1-BE (42-46717) 12 June 1943. Both Semishin and Drygin became HSUs 24 May 1943, scoring 8+7 and 12+5 victories respectively. Semishin was killed in action 29 September 1943.

70

Снимок 1943 года из современного финского журнала, который прислал мне Игорь Владимирович Злобин из Екатеринбурга

Несколько групп бомбардировщиков проскочило к намеченному объекту. Капитан Дрыгин во главе четверки попытался атаковать одну из этих групп, но успеха не добился. Истребители, прикрывавшие бомбардировщики, отразили эту атаку.

Подполковник Тараненко, собрав своих воздушных бойцов, взял курс на аэродром. Он знал, что прорвавшиеся фашистские самолеты будут достойно встречены летчиками других частей. Тем не менее командир предупредил всех своих подчиненных: смотреть в оба! В любую секунду из облака может вынырнуть какой-нибудь заблудившийся гитлеровский хищник. Удар «из-за угла», трусливый удар в спину с некоторых пор стал излюбленным методом борьбы гитлеровцев.

Да, прошло время, когда они, хвастаясь своим численным преимуществом, осмеливались летать днем и ночью.

Возвращаясь, летчики видели, как одна из наших частей вела напряженный воздушный бой. Тараненко приказал усилить бдительность. Почти в ту же минуту летчики заметили Ю-88. Снизившись до высоты 150-200 метров, он пытался уйти незамеченным на свою территорию.

– Зря торопишься, гадина, – произнес Тараненко и подал команду Дрыгину. – Атакуйте звеном.

Не прошло двух минут, как фашистский самолет врезался в землю. Четыре сбитых самолета за один вылет! Неплохо!

На другой день полку было приказано дежурить в кабинах и производить боевые вылеты только с разрешения командного пункта.

На дежурство заступила эскадрилья Героя Советского Союза капитана Дрыгина. Медленно ползут минуты. Капитан уже несколько раз запрашивал КП части, нет ли сигнала на вылет. Сигнала не было. Наконец время дежурства истекло – на смену пришла группа Героя Советского Союза майора Семенишина. Сдавая дежурство, Дрыгин пошутил:

– Владимир Григорьевич, вас, наверное, ожидает та же участь, что и меня. Час ожидания и боль в пояснице.

Семенишин тоже ответил шуткой:

– Видно, гитлеровцы знали, что вы дежурили, а меня они не боятся. Как только я сяду в кабину, обязательно будет сигнал на вылет.

И действительно, не прошло и пяти минут, как был дан сигнал «воздух». Прямо из укрытий звено за звеном истребители поднялись в воздух. С высоты трех тысяч метров опытный глаз Семенишина увидел район, где шел воздушный бой. Его вели летчики соседнего полка. Семенишин попытался определить количество самолетов, принимавших участие в этом бою, но, насчитав до сорока, сбился. Ясно было одно – фашистов больше. Предупредил ведомых: усилить внимание.

Советские истребители продолжали набирать высоту, отходя несколько в сторону и маскируясь солнцем. Главное сейчас – занять наиболее выгодное положение для атаки. Противник ниже. Группу Семенишина он еще не обнаружил. Пора нанести удар.

Семенишин быстро указал цели ведущим звеньям. Краснозвездные ястребки, освещенные яркими лучами солнца, войдя в пикирование, обрушились на фашистов. Атака оказалась очень удачной. Сразу было сбито четыре вражеских самолета. Один Me-109 загорелся от меткого огня майора Семенишина, второго прошил снарядом сержант Мальцев, третьего зажег лейтенант Лобанов, четвертого – старший лейтенант Луканцев и младший лейтенант Лиховид.

Однако все это не внесло существенного изменения в общий ход воздушного боя. Буквально через несколько секунд на горизонте появилась еще одна большая группа фашистских самолетов.

Воздушный бой шел с наращиванием сил с одной и с другой стороны. Наши летчики сбили еще два «мессера».

Вдруг в наушниках раздался знакомый голос. Вишневецкий приветствовал Семенишина и напомнил:

– Не забудь о лампочке.

Речь шла о том, чтобы летчики обратили внимание на количество горючего в баках. Своевременное предупреждение! С момента взлета прошло уже много времени. Нужно выходить из боя.

Но как это сделать? Нельзя же дать понять врагу, что горючее и боеприпасы на исходе. Лучше всего выйти из боя с применением атак. Капитан Вишневецкий помог летчикам. Он атаковал те самолеты противника, которые дралась с группой Семенишина. Две фашистские машины загорелись. Фашисты ослабили натиск. Этим и воспользовался майор. Он собрал своих соколов. Все были на месте. Включил передатчик:

– «Волга», «Волга», я – третий, идем все, сбито шесть фашистов.

На обратном пути Семенишин встретил группу истребителей капитана Дрыгина, шедшую на помощь группе Вишневецкого. Обменялись взаимными приветствиями. Семенишин предупредил:

– Обстановка сложная, не подкачайте.

– Разве можно подкачать с такими друзьями!

Дрыгин улыбнулся и крепко сжал штурвал. Вдали маленькими точками мелькали самолеты – там шел воздушный бой. Капитан Дрыгин спокоен. И вспомнился ему почему-то учебный полет, которым он открыл свой боевой счет. Тогда он очень волновался. Вспомнил и недавно погибшего друга Александрова. И сердце капитана наполнилось еще большей ненавистью к врагам.

... Группа Вишневецкого вышла из боя так же, как и Семенишина. Восьмерка капитана Дрыгина уничтожила три самолета противника, а остальные обратились в бегство».

Воздушные бои весной сорок третьего на Кубани представляются мне сейчас, как один непрекращающийся бой.

Вот что рассказывает техник самолета 2-й авиаэскадрильи 104 гв. авиаполка Евгений Федосеевич Сапрунов:

«Накал боевой работы на Кубани был наивысшим. Некоторые летчики в день на боевое задание вылетали до 4-5 раз. Они слишком уставали, особенно немолодые. Так, командир 2-й АЭ майор А.М. Новиков имел возраст около 40 лет, особенно уставал. Он почти всегда с боевого задания возвращался в насквозь мокрой гимнастерке, а после третьего полета, как правило, покидал кабину самолета только с помощью техсостава экипажа».

С.П. Губарев «СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ», 28.12.1958 г. № 304 (3168)

«Из хвастливых заявлений фашистов по радио мы знали, что германское командование направило на Кубань асов из системы ПВО Берлина. Советские авиаторы учитывали это и мастерству хваленых фашистских летчиков противопоставили свое мастерство, свою волю, свое мужество.

Конечно, были у наших воинов и огорчения.

Как-то наши летчики получили задачу не допустить ни одного фашистского самолета в район сосредоточения механизированных войск. Командир принял решение: боевые вылеты производить большими группами самолетов. Четверка истребителей непосредственно прикрывала район сосредоточения и вступала в воздушный бой только в том случае, если вражеские самолеты подходили на близкое расстояние. Основная же группа, расположившись в несколько ярусов по высоте, патрулировала в вероятных направлениях подхода противника, на определенном удалении от района сосредоточения.

В течение дня наши истребители отражали все атаки фашистских самолетов. Несмотря на большие потери своей авиации, фашистское командование бросало все новые и новые группы бомбардировщиков, прикрывая их истребителями.

День клонился к вечеру, когда на выполнение задания в воздух поднялись 16 советских истребителей под командованием майора Семенишина.

В районе сосредоточения механизированных войск майор оставил четверку старшего лейтенанта Дрыгина, а сам во главе восьмерки пересек линию фронта и встал в круг. Капитан Ерошкин со своей четверкой находился выше восьмерки Семенишина.

На некоторое время в воздухе установилось подозрительное затишье. Однако вскоре капитан Ерошкин сообщил:

– Вижу большую группу фашистских истребителей. Иду навстречу.

Через две–три секунды это подтвердил кто-то из летчиков:

– Справа бомбардировщики и истребители!

Семенишин увидел девятку «Ю-87», шедшую под прикрытием восьмерки «мессеров», и дал команду Ерошкину задержать истребителей на высоте, а сам повел свою восьмерку на бомбардировщиков. В результате удара один «Ю-87» загорелся. Остальные повернули вспять.

Между истребителями, завязался бой.

Не прошло и двух минут, как на том же направлении появилась новая девятка «Ю-87» под прикрытием шестерки «мессеров». Семенишин атаковал и эту группу. Фашистские самолеты

снова не дошли до цели. А бой между истребителями принимал острый характер. Фашисты наглели.

Дрыгин запросил разрешение прийти на помощь товарищам. Се-менишин категорически запретил ему уходить из своего района. Восьмерку майора Семенишина атаквали четырнадцать «мессеров».

Капитан Ерошкин передал:

– Идет новая группа фашистских самолетов. Бомбардировщиков прикрывают восемь истребителей.

Ерошкин попробовал атаковать «Юнкерсов», но «мессеры» помешали ему. Завязался еще один воздушный бой. Дрыгину была дана команда – не допустить бомбардировки!

Расчет Семенишина оказался верным. Дрыгин, заметив «Юнкерсов», шедших в направлении сосредоточения наших войск, повел свою четверку в лобовую атаку. Фашистским истребителям удалось отбить его ведомых. Но Дрыгин не растерялся. Ведя огонь из пушки и пулеметов, он, как метеор, врезался в строй врагов. И враги не выдержали, рассыпались в разные стороны. Сделав особый, только ему свойственный разворот, Дрыгин погнался за бомбардировщиком, настиг и зажег его. Затем второй... Фашисты поодиночке стали уходить на свою территорию».

30 мая с раннего утра разгорелись ожесточенные воздушные бои.

Я вылетел звеном на прикрытие своих войск в районе Киевская – Варениковская. Состав звена: Дрыгин – Миша Лиховид, вторая пара Муравьев – Вася Иванов.

Вдруг по радио с КП полка передают – следовать на Краснодар. Свернул с курса, пошел на Краснодар. Тут же вторая команда – выполнять свое задание, лететь к линии фронта.

Я решаю, хотя Краснодар несколько в стороне от моего маршрута, пойду на свое задание через Краснодар. При подлете к Краснодару стало понятно, в чем дело: первая группа «юнкерсов» уже успела сбросить бомбы на Краснодар, хотя и не прицельно. Их гонят наши «лавочкины».

А произошло вот что.

При освобождении Краснодара 12 февраля 1943 года стали известны злодеяния немцев на Кубани, и в особенности в Краснодаре. Немецкие фашисты совершали преступления на Кубанской земле с помощью изменников Родины. Правительство создало Государственную Чрезвычайную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников-предателей. Председателем этой комиссии был назначен писатель Алексей Николаевич Толстой.

После тщательного расследования над пособниками фашистам в Краснодаре состоялся суд, который приговорил их к высшей мере наказания – смертной казни через повешение.

И вот 30 мая 1943 года решение суда было приведено в исполнение в Краснодаре на городской площади.

Немцы, узнав об этом, занарядили две группы бомбардировщиков, чтобы разбомбить всех участников этого действия. В первой группе было двенадцать Ю-88, а во второй – семнадцать Ю-88 и девятка Хе-111, которые вылетели из Крыма, ушли в море, а затем резко повернули к берегу и вышли к Краснодару.

Когда наше звено «Аэрокобр» подходило к Краснодару с севера, то я увидел, что с юга приближалась большая группа бомбардировщиков в составе 17 «юнкерсов» и Хе-111. Я звеном ринулся на эту группу, а тут еще помогла наземная радиостанция, которую успели развернуть в штабе 4-й ВА, в Пашковской, откуда руководство штаба армии визуальное наблюдало всю воздушную обстановку. Я сбиваю Ю-88, Муравьев сбивает второй Ю-88, и его ведомый Вася Иванов сбивает третий Ю-88. Смотрю – Миша Лиховид с какой-то «Коброй» погнался к земле «хейнкеля», тут же выясняется, что это был Иван Бабак из соседнего 45-го авиаполка.

С армейской радиостанции 4 ВА сообщили прямо в эфир открытым текстом, во всеуслышание: «В 15.00 звено капитана Дрыгина действовало очень храбро, дерзко раскололо группу немецких бомбардировщиков и било их по частям». Эти слова были зафиксированы в официальных донесениях штаба полка и штаба Армии.

Когда звено село на своем аэродроме в Кореновской, оказалась, что на моем самолете была повреждена тяга щитков-закрылков и разбит руль поворота. Повреждены были самолеты у Муравьева и у Иванова. Но главный результат боя был достигнут – мы сорвали замысел немцев – помешать публичному приведению в исполнение решение суда.

До того, как не стало моего ведомого Александрова, Миша Лиховид летал в паре с командиром эскадрильи майором Новиковым. Теперь Миша Лиховид стал летать в паре Дрыгин – Лиховид, эта пара была закреплена приказом. Теперь уже, наконец, Лиховиду с прежнего звания «старший сержант» было присвоено звание «младший лейтенант».

30.05.43 г. Ю-88 сбил лично в районе Краснодара
(подтверждено штабом 4-й ВА)

02.06.43 г. Ме-109 сбил лично северо-восточнее Крымской

02.06.43 г. 2 Ме-109 сбили с Лиховидом в районе Плавненской

И. Тараненко. «Сила взаимодействия в бою. Почему пара Дрыгина одержала победу, а пара Заплаткина потерпела поражение» (Газета «Крылья Советов», 7 июня 1943 года. № 136).

«Опыт воздушных боев с непререкаемой ясностью подтверждает, что пара истребителей является единственно выгодной, исключительно маневренной тактической единицей. Слетанная, смело и решительно действующая пара при любых условиях добивается победы. И, наоборот, пара, которая проявляет неуверенность, придерживается оборонительной тактики, как правило, терпит поражение.

Остановимся на конкретных примерах.

Четверка истребителей, возглавляемая Героем Советского Союза капитаном Дрыгиным, встретила в районе прикрытия три пары немецких истребителей Ме-109, ходивших в пределах зрительной связи, на разных высотах. Капитан Дрыгин и его ведомый младший лейтенант Лиховид смело атаковали два Ме-109, которые оказались ниже их. Прикрыть атаку Дрыгин приказал ведущему второй пары старшему лейтенанту Муравьеву. Удар, нанесенный противнику был исключительно точным. «Мессершмитт» загорелся и упал в расположении наших войск. Немца, выбросившегося с парашютом, наши пехотинцы взяли в плен.

Выйдя из атаки боевым разворотом, Дрыгин и Лиховид направили свой удар на следующую пару «Ме-109». Противник переворотом пытался уйти. Однако, четко взаимодействуя в паре, Дрыгин со своим ведомым зажали в клещи второй немецкий самолет и вогнали его в землю вслед за первым. Затем они атаковали третью пару немецких истребителей. После стремительного удара наших летчиков ведомый «Мессершмитт» загорелся.

Эта блестящая победа была достигнута в результате дерзких, решительных и в то же время тактически грамотных атак, в результате того, что пара Дрыгин – Лиховид обладает отличной слетанностью и взаимопониманием в бою.

Совершенно по-другому получается тогда, когда эти качества отсутствуют. Пара в составе старшего лейтенанта Заплаткина и младшего лейтенанта Иванова в одном из недавних боев проявила недопустимую растерянность. Ведущий Заплаткин потерял взаимодействие со своей группой. Этим воспользовалась пара Ме-109 и напала на него. Заплаткин вместо того, чтобы перехватить инициативу в свои руки, принял оборонительную тактику и потерял высоту. Иванов в это время оторвался от своего ведущего, который продолжал «выражать», спускаясь все ниже и ниже. Вследствие всего этого Заплаткин был ранен и на подбитом само-

лете с трудом добрался до своего аэродрома. Иванов вел бой один и возвратился самостоятельно с боевого задания.

Можно сослаться еще на подобный факт, показывающий насколько нетерпимо и вредно отсутствие слетанности в парах.

Во время патрулирования над передним краем наших войск четверка истребителей сделала разворот на 90 градусов с креном на 30 градусов, Младший лейтенант Бабенов, вследствие своей неосмотрительности, оторвался от группы и совершенно потерял с нею зрительную связь и связь по радио, Продолжая полет в одиночку, он был атакован и сбит истребителями противника. Бабенов выбросился с парашютом и благополучно приземлился на нашей территории. Яснее ясного, что это произошло исключительно из-за недисциплинированности Бабенова, из-за неумения его летать в паре.

Кратко суммируя сказанное выше, следует сделать один вывод. Необходимо добиваться соблюдения строжайшей дисциплины в воздухе, не допускать ни малейших нарушений в боевых порядках, отрабатывать взаимодействие в парах и между парами. Тесно сочетая это с отвагой, воинской дерзостью и хитростью, мы должны еще крепче бить немецкую авиацию».

Бой 2 июня 1943 года описал генерал-лейтенант Г.Р. Павлов.

«Вскоре капитан Дрыгин вновь отличился в воздушном бою. Четверка истребителей под его командованием встретила три пары «мессершмиттов», находившихся на разных высотах. Командир группы и его ведомый младший лейтенант Лиховид смело атаковали вражеские самолеты, летевшие ниже их. По приказанию Дрыгина действия его пары прикрывала пара старшего лейтенанта Муравьева. Стремительным, неожиданным ударом наши истребители сбили вражеский самолет, приземлившегося на парашюте гитлеровского летчика пленили советские пехотинцы. Вслед за первой атакой Дрыгин и Лиховид нанесли удар по второй паре Ме-109, разбили ее, зажали в клещи второй немецкий самолет и свалили его на землю. Они мастерски провели бой и с третьей парой Ме-109, одного из них сбили, другого обратили в паническое бегство.

На разборе боевых действий истребителей части, проведенном в тот же день, командир полка о паре В. Дрыгина сказал: «Действовала дерзко, решительно, тактически грамотно, сбила, три вражеских истребителя, остальных «мессершмиттов» не подпустила к «ильюшиным». В газете «Крылья Советов» 4-й воздушной армии подробно рассказывалось о боевом опыте Героя Советского Союза В.М. Дрыгина».

Пара летаных истребителей
на самолете Аэрокобра
наводила страх на врага,
как в воздухе так и на
земле особенно в Кубанском
воздушном сражении
в 1943 году
Это капитан Арагун Василий
Михайлович и его ведомый
Лиховид Михаил Степанович
Впоследствии эти летчики
стали Героями Советского Союза
Об этом неоднократно
пишала армейская
газета 4й Воздушной Армии
фото 6 мая 1943г.

Вклад всего личного состава, способствовавший полному завоеванию господства в воздухе нашей авиацией в Кубанском воздушном сражении весной 1943 года, был таков, что позволил полку стать гвардейским.

Вот что сказано о В.М. Дрыгине в Представлении полка на звание гвардейского:

«Зам. командира авиаэскадрильи капитан В.М. Дрыгин имеет 257 боевых вылетов, участвовал в 39 воздушных боях, мастер штурмовок – 62 вылета, в воздушных боях сбил 12 самолетов и 4 в паре, на земле уничтожил 2 самолета. Смелый, дерзкий в бою и всегда ищущий боя истребитель. Все воздушные бои, проведенные им, являются примером для личного состава части. Кавалер ордена Александра Невского, трижды орденосец.

На Кубани Дрыгин за короткое время своими смелыми воздушными боями прославился на страницах печати и стал примером для летчиков-истребителей других частей».

298 авиаполк на момент представления на звание гвардейского летал на истребителях «Аэрокобра» Р-39.

Войну же летчики полка начинали **на истребителях И-16**, на которых воевали до октября 1942 года, при этом они:

- совершили боевых вылетов – 4439;
- сбили самолетов противника – 45;
- сожгли самолетов на земле – 5;
- провели штурмовок войск врага – 973.

С получением новой матчасти – **истребителя «Аэрокобра»**, начиная с 17 февраля и до мая 1943 г., полк:

- произвел боевых вылетов – 1625;
- сбил самолетов – 167.

Советская гвардия, отличавшаяся высоким мастерством, боевым опытом, дисциплиной, организованностью и мужеством, выдвигалась не по гигантскому росту и отличалась не формой, как в царское время, а определялась только по заслугам на поле брани. Звание гвардейца завоевывалось кровью. Многим же летчикам, которые завоевывали это гвардейское звание в боях 1941-1943 гг., так и не довелось прикрепить гвардейский значок на свои гимнастерки. Это те летчики, которые с первых дней войны вступили в бой с врагом Отчизны, совершили более трехсот боевых вылетов и уничтожили немало самолетов противника, наземной техники и живой силы. Среди них – старшие лейтенанты Федя Кривобоков, Гурий

Муравьев, Василий Зотов, Иван Иванников, младший лейтенант Петя Едник, майор Александр Чайка. Все они погибли за Родину.
Вечная им память!

Наименование «104 гвардейский истребительный» было присвоено 298 авиаполку приказом Народного комиссара обороны от 24.08.43 г. № 264. Этот приказ был получен в полку, когда он базировался около Новочеркасска в поселке Октябрьском.

В этот день на закате солнца было общее построение полка. Митинг открыл замполит полка Степан Петрович Губарев. Многие выступавшие дали клятву как можно быстрее освободить нашу землю от фашистской нечисти. В этот же день было сообщено, что нашему капитану К.Г. Вишневецкому и летчику Лавицкому, из соседнего сотого полка, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Это событие повысило активность летчиков в боях на Миусе при освобождении последней четверти ростовской земли от фашистов и еще больше подняло боевой дух полка.

3 августа 1943 г. полк из Кореновской улетел. С 18 августа полк участвовал в боях на Миус-фронте.

После Кубанского воздушного сражения, где были сосредоточены значительные силы авиации, в связи со стабилизацией боевых действий войск с обеих сторон на Таманском плацдарме было снято несколько авиаполков и переброшено на другие направления.

На Миус-фронт в середине августа, точнее 9 августа, была переведена 216 -ая истребительная дивизия со своими 16-м и 100-м авиаполками. В состав дивизии вошел и наш 104 гвардейский авиаполк, командиром дивизии был полковник Ибрагим Магометович Дзусов. Таким составом полков мы и закончили войну.

Что же такое Миус-фронт?

Речушка Миус, шириной 10 метров, берущая начало на востоке Украины и протекающая извилистой лентой по западной части Ростовской области, впадает в Азовское море недалеко от Таганрога.

Используя возвышенный правый берег, гитлеровцы создали на реке Миус мощный оборонительный рубеж. Это была сплошная линия траншей, протянувшаяся на сотни километров, пересеченная ходами сообщения по фронту и в глубину. Доты, дзоты, минные поля, проволочные заграждения в несколько рядов делали неприступным этот рубеж.

Кроме главной полосы укрепления в тылу обороны противника была вторая – по реке Крынка, и третья – оборонительные полосы глубиной 40-50 км.

Немецкое командование называло оборону на Миусе «Миус-фронтом», а фашистская пропаганда линию обороны по Миусу считала «неприступной границей Рейха на востоке».

В ходе подготовки к прорыву этой мощной оборонительной полосы командование Южного фронта провело комплекс мероприятий, чтобы обеспечить прорыв немецкой обороны, закрепиться на захваченных рубежах, развить наступление, сохранить устойчивую связь между войсками.

Со всем офицерским составом были отработаны на местности вопросы взаимодействия стрелковых частей с артиллерией, танками и авиацией. Отрабатывались условия боя в траншеях и населенных пунктах, отражение контратак. Использовался опыт Сталинградской битвы. Все рычаги управления были приведены в действие и нацелены только на прорыв, на победу.

Таким образом, войска Южного фронта сумели подготовиться к предстоящей операции. Казалось, что каждый участник боя заранее знал развитие событий и мог предвидеть свое место в них. Охваченные высоким наступательным порывом, они готовы были выполнить задачу по прорыву сильной обороны врага и его разгрому в Донбассе.

К середине августа подготовка к наступательной операции была завершена. Задача Южного фронта под командованием генерал-полковника Ф.И. Толбухина заключалась в том, чтобы прорвать оборону врага на Миусском рубеже, уничтожить его Таганрогскую группировку и оказать содействие Юго-Западному фронту в разгроме Донбасской группировки войск фашистов.

Прорыв был намечен на 18 августа. До этого уже было четыре попытки взломать укрепления на Миусе, но успеха они не принесли. И вот пятая. Кажется все продумано, рассчитано, подготовлено. В течение ночи участок предстоящего прорыва подвергся мощному бомбовому удару.

— Восьмая Воздушная армия совершила 415 самолетовылетов.
(Архив МО СССР. ф. 228, оп. 505, д. 185, л. 75)

Писатель А. Корольченко в своей книге «Полководцы Победы» так описывает прорыв на реке Миус в августе 1943 г.

«Авиацию сменила артиллерия. Более пяти тысяч орудий, скрытых в степных ложинах и балочках, ударили по обороне. Час с четвертью били они, круша позиции и укрепления врага, уничтожая живую силу. Все тонуло в плотном грохоте, невозможно слышать голоса. Но вот в черное небо по всей ширине занимаемых войсками позиций взлетели красные ракеты. Атака! Началась!»

Из траншей поднялась пехота и широкой цепью бросилась к утопавшим в дыму и пыли миусским высотам. Вслед за ней к проходам в минных полях устремились танки. Они обогнали цепи, и солдаты уже бежали за ними, стреляя на ходу из винтовок и автоматов».

Рота, в которой наступало отделение сержанта Пудовкина, преодолела три траншеи, выбралась по склону на грядку и прошла еще метров триста, как вдруг ударил пулемет. Он бил с фланга, простреливая подступы к небольшой, в сплошных воронках высоте. От первой же очереди несколько солдат упали, остальные залегли, забиваясь в выемки, прячась за бугорки, ища спасения от пуль. Но пули находили их и здесь...

Пулеметчик, казалось, стрелял из земли, из едва приметного взлобка на склоне. Лишь взглядевшись, Пудовкин догадался, что это бронированный купол, «краб» – так называли его солдаты. «Краб» с вмонтированным пулеметом немцы устанавливали быстро и в неожиданных местах, и из него открывали огонь в самую последнюю минуту. Пулемет бил бешено, захлеб. Там, где лежали солдаты, плясали земляные фонтанчики.

Сержант осмотрелся: справа тянулась неглубокая лощина. По ней можно приблизиться к «крабу». На размышление – секунда. В следующую – он бросился вправо, к лощине.

– Товарищ сержант! Куда? – За ним бежал солдат Иванов, за Ивановым вскочил Гогладзе. Но пулемет заставил их залечь, и они поползли. Пулемет все ближе. До него осталось шагов тридцать.

– погоди, сержант. У меня противотанковая. Сейчас я его...

Зажав в руке пузатую, с короткой ручкой гранату, Иванов ящеричей пополз к куполу. А по куполу, целясь в амбразуру, открыли огонь Гогладзе и сержант.

Иванов полз, не сводя глаз с узкой щели. Он напоминал охотника, подбирающегося к зверю. Еще метр... еще... Солдат, казалось, сейчас вскочит, чтобы в стремительном порыве броситься вперед и метнуть гранату. Но нарастающий со свистом вой заставил его втиснуться в землю, слиться с ней. В следующий миг вблизи солдата всплеснул огонь, оглушительно рвануло, и осколки с визгом разлетелись, оставляя на земле рваные следы. Он так и остался лежать с зажатой в руке гранатой.

Пружинисто вскочив, Гогладзе преодолел расстояние, упал рядом с Ивановым, задев его плечом. С усилием разжал крепко стиснутые и еще теплые пальцы мертвого, вырвал из них гранату.

Отложив автомат, солдат приподнялся, чтобы точнее метнуть гранату, замахнулся и бессильно упал с оставшейся в замахе рукой.

– Твоя очередь... Теперь ты – приказал себе сержант.

Он оглянулся: левее и позади лежала цепь роты. Одни солдаты стреляли, другие с остервенением рыли лопатками землю, третьи втиснули в плечи головы и застыли. А иные, незащищенные, безжизненно распластались на сухой горячей земле.

«Сейчас я тебя... Сейчас...» Он подполз к Гогладзе и, не замечая под рукой теплого кровавистого ручейка, решительно вырвал из застывающей руки взведенную гранату. Не раздумывая, метнул ее.

У амбразуры всплеснулся огонь! Пулемет смолк... «Ну, вот! Готово!..» Но пулемет вдруг снова застрочил. Упрямо и яростно.

– Я заставлю тебя замолчать! – закричал сержант и бросился к пулемету.

– За Родину!.. – успел он крикнуть, падая на амбразуру. И все разом погасло...

Несмотря на превосходство наступающих, мощный удар авиации, продолжительную – в течение часа с четвертью – артиллерийскую подготовку, сломить противника не удавалось. Используя укрепления, густую сеть позиций заграждения, он яростно сопротивлялся, до последнего отстаивая мало-мальски выгодные высоты, узлы дорог, разрушенные селения. Сковывая наступающих огнем, гитлеровцы то и дело наносили фланговые контратаки резервами, пытаясь отбросить наступающие части.

Боевые действия продолжались и ночью. В черном небе кружили самолеты, развешивали световые бомбы. Бомбы медленно спускались на парашютах, освещая залегших солдат и позиции артиллерии, минометчиков и все, что составляет боевой порядок. Ближайшие селения полыхали, и пожары тоже далеко светили.

Бесперывно била немецкая артиллерия. Бешеный налет сменялся методическим огнем, потом стреляли минометы, и мины с кряканьем рвались, сеча осколками землю. Небо чертили яркие строчки трассирующих очередей. С тяжким металлическим лязгом елозили танки...

И все же 5-я ударная армия прорвала оборону.

— Прорыв по фронту составляет около шестнадцати километров и в глубину пока шесть.

Впереди, в двух или трех километрах, шел бой, и там безумолчно гремело. Поблизости от траншеи то и дело рвались снаряды. Командующий ступил на лежавший в траншее ящик и стал разглядывать даль.

Для развития наступления в его распоряжении два подвижных гвардейских соединения: 4-й механизированный и 4-й казачий, кубанский. «Один из них – конечно, механизированный – нужно вводить в дело, – думал он. – Для кавалерийского время еще не подошло.» Но и с вводом в дело механизированного нельзя ошибиться. Сделаешь рано – и сила корпуса сгорит прежде времени. А если опоздаешь, тогда на него обрушится вся неприятельская мощь...

Генерал Толбухин ясно представил, как сосредоточенные силы противника попытаются встречными ударами отсечь вырвавшиеся вперед части 5-й ударной армии и 4-го механизированного корпуса, а затем, окружив их, уничтожить. А оставшиеся силы отбросить на исходное положение, за Миус.

Нет, этого нельзя допустить. Нельзя, чтобы неудача июльского наступления повторилась... Войска любой ценой должны удержать захваченные рубежи! Нельзя сдать ни метра завоеванного! Против танков нужно бросить артиллерию. Всю! Даже ту, что стреляет с закрытых позиций. Установить орудия на танкоопасных направлениях и, в случае прорыва танков стрелять по ним прямой наводкой, в упор. Одним словом, нужно выбить танки. И еще: бросить против них авиацию, особенно штурмовую. Обрушить на них «ИЛы»!...

Последние дни особенно напряженны. Штурмовикам приходится сопровождать пехоту, висеть над ней, уничтожая все, что мешает продвижению. Четырежды, а то и пять раз приходилось выходить на взлет...

...– Какая обстановка в ударной? И здесь, у «горловины»?

«Горловиной» окрестили место, куда противник нацеливал свои контрудары. Оно и в самом деле напоминало горловину еще не затянутого мешка. А прорвавшиеся части 5-й ударной армии и вместе с ними 4-й гвардейский механизированный корпус уже находились в этом «мешке», и «горловина» в их тылу угрожающе суживалась. Стрелы ударов с севера и юга уже едва не соединились: их отделяло чуть больше трех километров...

Прошло еще два дня в ожесточенных боях с подошедшими танковыми и пехотными резервами противника. Генерал Толбухин приказал ввести в сражение еще один механизированный корпус из 2-й гвардейской армии, и тот помог армии сломить сопротивление и продвинуться вперед.

Но противник не сдавался, он нанес еще один контрудар. Три пехотных и одна танковая дивизии ударили во фланг, смяли боевой порядок и стали продвигаться на север.

Обстановка складывалась угрожающе не только для гвардейской армии, но и для фронта...

А 5-я ударная и 2-я гвардейская армии все еще отражали контратаки. Противника от «горловины» оттеснили, однако силы его далеко не иссякли, и он продолжал упорствовать.

– Обстановка сложная. Перелома пока нет, – проявлял осторожность в докладе генерал Бирюзов, начальник штаба фронта.

– Сегодня подтянуть в исходный район конников, корпус Кириченко. Ночью ввести его в дело! И – на Таганрог! Танковую

бригаду из корпуса Танасчишина повернуть туда же. Их задача – отсечь немецкую группировку!..

30 августа 1943 года Таганрог был взят.

Немецкая пропаганда заверяла, что прорвать Миус-фронт – это все равно, что пробить головой каменную стену.

Для нашей армии неприступных крепостей не существует.

Стойкость солдат и полководческий гений командующего слились в едином порыве – победить! И успех был достигнут.

Маршал Ф.И. Толбухин

Авиация противника в районе действия Южного фронта имела 700 самолетов.

8 Воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта Т.Т. Хрюкина, обеспечивавшая Южный фронт, насчитывала 701 самолет.

В воздухе развернулась упорная борьба за завоевание господства. В первый день авиация фронта произвела 919 самолетовылетов и сбила в воздушных боях 14 самолетов противника.

(Архив МО СССР. ф. 228, оп. 505, д. 185, л. 84)

Июнь 1943 года.
Герой Советского Союза Василий Михайлович Дрыгин
у самолета «Аэрокобра» после успешно выполненного
боевого задания

23.08.43 г. два Me-109 сбил парой с Руммом

23 августа в районе Чистяково в Донбассе появилось скопление войск противника, прибывших на железнодорожную станцию, как нас информировало командование, для ликвидации прорыва на Миус-фронте. Было выделено 18 бомбардировщиков Пе-2 для нанесения своевременного ощутимого удара по этим войскам.

Обеспечение этого удара было возложено на истребителей нашего полка. Восемь «Аэрокобр» возглавил заместитель командира дивизии полковник Рыкачев Юрий Борисович. В этом вылете я летел в паре с Сашей Руммом в ударной группе истребителей.

При подлете к цели нас заранее встретили четыре «мессершмитта». Наша четверка, как и положено, связала боем этих истребителей противника с тем, чтобы дать возможность отбомбиться нашим «пешкам» по мехчастям противника на станции Чистяково.

Ниже нашей пары шла пара командира эскадрильи майора Д.М. Новикова, правда, на значительном удалении. Смотрим, пара «мессеров» с пикирования атакует пару Новикова. Я кричу ему по радио: «Месс в хвосте!». У Новикова – никакой реакции, а он, вероятно, устремил свой взгляд на другую пару «мессершмиттов», которая кружилась над ним, поэтому и летел по прямой, как готовая мишень для противника.

Мы только вывернулись от атаки, как тут же увидели, что самолет Новикова задымил.

На нашей высоте было несколько «шапок» облаков, и пара «мессов», выходя из атаки, старалась скрыться в этих облаках, сделав «горку» после атаки самолета. Мы с Руммом сбили ведущего Ме-109, а ведомый сделал поворот и старался уйти пикированием.

Правильно сориентировавшись в воздушной обстановке, я парой погнался за этим «мессом». На пикировании он стал нас уводить в сторону своих войск. Но не тут-то было – он уже попался к нам в прицел, и в районе Шахтерска мы его вогнали в лесопосадку.

Все это время мой напарник кричал по радио: «Уходим – за тобой шлейф выбиваемого бензина!». Но я этой его передачи не слышал. Как потом выяснилось, у меня была отбита антенна и перебита бензотрубка, из которой выбивало бензин, особенно при резком маневре. Правда, я следил за бензомером и видел, что бензин быстро расходуется.

Рассчитавшись со вторым «мессом», мы стали уходить домой, а когда подошли к Миусу, в район Куйбышево, то я увидел, что бензин кончается. Заметив внизу земельный участок, равный по размеру аэродрому, я решил здесь садиться. Это, действительно, готовилась площадка под аэродром, а пока здесь сосредоточился склад

Дважды Герой Советского Союза
генерал-полковник авиации Т.Т. Хрюкин

боеприпасов артиллерийских частей. Вдоль границы площади были сложены штабеля упакованных мин, и уже на пробеге я на своем самолете перескочил через эту гору мин, но на мое счастье они не взорвались. Самолет был побит, но я оказался невредим.

Было жаль, что такой успешный боевой вылет закончился у меня вынужденной посадкой.

Тут же на попутном транспорте я добрался до аэродрома в Октябрьском. К вечеру привезли и майора Новикова. На нем немного подгорел костюм. Когда он стал переодеваться, было видно, что им еще владеет шоковое состояние после воздушного боя, и он никак не мог попасть ногой в штанину. Командир полка, майор Семинишин, его успокаивал: «Да ты не волнуйся, ничего особенного нет, уже все прошло».

А у меня получилось так, что когда я вернулся из этого воздушного боя, то встретил большую группу личного состава полка, в том числе девушек-оружейниц и штабных работников. Командир полка спрашивает меня: «Как прошел воздушный бой?», хотя Румм уже доложил о бое со всеми деталями. Мне осталось только добавить, что после Кубанских боев здесь расправляемся с авиацией

запросто. Но командир Семенишин все продолжал настойчиво расспрашивать меня о том, как дела с самолетом и какой ему нужен ремонт. В сторонке стояли две подружки – работники штаба полка Эмма Герасименко и Оля Задорожная – и, как будто между собой, говорят: «Что это они к нему пристали с самолетом? Хорошо, что сам невредим вернулся, а самолет отремонтируется». Эти слова девушек произвели магическое действие на всех присутствующих, и разговор сразу был переведен в другое русло.

После войны, через тридцать лет, я при встрече с Эммой и Олей вспомнил, как они вовремя поддержали меня добрым словом. Доброе слово помнится долго, хотя сами девушки и забыли со временем этот момент.

Наша дивизия на Миус-фронте вошла в состав 8 Воздушной Армии, где она проявила особую активность в воздушных боях с большими группами бомбардировщиков противника Ю-87, Хе-111, Ю-88 численностью до 60 – 100 единиц. Ударам подвергались наши подвижные части: это был 4-й кавалерийский Кубанский корпус, которым командовал генерал-майор Н.Я. Кириченко, а также 4 мехкорпус и 2 гвардейская мехколонна, которые фактически действовали в глубине обороны немцев. Благодаря действию этих корпусов противник был прижат к Азовскому морю. Таганрогскую группировку противника не пришлось уничтожить до конца, так как противник ускользнул вдоль берега.

Успешным было продвижение наших наземных войск при освобождении Донбасса. В последующем, в ходе общего продвижения наших войск на Мелитополь – Запорожье темп наступления наших наземных войск был более 10 км в день. Это привело к частой смене аэродромов нашей дивизией.

Первого сентября наш полк – 104 гвардейский – сел в Таганроге, 8 сентября перелет – Буденновка, Безыменное, 16 сентября – Мариуполь, Володарское, Беседовка, Розовка.

Иногда запланированные аэродромы были запаханы местными крестьянами, которые готовились к осенним полевым работам, поэтому часто на одном аэродроме размещалось несколько полков.

Образовавшуюся во вражеской обороне брешь между Амвросиевкой и Таганрогским заливом противник уже был не в состоянии закрыть. Создалась угроза охвата с юга фланга и тыла всей его донбасской группировки войск, и немецкое командование стало отводить первый танковый полк 6 армии на Днепр и реку Молочную.

Немцы считали Донбасс Восточным Руром.

Теперь он был потерян для них уже навсегда!

Глубокий прорыв Миусского рубежа и смелый обходной маневр 4 Кубанского конно-механизированного корпуса под руко-

водством генерала Н.Я. Кириченко, заставил противника создать поспешную оборону по западному берегу Мокрого Еланчика, а затем и на Кальмиусе, где ему удалось сдержать продвижение наших войск в течение 5 дней – до десятого сентября.

Этим же временем правое крыло Южного фронта, используя замешательство противника у Таганрога, успешно развивало наступление и вышло на линию Подгорное – Рудченково – Елановка, полностью очистив Донбасс от фашистских войск, выполнив таким образом просьбу шахтеров об освобождении «всесоюзной кочегарки» – шахтерского Донбасса.

26.08.43 г. Ю-88 сбил лично юго-западнее Амвросиевки

На восьмой день, 26 августа, от начала наступления наших войск на Миусе танковые части вышли в район Донецк – Амвросиевка – Анастасиевка – Екатериновка – Малокирсановка. Нашему полку пришлось обеспечивать продвижение наземных войск в этих населенных пунктах. Еще до этого, 24 августа, наша группа истребителей прикрывала свои войска в районе Амвросиевки. Здесь, в Амвросиевке, сосредоточился, а затем был введен в прорыв 4 Гвардейский Кубанский кавалерийский корпус, который участвовал в разгроме Таганрогской группировки врага.

Наш полк в этом районе непрерывно находился в воздухе. По 8-12 истребителей вылетали одновременно с целью не допустить немецких бомбардировщиков в этот район. Здесь шли непрерывные воздушные бои, в которых мы теряли счет сбитым самолетам.

Один Ю-88 был на моем счету.

(Журнал боевых действий)

27.08.43 г. Ме-109 сбил лично южнее Кутейниково

27 августа в одном из боев загорелся самолет Паши Орлова. Он выбросился с парашютом, но немцы варварски расстреляли его в воздухе.

27 августа в районе Кутейниково я сбил Ме-109.

На четырнадцатый день операции на Миус-фронте, когда обозначилось окружение немецких войск в районе Таганрог – Буденновка, наши 2 и 4 механизированные корпуса были введены в прорыв и активно действовали на флангах противника.

Естественно, противник оказывал им упорное сопротивление. Поэтому нашей 9 гвардейской истребительной авиадивизии была поставлена задача – не допустить бомбардировщиков противника в район действий наших корпусов, которые с севера из района Ека-

териновка – Малая Кирсановка устремились к берегу Азовского моря, чтобы отрезать отход противника из района Таганрога.

(Журнал боевых действий).

Эта задача стояла перед 104 гвардейским авиаполком. Личный состав полка, воодушевленный получением 24.08.43 г. столь высокого звания «гвардейский», был готов оправдать его непосредственно в бою по-гвардейски.

28.08.43 г. Ме-109 сбил с Руммом южнее Амвросиевки

Характерен воздушный бой 28 августа 1943 года, который провела группа летчиков 104 гвардейского истребительного авиаполка, прикрывая свои войска в районе Амвросиевки, и о котором было доложено в штаб 8 Воздушной армии.

В донесении был отмечен опытный боевой состав группы: Вишневецкий имеет 168 боевых вылетов, Дрыгин – 319, Румм – 217, Заколюк – 317, Вильямсон – 252, всего шесть «Аэрокобр» против 14-ти Ю-87 и шести Ме-109.

В районе боевых действий летчики увидели ниже на 500 м группу Ю-87 под прикрытием шести Ме-109, которые выполняли разворот. Довернув вправо, и оказавшись в хвосте Ме-109, мы увидели, как один из них загорелся от длинной очереди Вишневецкого.

Дрыгин и Румм атаковали верхний Ме-109 и сбили его, самолет от удара о землю взорвался. Бомбардировщики Ю-87 беспорядочно сбросили бомбы, и ушли со снижением на запад. Младший лейтенант Вильямсон атаковал расстроившихся Ме-109 и после длинной очереди один из них упал прямо в Амвросиевку на цементный завод. В итоге сбили 4 Ме-109.

(Журнал боевых действий).

29.08.43 г. Ю-88 сбил лично в районе Марьевска

29 августа 1943 года первую шестерку «Аэрокобр» повел командир полка В.Г. Семенишин. Группа состояла из следующих пар: Семенишин – Бочаров, Заколюк – Вильямсон, Дрыгин – Румм. Звено Семенишина шло в ударной группе, а пара Дрыгина – в группе прикрытия.

Когда подошли к Амвросиевке в район прикрытия, то связались со станцией наведения «Тигр-2» – командиром дивизии И.М. Дзусовым, и получили от ПУ указание, что с запада подходит группа бомбардировщиков противника, и сразу же увидели приближающуюся армаду «юнкерсов». Их было около 40 единиц, которые шли девятками одна за другой.

Четверка Семенишина врзается в одну из девяток, сбивает одного «юнкерса», затем атакует вторую группу Ю-88.

Я в паре с Руммом продолжаю обеспечивать действия звена Семенишина, находясь выше этого звена, чтобы не допустить внезапной атаки «мессеров». Вдруг Семенишин как командир группы дает моей паре команду: «Что ты там ходишь? Видишь, сколько здесь работы – атакуй «юнкерсов!»

Мы устремились на бомбардировщиков, и с первой атаки от моего огня загорелся Ю-88, который взорвался в воздухе. Когда я вышел из атаки, то увидел, что с последней группой бомбардировщиков подошли «мессеры» и стали свободно атаковать наших истребителей, увлекшихся боем с бомбардировщиками.

Мы с Руммом, применив все свое мастерство, увернулись от пары «мессеров», и завязавшийся с ними бой успешно парировали, но еще одна пара Ме-109 атаковала нас под большим ракурсом, чему я не придавал особого значения, так как вероятность попадания под таким углом очень мала.

Однако один из них открыл огонь по моему самолету с большой дистанции, и кабина была снесена пулеметной очередью, а разорвавшийся над головой снаряд превратил в кровавое месиво правую сторону лица, оглушил, ранил в голову, и я ушел к земле.

Оставшись один, Румм был сбит. Загорелся третий самолет – это был Вильямсон. Оба летчика выбросились на парашютах. С ними было все благополучно.

Я же на поврежденном самолете, истекая кровью, стремился дотянуть дальше к своим войскам, зная, что они вклинились в расположение противника какой-то узкой полосой.

Кровь заливала лицо, я уже ничего не видел и думал, что правый глаз у меня вытек, но из последних сил, пока сохранялось сознание, я тянул ближе к своим. Дотянув до колхозных земель Алексеевки, я уже не приземлился на своем самолете, а упал. В бессознательном состоянии я находился в смятом самолете с заклинившейся дверкой кабины. Бойцы наземных войск разрубили кабину и вытащили меня из самолета.

Когда я очнулся и немного пришел в себя, то первое, что я услышал, были слова бойцов, разглядевших на моей груди Звезду Героя: «Какое право имел немец сбивать Героя Советского Союза?».

В Алексеевке в медсанбате мне оказали первую помощь, а затем отправили в сборный пункт, а далее в полевой госпиталь в Лысогорку, где раненых сортировали по степени ранения и уже потом отправляли в тыловой госпиталь. Я попал в группу так называемых «черепных».

Здесь же был и раненый начальник штаба 4 мехкорпуса в звании полковника. Все раненые лежали прямо на земле. Начмед при

обходе подошел к нам и сказал сотрудникам: «Вы бы этих товарищей разместили поудобней». У какого-то селянина – колхозника Лысогорки – в конюшне были настланы деревянные полы. Там подготовили для нас место и окончательно разместили, поскольку все было забито бойцами, ранеными в ходе прорыва Миус-фронта.

Затем на самолете У-2 меня отправили в авиационный специализированный госпиталь. Замполит полка майор Губарев, который летал на связном самолете полка из Таганрога, где базировался наш полк, прилетел навестить меня, узнать, как идет мое лечение, а сам рассказал, как воюет полк и все новости полка.

Наш бой 29 августа обсуждался личным составом полка и дивизии. Все шесть летчиков, которые участвовали в том воздушном бою, имели богатый боевой опыт. Поэтому всех летчиков дивизии и поразило то, что было сбито сразу три наших аса.

Если бы мы оставались на своем месте, сохраняя боевой порядок, который был нам определен первоначальным приказом, выполняя задачу обеспечения безопасности ударной группы В.Г. Семенишина, находясь выше нее и обзоревав все воздушное пространство над местом боя, наша пара с Руммом не допустила бы того, что произошло.

Как ни горько это вспоминать, но ровно месяц спустя, 29 сентября 1943 г., погиб сам командир полка В.Г. Семенишин, допустив в воздушном бою ту же ошибку. Узнав об этом, Дмитрий Глинка из соседнего братского полка обратился к командиру дивизии полковнику Дзусову за разрешением вылететь группой, чтобы отомстить за товарищей, сбитых в предыдущем бою. Д.Б. Глинка был дважды Героем Советского Союза, да и прозван был «грозой» немецкой авиации.

Глинка вылетел в район наших боевых действий, находился в воздухе около часа, искал противника, но так и не встретил никого. Однако в последующем полете он отомстил за своих товарищей.

Попутно к моменту должен заметить, что 60 лет спустя после этого тяжелого ранения в Ростове-на-Дону мне была прекрасно сделана операция и возвращено зрение, потерянное к этому времени в правом глазу.

За активные действия на Миус-фронте в августе 1943 г. новый командир полка Герой Советского Союза П.П. Крюков представил меня к ордену Красного Знамени, который я не получил.

1943 г. 104 гвардейский истребительный авиационный полк.
На снимке: в первом ряду в центре (лежит) В.М. Дрыгин

Вот что, в частности, написано в Представлении к ордену:
«Выполняя задания по прикрытию своих бомбардировщиков тов. Дрыгин отличился своим умением отражать атаки истребителей противника и обеспечивать точное выполнение боевых заданий бомбардировщиками. При самых яростных атаках истребителей противника тов. Дрыгин обеспечивал точную работу бомбардировщиков, потерь которых от истребителей противника за время сопровождения группой Дрыгина не было ни одного».

За отличное сопровождение бомбардировщиков командованию 219 БАД поступали отношения следующего содержания:

– *«Прошу объявить благодарность летчикам 298 ИАП за отличное сопровождение девяти Пе-2 134 ББАП – 05.05.43 г.*

Командир ВЧ ББАП майор Кулаков».

– *«Сообщаю, что 9 мая 1943 г. 10 «Аэрокобр» прикрывали группу в количестве 18 Б-20 – отлично.*

Подтверждение экипажей Павленко, Исмаилова, Харитонов».

– «Ударной парой прикрывающих «Аэрокобр» сбит истребитель Ме-109, который горящим упал в районе Горно-Веселого.

Начальник штаба 244 ББАП Пономарев».

– «Выполняя задание по прикрытию своих войск тов. Дрыгин с 21.08.43 г. участвовал в семи воздушных боях.

29.08.43 г. в районе Марьевска в составе группы шести «Аэрокобр» Дрыгин атаковал 12 Ю-88. В результате его атаки один Ю-88 взорвался в воздухе.

При выходе из атаки Дрыгин увидел, что их атакуют Ме-109. Со своим ведомым Руммом он связал боем истребителей противника, что дало возможность обратиться в бегство бомбардировщиков.

В этом бою Дрыгин был тяжело ранен в голову и вернулся в строй 17.11.43 г. после лечения.

Командир полка Герой Советского Союза П.П. Крюков»

Участвуя в непрерывных воздушных боях с весны 1943 г. на Кубани, на Миус-фронте, на реке Молочной, материальная часть полка исчерпала свой ресурс. Требовалось пополнение полков самолетами и молодыми летчиками, которых еще надо было обучать полетам на «Аэрокобре».

Впереди предстояли тяжелые наступательные операции, и 9 гвардейская истребительная авиадивизия с ее полками была отведена на переформирование в Черниговку.

Я вернулся из госпиталя в полк, когда началось перемещение на тыловые аэродромы. Мое здоровье еще не было восстановлено, зрение сильно снизилось, и врачи запретили мне летать в течение года.

В это время в штаб Восьмой Воздушной армии поступила разнарядка на учебу в академию Военно-Воздушных Сил на два человека. Без раздумий на одно из этих мест определили меня. Когда я узнал об этом, то сильно расстроился, так как уезжать с фронта не хотел, но надежда на то, что я останусь в авиации и вернусь к летней работе, несколько утешала меня.

Тяжело было расставаться с родным полком, с боевыми друзьями, которые на прощанье высказали мне много добрых напутственных пожеланий, и 5 января 1944 года по направлению командования 8 Воздушной армии я уехал в Москву в Академию ВВС МО СССР.

Так я расстался со своим полком, с которым с самого начала Великой Отечественной войны шел трудными дорогами на долгом пути длиной в 1418 дней к Великой Победе, приближая этот день всеми своими силами.

Мы сражались за Родину, не жалея для Победы самой жизни. В результате войска фашистской Германии были разгромлены.

«В 00.43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта о безоговорочной капитуляции было закончено. Г.К. Жуков»

Свою силу и мощь наша Армия еще раз продемонстрировала на Параде Победы 24 июня 1945 года.

Под звуки марша Командующие фронтами вели свои непобедимые войска по Красной площади в Москве под овеянными боевой славой знаменами.

В числе участников Парада прошел и я в «коробке» Академии.

Вдруг в наступившей тишине под барабанную дробь 200 воинов подошли к трибуне, на которой стояли полководцы и бросили к их ногам 200 боевых знамен поверженной Германии.

Александр Невский когда-то сказал: «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет!».

Немецко-фашистским захватчикам показали, что народ России непобедим!

Список использованной литературы и других материалов

1. Архивные документы ЦАМО, которые в 80-х годах XX века я изучал в г. Подольске.
2. Боевая характеристика В.М. Дрыгина.
3. Журнал боевых действий (104 ГИАП).
4. Лицевая карточка боевых действий В.М. Дрыгина.
5. Представление В.М. Дрыгина к ордену Союзников, подписанное командиром полка Героем Советского Союза И.А. Тараненко.
6. Представление личного состава полка на звание «Гвардейский» (104 ГИАП).
7. Воспоминания С.П. Губарева, замполита 104 (298) гвардейского ордена Александра Невского Краковского истребительного авиаполка.
8. Вершинин К.А Четвертая воздушная. – М.: Воениздат, 1975. – 349 с.
9. Калинин А.П. Истребители над «Голубой линией». – М.: Воениздат, 1963.
10. Корольченко А. Маршалы Победы. – Ростов-на-Дону, 2005. – 240 с.
11. Павлов Г.Р. Друзья мои – однополчане: Очерки, воспоминания о крылатых богатырях Родины. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1978. – 160 с.
12. Труд А.И. «Звездные кобры» рвутся в бой. – Ростов-на-Дону, 2005.
13. Статьи и очерки из газет и журналов военных и послевоенных лет, хранящиеся в моем личном архиве.
14. Фотографии, полученные мной от И.В. Злобина.

**Дрыгин
Василий Михайлович**

И небу было жарко...

Подписано в печать 15.03.2010. Формат 60x84/16
Бумага писчая. Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 8,5
Тираж 100. Заказ 83

344022, Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 23
Ростиздат

Отпечатано в типографии ООО «ВУД»
г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 157